

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ
Стэнфилдов

МАРК ЛЕВИ

Annotation

Элино́р-Ригби, журналистка из Лондона, получает анонимное письмо. В нем говорится, что у ее матери криминальное прошлое. В то же самое время мастер-краснодеревщик из Канады по имени Джордж-Харрисон получает такое же письмо, обвиняющее его мать в тяжком преступлении. Аноним приглашает обоих на встречу в кафе «Сейлорс» в Балтиморе в одно и то же время, однако сам не приходит. Жертвы его коварной игры, познакомившись, обнаруживают на стене кафе фотографию: две подруги на веселой вечеринке. Это их матери, а снимку больше тридцати лет. Что же случилось тогда, в начале 80-х? Герои блуждают в пугающем лабиринте загадок, в центре которого – влиятельное семейство Стэнфилд.

- [Марк Леви](#)

-
-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
 -
 - [Элино́р-Ри́гби](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 -
 - [Джордж-Харрисон](#)
 - [Элино́р-Ри́гби](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Спасибо](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Марк Леви

Последняя из Стэнфилдов

Marc Levy
LA DERNIÈRE DES STANFIELD

© Marc Levy/Versilio, 2017
© Дизайн обложки: © Lorenzo Eroticolor TM.
© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО “Издательская Группа
“Азбука-Аттикус”, 2017
Издательство Иностранка®

* * *

*Луи, Жоржу, Клеа
Полине*

*У всякого рассказа есть три версии:
ваша... моя... и правдивая.
Ни одна не лжет.*

Роберт Эванс

Октябрь 2016 г., Лондон

Меня зовут Элино́р-Ри́гби Доно́ван.

Возможно, мое имя вам что-то говорит. Дело в том, что мои родители обожали «Битлз»: «Элино́р Ри́гби» – название песни, написанной Полом Маккартни.

Мой отец терпеть не может, когда я ему напоминаю, что его молодость осталась в прошлом веке, но деваться некуда. В 1960-е годы фанаты рок-музыки делились на две группы: одна была за «Роллинг стоунз», другая – за «Битлз»; по какой-то неведомой причине любить и тех и других одновременно было невозможно.

Мои родители впервые встретились, когда им было семнадцать. Случилось это в лондонском пабе по соседству с Эбби-Роуд, весь зал хором распевал All You Need Is Love, впившись глазами в экран телевизора: транслировали концерт «Битлз». Семьсот миллионов телезрителей по всему миру поддерживали их зарождающееся чувство – чем не начало романа, достойного остаться в истории? Тем не менее спустя несколько лет они потеряли друг друга из виду. Но жизнь полна неожиданностей, и они снова встретились при весьма необычных обстоятельствах, когда обоим было уже под тридцать. Меня зачали спустя тринадцать лет после первого поцелуя. Они явно не торопились.

Мой отец, отличающийся безбрежным чувством юмора – согласно семейному преданию, именно этим качеством он и привлек мою мать, – при регистрации моего свидетельства о рождении нарек меня Элино́р-Ри́гби.

«Когда мы тебя затевали, то бесконечно слушали эту песню», – признался он мне как-то раз в свое оправдание.

Ситуация, подробности которой мне совершенно не хотелось себе представлять. Любому желающему я могла бы поведать о своем трудном детстве, только это было бы враньем, а врать я никогда не умела.

Семья у меня из категории неправильных – как все семьи. Делятся они на два клана: одни семьи это признают, другие делают вид, будто у них все в порядке. Наша – неправильная, но веселая, порой даже слишком. Только

попробуй заговорить о чем-то серьезно – тебя мигом поднимут на смех. У нас ко всему относятся легкомысленно, даже к тому, что грозит тяжкими последствиями. Признаться, меня это часто бесило. Мои родители только и делали, что обвиняли друг друга в безумии, пронизывавшем всю нашу жизнь: разговоры, совместные трапезы, вечера и наше детство – мое, моего старшего брата (он появился на свет на двадцать минут раньше меня) и моей младшей сестры Мэгги.

Мэгги (седьмая песня с первой стороны альбома *Let It Be*) – существо непостоянное и беспокойное, при этом у нее железный характер, а еще она непревзойденная эгоистка, когда речь заходит о повседневных мелочах. И все это в ней прекрасно уживается. Если у вас серьезная проблема, она тут как тут. Не хотите садиться в четыре утра в машину к двум приятелям, слишком поддавшим, чтобы управлять даже самокатом? Она стащит ключи отцовского «остина», помчится в пижаме на другой конец города, заберет вас, да еще развезет по домам ваших приятелей, дав им напоследок нагоняй, хотя они на два года ее старше. Но только попробуйте стянуть за завтраком бутерброд из ее тарелки – получите по рукам так, что надолго запомните. И не надейтесь, что она оставит вам в холодильнике хоть каплю молока. Остается загадкой, почему родители всегда носили ее на руках, как принцессу. Мама испытывала перед ней болезненное восхищение: ее младшенькой были суждены великие свершения. Мэгги станет адвокатом или врачом, а может, и тем и другим сразу, будет спасать вдов и сирот, покончит с голодом во всем мире... Короче, обожаемый ребенок, о будущем которого полагалось печься всей семьей.

Моего брата-близнеца называли Мишелем (седьмая песня с первой стороны альбома *Rubber Soul*), хотя в песне это имя женское. Гинеколог не разглядел на УЗИ его пипку. Ничего не поделаешь, мы с ним лежали тесно-тесно. *Errare humanum est* – человеку свойственно ошибаться. Зато какой сюрприз при родах! Но имя уже выбрали, о его замене не могло быть речи. Папа согласился убрать лишние «l» и «e»^[1], но первые три года мой братец провел в детской с розовыми стенами: Алиса гонялась по ним за кроликами. Подслеповатость гинеколога приводит порой к непредвиденным последствиям.

Люди, путающие приличное образование с лицемерием, смущенно скажут, что Мишель у нас человек особенный. Убежденные в своем всезнайстве обречены жить в шорах предрассудков. Мишель обитает в мире, где нет места насилию, стяжательству, лицемерию, несправедливости, злобе. Врачи считают его мир хаосом, но для него самого каждой вещи и каждой мысли отведено особое место, и мир этот

так непосредственен, так искренен, что у меня возникает мысль: не мы ли, все остальные, особенные, если не сказать ненормальные? Те же самые врачи никогда не могут толком определить, что с ним: синдром Аспергера – или он просто не такой, как остальные. На самом деле все, конечно, не «просто», но Мишель и вправду невероятно милый и мягкий человек, кладезь здравомыслия, неисчерпаемый источник веселья. Если я не умею врать, то Мишель не может не сказать того, что думает, причем сразу же, как только ему в голову пришла какая-то мысль. В четыре года, когда он решил наконец заговорить, он спросил в очереди к кассе супермаркета у женщины в кресле-каталке, почему она сидит в детской коляске. Мама, потрясенная тем, что услышала от него первую связную фразу, сначала схватила его на руки и осыпала поцелуями, а уж потом побагровела от стыда. И это было только начало...

С того вечера, когда наши родители опять встретились, они не переставали друг друга любить. У них, как у всякой пары, случались ледниковые периоды, когда между ними царил холод, но вскоре наступало примирение, и вновь возвращались неизменное взаимное уважение и восхищение. Однажды, расставшись с тем, в кого была влюблена, я спросила их, как им удалось пронести любовь через всю жизнь, и получила от отца ответ: «История любви – это встреча двух дающих».

Мама умерла в прошлом году. Они с отцом ужинали в ресторане, официант принес ее любимый десерт, ромовую бабу – и она уткнулась лицом в горку крема. Откачать ее так и не смогли.

Папа старается не делиться с нами своим горем, понимая, что мы переживаем случившееся по-своему. Мишель продолжает звонить маме каждое утро, и отец исправно отвечает, что она не может подойти к телефону.

Спустя два дня после того, как мы предали ее земле, папа собрал нас за семейным столом и категорически запретил сидеть с похоронным видом. Мамина смерть ни в коем случае не должна была разрушить то, что они вместе создали для нас, приложив немало усилий, – веселую сплоченную семью. На завтра мы обнаружили на дверце холодильника записку: «Дорогие мои, сначала умирают ваши родители, потом наступает ваша очередь. Хорошего вам дня. Папа». Логично, как сказал бы мой братец. Нельзя терять время, предаваясь унынию. И вообще, если ваша мать уходит в царство теней, упав лицом в ромовую бабу, это наводит на размышления.

Узнав о том, кем я работаю, большинство людей бледнеют от зависти. Я журналистка «Нэшнл джиографик». Мне платят – пусть не слишком щедро, но все-таки – за то, что я разъезжаю по миру, запечатлеваю и

описывая его разнообразие. Странно, но мне пришлось объехать всю планету, чтобы обнаружить, что все это великолепное разнообразие окружает меня в повседневной жизни, и достаточно толкнуть дверь своего дома и немного внимательнее взглянуть на других людей, чтобы это понять.

Но когда проводишь жизнь в самолетах, триста ночей в году спишь в гостиничных номерах разной степени комфорта, чаще невысокой из-за ограниченного бюджета, ешь по большей части в тряских автобусах и приходишь в неопишуемый экстаз при виде чистой душевой кабинки, то, вернувшись домой, испытываешь одно-единственное желание: растянуться, задрать ноги, на мягком диване перед телевизором, чтобы рядом стоял поднос с едой и близкие были тут же, на расстоянии вытянутой руки.

Моя личная жизнь исчерпывается редкими короткими романами. Бесперывные путешествия – все равно что клеймо безбрачия, выжженное раскаленным железом на неопределенный срок. Два года я встречалась с репортером «Вашингтон пост», надеясь на взаимную верность. Иллюзия, пускай и восхитительная. Мы пытались поддерживать ощущение близости при помощи электронной переписки, но ни разу не провели вместе больше трех дней подряд. В общей сложности наша связь не продлилась и двух месяцев. При каждой встрече у нас отчаянно колотилось сердце, при каждом расставании тоже; не выдержав аритмии, мы оба сдались.

У меня, по сравнению с большинством моих друзей, далеко не банальная жизнь, а однажды утром, когда я взялась просматривать почту, она стала и вовсе странной.

Я летела домой из Коста-Рики, папа приехал за мной в аэропорт. Мне твердят, что в тридцать пять лет пора перерезать пуповину. В каком-то смысле я уже это сделала, но возвращаясь и находя лицо отца в толпе, высматривающей прибывших пассажиров, я всякий раз впадаю в детство, и ничто не заставит меня побороть это сладкое чувство.

После маминой смерти он немного постарел, шевелюра поредела, животик слегка округлился, походка отяжелела, но он по-прежнему привлекательный мужчина – элегантный, блестящий, экстравагантный, и никакой аромат на свете не действует на меня так умиротворяюще, как запах его макушки, когда он крепко меня обнимает и приподнимает в воздух. Да-да, эдипов комплекс, держи нас крепче и не отпускай, по крайней мере чем позже, тем лучше... Поездка в Центральную Америку вымотала меня до предела. Весь полет я сидела стиснутая между двумя пассажирами, поочередно ронявшими голову мне на плечо при малейшей

тряске, словно на подушку. Вернувшись домой и увидев в зеркале ванной свое помятое лицо, я поняла, почему они так со мной обращались. Мишель пришел ужинать к папе, посреди ужина к нам присоединилась моя сестра, и я разрывалась между наслаждением всех их видеть и желанием уединиться в комнате, официально считавшейся моей, пока мне не исполнилось двадцать, а неофициально – гораздо дольше. Я снимаю квартирку-студию на западе Лондона, на Олд-Бромптон-Роуд – из принципа и чисто из гордости, потому что почти никогда там не ночую. В те редкие моменты, когда я оказываюсь на родине, мне приятно возвращаться под крышу нашего дома в Кройдоне.

Переночевав у папы, я поехала к себе и нашла среди счетов и рекламных проспектов надписанный от руки конверт. Почерк был изумительно красивый, округлый, с нажимом и тонкими хвостиками в правильных местах – так учат писать в школе.

Извлеченное из конверта письмо сообщало о совершенно мне неведомом прошлом моей матери. Меня уверяли, будто, разбирая ее вещи, я непременно обнаружу предметы из прошлого, которые откроют мне глаза на то, какой была на самом деле моя мать. Не довольствуясь этим, анонимный автор утверждал, что мама была замешана в некоем преступном деянии, совершенном тридцать пять лет назад. Никаких уточнений в письме не содержалось.

В этих откровениях было многовато неувязок. Начать с того, что тридцать пять лет назад мама уже ждала меня... Трудно представить себе, как моя мама, причем беременная двойней, совершает преступление – невообразимо для тех, кто ее знал. Автор анонимного письма предлагал, если мне захочется узнать больше, отправиться на другой конец света. В завершение он просил меня уничтожить это послание и никому о нем не рассказывать – ни Мэгги, ни тем более отцу.

Откуда этот незнакомец знал имена моих близких? Это тоже привело меня в недоумение.

Я похоронила маму только весной и все еще сильно скучала по ней.

Сестре не могла взбрести в голову такая скверная шутка, брат был категорически не способен выдумать подобную историю. Сколько бы я ни листала свою адресную книжку, в ней не нашлось бы ни одного знакомого, которого можно было бы заподозрить в этой проделке.

Как бы поступили на моем месте вы? Вероятно, совершили бы ту же ошибку, что и я.

Октябрь 1980 г., Балтимор

Чтобы выйти из лофта, нужно было спуститься по крутой лестнице. Сто двадцать высоких ступенек, три пролета, еле-еле освещенные лампочкой на перекрученном проводе, – тусклое мерцание в бездонной пропасти. Спуск был сродни игре со смертью, подъем превращался в пытку. Салли-Энн проделывала этот путь дважды в день, утром и вечером.

Старый грузовой лифт давно отслужил свое. Теперь его ржавая решетка стала частью пейзажа, слабо выделяясь на фоне охровых стен.

Всякий раз, когда Салли-Энн толкала дверь и выходила наружу, ей бросалась в глаза вереница обшарпанных доков. Вдоль улиц теснились старые кирпичные склады. Истрепанный морскими ветрами пирс щетинился высокими кранами, забиравшими контейнеры с последних грузовых судов, еще швартовавшихся в этом пришедшем в упадок порту. Квартал еще не привлек внимания кудесников-застройщиков. В те времена в заброшенных домах вокруг порта ютились разве что начинающие актеры, подававшие слабые надежды музыканты и живописцы, юнцы без гроша в кармане, заглядывавшиеся на дочек богатых родителей, никому не нужные и зачастую конфликтовавшие с законом прожигатели жизни. До ближайшей бакалеи было десять минут езды на мотоцикле.

Салли-Энн была владелицей мотоцикла «Триумф Бонвиль»: 650 кубических сантиметров его двигателя позволяли (сдуру) разгоняться до ста пятидесяти и даже больше миль в час. Вмятина на бело-синем баке напоминала о падении, случившемся, когда хозяйка объезжала этого норовистого зверя.

Несколько дней назад родители предложили Салли-Энн покинуть родной город и отправиться смотреть мир. Мать холеной рукой подписала чек, аккуратно оторвав его от корешка, и протянула дочери, тем самым также отрывая ее от себя.

Салли-Энн прикинула, сколько времени можно будет веселиться и пить на эту сумму, и обиженная скорее тем, что семья отправляет ее куда подальше, чем требованием искупить ошибку, которой она еще не совершила, решила мстить. Она добьется такого успеха, что в один

прекрасный день они расскаются, что отреклись от нее! Честолюбивый проект, спору нет. Однако в запасе у Салли-Энн был недюжинный ум, красивое тело и пухлая адресная книжка. В ее семье мерилом успеха были размер банковского счета и имущество, которым можно блеснуть. Денег Салли-Энн всегда хватало, но ее они интересовали лишь постольку-поскольку. Она любила большие компании и только посмеивалась над родственниками, шокированными ее общением с людьми не их круга. У Салли-Энн хватало недостатков, зато она отличалась способностью к бескорыстной дружбе.

Предательский цвет неба – ослепительная лазурь – заставлял забыть, что всю ночь лил дождь. Но она была настороже: скользкая дорога – смертельный враг мотоциклиста. «Триумф» мчался по асфальту, Салли-Энн чувствовала икрами тепло мотора. Управление этой машиной дарило ей чувство бесконечной свободы.

Издали приметив на перекрестке одинокий памятник среди пустыни – кабину телефона-автомата, – она взглянула на циферблат часов, блеснувших между застежками перчатки, сбросила скорость и нажала на рукоятку тормоза. Поставила мотоцикл у тротуара, опустила упор. Нужно было убедиться, что сообщница не опаздывает.

Пять гудков. От тревоги у Салли-Энн перехватило горло. Почему Мэй не отвечает? Наконец в трубке раздался щелчок.

– Все в порядке?

– Да, – услышала она угрюмый голос.

– Я еду. Ты готова?

– Надеюсь... Тем более уже поздно идти на попятную, ведь так?

– Зачем нам сдавать назад? – удивилась Салли-Энн.

На перечисление всех причин, от которых у нее пухла голова, у Мэй ушло бы много времени. Их план слишком рискованный. Стоит ли игра свеч? Что проку мстить, когда сделанного все равно не воротишь? Что, если все пойдет не так, как задумано, и их сцапают? Дважды пострадать за одно и то же – не многовато ли? С другой стороны, она решилась на этот риск не ради себя, а ради подруги. В общем, Мэй промолчала.

Мимо медленно ехала машина полиции, и Салли-Энн задержала дыхание, стараясь умерить волнение. Если она струхнет сейчас, то что будет, когда дойдет до дела? Пока что ей было не в чем себя упрекнуть: мотоцикл стоял по всем правилам, звонить из телефона-автомата закон не запрещает. Машина не затормозила, но полицейский за рулем на нее засмотрелся – и было на что! «И эти туда же!» – подумала она, вешая трубку.

Что там на часах? Она будет у дверей Стэнфилдов через двадцать минут, через час уедет от них, через полтора часа вернется домой. Эти полтора часа все-все изменяют для Мэй и для нее. Она прыгнула на мотоцикл, ударила пяткой по стартеру и с ревом рванула вперед.

На другом конце города Мэй надевала пальто. Она заранее засунула глубоко в карман крючок-отмычку с крестообразным наконечником, завернутый в салфетку, заранее расплатилась с изготовившим этот инструмент для взлома слесарем. Выйдя из дому, она поехала от холода. Голые ветки тополей на ветру стучали друг о друга. Она подняла воротник и заторопилась на автобусную остановку.

Сидя у окна, она изучила свое отражение, откинула назад и заколола волосы. Мужчина через два ряда от нее слушал Чета Бейкера по маленькому транзистору, стоявшему у него на коленях, и медленно покачивал головой в такт балладе. Его сосед громко шуршал газетой, явно желая досадить слушателю *My Funny Valentine*: ему самому песенка, очевидно, была не по вкусу.

— По-моему, это самая красивая песня в мире, — с упреком заявила сидевшая рядом женщина.

Мэй эта песня казалась не столько красивой, сколько грустной; истина, как водится, была где-то посередине. Мэй вышла через шесть остановок и встала у подножия холма. Она приехала строго в условленное время, но Салли-Энн уже ждала ее со своим мотоциклом. Протянула Мэй шлем, подождала, пока та устроится сзади. Потом мотор взревел, и «Триумф» сорвался с места.

Октябрь 2016 г., Бекенхем, пригород Лондона

Все было как будто в порядке, но где там! Мэгги стояла в двери гостиной, подперев спиной косяк, и вертела в пальцах потухшую сигарету. Отчего-то ей почудилось, будто заново подожженный окурок – такая же нелепость, как это безумное письмо.

Я сидела на стуле, словно ученица за первой партой, боящаяся вызвать гнев учительницы, и держала в руках листок. Мое состояние было близко к оцепенению.

– Прочти-ка еще разок! – приказала Мэгги.

– «Пожалуйста». «Прочти, пожалуйста», – привычно поправила ее я.

– Я, что ли, к тебе примчалась среди ночи? Вот и не донимай меня своим «пожалуйста»!

Каким образом Мэгги умудряется платить за двухкомнатную квартиру, когда у меня, вкалывающей по-настоящему, с трудом хватает денег на маленькую студию? Тут явно не обошлось без родительской помощи. Раз она продолжает так роскошествовать после смерти мамы, значит, здесь замешан папа. Надо будет набраться смелости и задать этот вопрос за семейным столом. Да, думала я, придет день, когда у меня хватит отваги раз и навсегда поставить на место младшую сестру, чтобы она забыла, как мне грубить; что только не лезло мне в голову, лишь бы не думать о письме, которое я собиралась прочесть Мэгги еще раз, раз она этого потребовала.

– Ты что, язык проглотила, Ригби?

Терпеть не могу, когда Мэгги так укорачивает мое имя, крадя у него женственность. Она прекрасно знает это. Мы, конечно, друг друга любим, но в остальном между нами все непросто. В детстве нам случалось драться друг дружку за волосы; у разозлившихся девчонок так бывает, а тем более у подростков. Мы дрались до тех пор, пока Мишель не начинал сжимать себе руками голову, как будто зло, материализованное в ссоре сестренки, сдавливало ему виски и причиняло страдания. Тогда мы прекращали схватку, о причине которой к тому времени уже забывали, и, желая его убедить, что все это всего лишь игра, принимались кружиться, вовлекая брата в свой хоровод.

Мэгги мечтала о таких же рыжих волосах, как у меня, о таком же спокойном выражении лица. Послушать ее, так мне всё было нипочем. Что до меня, то я мечтала о черной гриве, как у младшей сестры, потому что тогда надо мной не смеялись бы в школе, о ее непроницаемой красоте, ее самоуверенности. Мы могли поссориться по любому поводу, но стоило кому-то чужому или одному из наших родителей напуститься на одну из нас – и другая тут же бросалась ей на выручку, готовая впиться в обидчика зубами, лишь бы отстоять сестру.

Я вздохнула и стала громко читать:

Дорогая Элинора,

извините, что сокращаю Ваше имя, составные имена для меня длинноваты, Ваше, кстати, замечательное, но мое письмо не об этом.

Вы наверняка восприняли внезапный уход Вашей матери как глубокую несправедливость. Она была создана для того, чтобы стать бабушкой, чтобы умереть в весьма преклонном возрасте в своей постели, в окружении семьи, которой она столько дала. Это была необыкновенная, выдающегося ума женщина, способная и на самое лучшее, и на самое худшее, но Вам было известно только о лучшем.

Что поделать, мы знаем о своих родителях только то, что они сами хотят нам рассказать и что мы сами хотим в них видеть. Мы забываем – и это в порядке вещей, – что они жили и до нашего появления на свет. Я хочу сказать, что тогда они вели свою собственную жизнь, проходили через испытания молодости, через ложь. Им тоже приходилось разбивать свои цепи, вырываться на свободу. Вопрос в том, КАК они это делали.

Ваша мать, например, отказалась тридцать пять лет назад от внушительного состояния. Но это состояние было вовсе не наследством. Так каким же образом она его заполучила? Оно ей принадлежало или она его похитила? Если нет, то зачем было от него отказываться? Вот сколько набирается вопросов, на которые Вам придется поискать ответы, если они Вас интересуют. В этом случае я советую Вам призвать на помощь всю Вашу ловкость и проницательность. Как вы понимаете, такая разумная женщина, как Ваша мать, не стала бы прятать самые интимные свои секреты там, где их было бы легко найти. Когда Вы найдете доказательства обоснованности моих

вопросов – а я знаю, что первым Вашим побуждением будет от них отмахнуться, – Вам непременно понадобится меня отыскать, хотя я живу на другом конце света. Но всему свое время. А пока что, я думаю, Вам нужно как следует поразмыслить. Впереди у Вас много дел.

Простите, что не называю себя, не считайте это трусостью, я поступаю так только для Вашего блага.

Советую Вам от чистого сердца никому не говорить об этом письме – ни Мэгги, ни Вашему отцу, и уничтожить его сразу после прочтения. Хранить его не имеет никакого смысла. Поверьте, мои слова совершенно искренни; желаю Вам всего наилучшего и выражаю, пусть с опозданием, свои соболезнования.

– Хитро составлено письмецо! – бросила я. – Пойди разберись, мужчина это написал или женщина.

– Не важно, мужчина или женщина, главное, автор не в себе. Это письмо бессмысленно – почти всё. Кроме совета его уничтожить...

– И никому о нем не рассказывать, прежде всего тебе...

– Этому совету ты не последовала, и правильно сделала.

– А папе?

– Ему лучше не говори, нечего его волновать этим потоком глупостей.

– Прекрати! Вечно ты диктуешь, что мне делать, чего не делать. Старшая – я!

– Разве лишний год гарантирует тебе умственное превосходство? Будь так, ты бы не примчалась показывать мне это письмо.

– Я не примчалась. Я получила его еще позавчера, – уточнила я.

Мэгги взяла стул и уселась напротив меня. Я положила на стол письмо. Она провела по нему пальцем и оценила качество бумаги.

– Только не говори, что поверила хоть слову, – предупредила она меня.

– Даже не знаю... Зачем кому-то тратить время на пустую ложь? – пробурчала я.

– Затем, что повсюду кишат ущербные люди, готовые на все, лишь бы сделать другому гадость.

– Только не мне, Мэгги. Можешь считать мою жизнь скучной, но врагов я себе точно не нажила.

– Может, это мужчина, которого ты заставила страдать?

– Хотелось бы, но тут пустыня до самого горизонта.

– А твой журналист?

– Он никогда не позволил бы себе такой низости. К тому же мы расстались добрыми друзьями.

– Откуда тогда этот бумагомарака узнал мое имя?

– Ему известно про нас гораздо больше. Мишеля он не упомянул, но это только потому, что...

Мэгги крутанула на столе зажигалку.

– Это только потому, что он знает, что ты не станешь беспокоить нашего братишку. Выходит, анониму известно его состояние. От всего этого как-то не по себе! – проворчала она.

– Что же нам делать?

– Ничего! Ничего не предпринимать – лучший способ не вступать в его игру. Выбросить эту гадость в мусорную корзину – и жить дальше.

– Ты можешь себе представить маму в начале ее жизненного пути богачкой? Это полная бессмыслица, мы всегда еле сводили концы с концами. Если бы у нее имелись средства, то зачем было бы так туго затягивать ремень?

– Не преувеличивай, нищетой это все-таки не назовешь, мы ни в чем не испытывали нужды! – возразила Мэгги, начиная злиться.

– Это тебе всегда всего хватало. Ты многого не замечала.

– Чего именно, хотелось бы узнать?

– Трудностей в конце месяца. Думаешь, мама давала частные уроки только из любви к искусству, а папа посвящал выходные вычитыванию рукописей из чистого удовольствия?

– Он работал в издательстве, а мама преподавала. Я думала, что все это входит в их обязанности.

– Нет уж, вкалывать после шести вечера никак не входило в их обязанности. Думаешь, они отправляли нас в детский лагерь, а сами в это время нежились на Карибах? Нет, они работали. Мама даже подменяла в больнице регистраторшу приемного отделения.

– Мама?.. – ошарашенно переспросила Мэгги.

– Три года подряд, каждое лето, когда тебе было тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет.

– Почему ты знала об этом, а я нет?

– Потому что я задавала вопросы. Сама видишь, как много значит даже маленькая разница в возрасте.

Мэгги ненадолго задумалась.

– Ну, нет, – снова заговорила она, – я не допускаю мысли, что наша мать зарыла клад с золотом.

– «Состояние» необязательно подразумевает деньги.

– Если это не настоящее состояние, то зачем анониму уточнять, что она получила его не по наследству?

– Таким способом он подсказывает нам, что следует пораскинуть мозгами, и, возможно, намекает, что в его словах неплохо бы поискать подтекст.

– Что-то многовато предположений. Лучше избавься от этого письма, забудь, что вообще его получала!

– Конечно! Уж я тебя знаю, двух дней не пройдет, как ты нагрянешь к папе и перевернешь его дом вверх дном.

Мэгги схватила зажигалку и закурила сигарету. Сделав большую затяжку, она выпустила вертикальную струйку дыма.

– Ладно, – примирительно сказала она. – Устроим завтра здесь семейный ужин. Ты занимаешься едой, я – папой. Учти, все это только для очистки совести, потому что я уверена, что это напрасная трата времени.

– Завтра ты закажешь пиццу, и мы вдвоем аккуратно расспросим папу. Мишель тоже будет.

Октябрь 2016 г., Кройдон, пригород Лондона

Ему понравилась идея поужинать вместе с детьми, но он предпочел бы, чтобы это произошло у него дома. Рэй был домоседом, а в его возрасте люди не меняются. Он достал из гардероба свою куртку, украшенную шевронами. Надо съездить за Мишелем – удобная возможность проехаться на стареньком «остине». Он перестал ездить на нем за покупками, когда в пяти минутах от его дома открылся супермаркет «Теско». Врач посоветовал ему ходить пешком ежедневно не менее пятнадцати минут – минимум, необходимый для здоровья суставов. На суставы он плевать хотел, просто не знал, куда себя девать, с тех пор как овдовел. Тем не менее, стоя перед зеркалом, он втянул живот и откинул пятерней волосы назад. На старость ему тоже было наплевать, вот только жаль густой шевелюры – гордости молодых лет. Правительство, вместо того чтобы без толку тратить миллиарды на войну, могло бы дать деньги тем, кто придумает способ снова отращивать вылезшие волосы. Если бы можно было вернуться на тридцать лет назад, он уговорил бы жену посвятить ее талант химика науке, а не преподаванию. Она бы открыла волшебную формулу, и они проводили бы старость, колеся по миру и переезжая из одного дворца в другой.

Нет, решил он, беря вместо куртки габардиновый плащ, вдовцу путешествовать было бы невыносимо, к тому же недаром он домосед. Раньше Мэгги не приглашала родных к себе. Уж не собирается ли она сообщить ему, что выходит замуж? Пожалуй, он не влезет в свой смокинг. Ну ничего, значит, придется посидеть на диете, если, конечно, ему дадут время сбросить килограмма три, максимум пять, не надо фанатизма, он еще более-менее стройный мужчина: не считая некоторых лишних округлостей, ничего страшного... С Мэгги станется огорошить его сообщением, что свадьба назначена на ближайший уик-энд, всем известно, до чего она нетерпелива. Какой же ей сделать свадебный подарок? Заметив, что веки немного обвисли, он поднес указательный палец к правому глазу, подтянул их и пришел к выводу, что так выглядит гораздо моложе, но при этом довольно глупо. Прилепить, что ли, себе под глаза по кусочку скотча? То-то все покатаются со смеху! Рэй немного погримасничал перед зеркалом и сам

себя развеселил. В приподнятом настроении он сгреб кепку, подбросил на ладони ключи от машины и вышел из дому пружинистой молодежью походкой.

В «остине» приятно пахло пылью – элегантный запах старины, присущий салонам только коллекционных автомобилей. Сосед, жалкий завистник, доказывал, что «универсал» А60 к этой категории не принадлежит. Пусть лучше поищет в наше время настоящую палисандровую приборную панель! Часы – и те настоящий антиквариат! Он купил машину у второго ее владельца. В каком году это было? Еще до рождения близнецов? Конечно до, ведь на этой машине он приехал за женой на вокзал, когда они снова нашли друг друга. Невероятно, что эта машина сопровождала их всю совместную жизнь. Сколько миль они проехали в этом «остине»? Пробег составляет двести восемьдесят тысяч шестьсот пятьдесят три километра – а будет четыре, когда он заедет за Мишелем. Если такая машина не коллекционная, то... Ну и болван этот сосед!

Всякий раз, косясь на пассажирское кресло, он видел призрак жены. Видел, как она тянется за пряжкой ремня безопасности. У нее никогда не получалось нормально пристегнуться самой, и она донимала его подозрениями, будто он специально укоротил ремень, чтобы она поверила, что поправилась. Да, ему случалось прибегать к этой уловке – раза два-три, не больше. Ну, может, больше, если напрячь память. Вот бы можно было уйти под землю в своей машине вместо гроба! Хотя нет, это потребовало бы существенного расширения кладбищ, что недопустимо с точки зрения экологии.

Рэй затормозил перед домом Мишеля, два раза нажал на клаксон и стал ждать, наблюдая за пешеходами на поблескивающих от дождя тротуарах. Можно сколько угодно злиться на английский дождь – а вот походи найди другую такую же зеленую страну!

Его внимание привлекла одна пара. Мужчина, похоже, совершенно разучился смеяться. Если на небе есть Бог, то непонятно, почему Он не делает вдовцами именно таких типов. Мир и вправду слепок кое-как. Почему Мишель вечно не торопится? Хотя ясно почему: он должен проверить перед уходом, что все лежит на своих местах, что газ выключен, даже если он давным-давно не пользовался газовой плитой, что свет погашен всюду, кроме спальни, где он его никогда не гасит, что дверца холодильника плотно закрыта. Там петля ослабла, надо будет зайти и поменять ее, когда Мишель будет на работе. Поменяет – и ничего сыну не скажет. Вот и он в своем вечном макинтоше, которого не снимает даже

летом. А в такое лето, как нынешнее, он уж точно не переоденется.

Рэй потянулся к ручке пассажирской дверцы. Мишель уселся, поцеловал отца, накинул ремень и чинно положил руки на колени. Когда машина тронулась, он уставился на дорогу и сидел так до второго перекрестка, после чего наконец немного расслабился.

– Рад, что мы ужинаем все вместе, странно только, что у Мэгги.

– Что же в этом странного, скажи на милость? – поинтересовался Рей.

– Мэгги никогда не готовит, потому и странно.

– Насколько я понял, нынче праздник: она заказала всем пиццу.

– Тогда это менее странно, но все равно, – отозвался Мишель, провожая глазами молодую женщину на переходе.

– Недурна! – одобрил Рэй, присвистнув.

– Немного непропорциональная, – обронил Мишель.

– Ты шутишь? Она великолепна!

– Средний рост человека женского пола в 2016 году составляет пять футов два дюйма, а в этой женщине по меньшей мере шесть футов один дюйм. Значит, она слишком рослая.

– Тебе виднее, хотя я в твоём возрасте скорее одобрил бы такую непропорциональность.

– Мне больше нравится, когда они...

– Поминиатюрнее?

– Вот-вот.

– Каждой кастрюле своя крышка, не так ли?

– Возможно, но я не вижу связи.

– Это такое выражение, Мишель. Оно означает, что о вкусах не спорят.

– Вот это логично – не первое твоё выражение, лишённое всякого смысла, а второе. Оно соответствует тому, что сказал я.

«Остин» свернул на запруженный машинами бульвар. Снова зарядил мелкий дождик – типичная английская морось, в считанные минуты превращающая мостовую в зеркало.

– Думаю, твоя сестра собралась нам сообщить, что выходит замуж.

– Которая? У меня их две.

– Скорее всего, Мэгги.

– Вот как? Почему ты так считаешь?

– Отцовский инстинкт. Можешь мне поверить. Я говорю с тобой об этом уже сейчас не просто так, а с определённой целью. Когда она это объявит, я хочу, чтобы ты знал, что это хорошая новость, и проявил радость.

– Зачем?

– Сестру опечалит, если ты этого не сделаешь. Когда люди сообщают другим о счастливом для них событии, они ждут, что мы в ответ поделим их счастье.

– Зачем?

– Так мы проявляем свою любовь.

– Понимаю. А брак – это хорошее известие?

– Сложный вопрос. В принципе, да.

– Ее будущий муж тоже там будет?

– Возможно. С твоей сестрой можно всякого ожидать.

– С которой? У меня их две.

– Знаю, что их у тебя две, между прочим, это мои изделия, то есть мои и твоей матери, конечно.

– А мама там будет?

– Нет, твоей матери там не будет. Ты знаешь почему, я много раз тебе это объяснял.

– Да, знаю, потому что она умерла.

– Ну да, потому что умерла.

Мишель еще некоторое время смотрел прямо перед собой, потом повернул голову и уставился на отца:

– Для вас с ней женитьба была хорошей новостью?

– Прекрасной, старина! Если бы можно было вернуться назад, то я бы женился на ней еще раньше. Так что для Мэгги это тоже будет хорошей новостью: уверен, счастливый брак – присущий нашей семье особый дар.

– Вот как? Завтра я уточню в университете, но не думаю, что это генетическое.

– А ты сам счастлив, Мишель? – тихо спросил Рэй.

– Думаю, да... Я счастлив теперь, раз Мэгги собралась замуж, и я знаю, что брак будет счастливый, потому что это наш семейный дар. Но все-таки я немного трушу перед встречей с ее мужем.

– Что тебя пугает?

– Надеюсь, мы с ним поладим.

– Ты с ним уже знаком: это Фред, здоровенный детина, очень симпатичный, мы много раз ужинали с ним у него в пабе. То есть я думаю, что она собралась замуж за него, хотя от твоей сестры всего можно ожидать.

– Жаль, что мама не может быть с нами в тот вечер, когда ее дочь сообщает о своем решении выйти замуж.

– Которая? У меня их две, – ответил Рэй с улыбкой.

Мишель немного подумал и тоже улыбнулся.

Октябрь 1980 г., Балтимор

Мотоцикл легко одолевал дорогу, взбиравшуюся на холм. Каждый раз, когда Салли-Энн давила на газ, заднее колесо поднимало столб пыли. Еще несколько виражей – и покажется дом. Мэй издали узнала изящную черную, с тонкими гранеными пиками, ограду, защищавшую поместье Стэнфилдов. По мере приближения к нему она все крепче обхватывала талию Салли-Энн. В конце концов та не выдержала и крикнула, задыхаясь на ветру:

– Мне тоже страшно! Внуши себе, что как раз это и делает приключение таким захватывающим!

Мотор «Триумфа» так ревел, что до Мэй долетели только обрывки слов, она расслышала только «страшно» и «захватывающим», что полностью совпадало с ее ощущениями. Они находились на одной волне: это и есть идеальные отношения.

Салли-Энн снизила скорость, накренила мотоцикл и вошла в последний крутой поворот. Затем снова набрала скорость и выровняла мотоцикл. Лихость, с которой она гоняла на «Триумфе», вызвала бы зависть у любого байкера. Впереди, на вершине холма, красовался дом с горделивой колоннадой, возвышавшийся над долиной. Такую показную роскошь позволяли себе только нувориши и выскочки, притом что Стэнфилды были одним из старейших, самых уважаемых семейств города, имевших непосредственное отношение к его основанию. Одни утверждали, будто основу их богатства заложили еще рабы, возделывавшие потом их земли, другие возражали, что они были, наоборот, среди первых хозяев, отпустивших своих рабов на свободу, и что некоторые из Стэнфилдов даже проливали за их освобождение свою кровь. История звучала по-разному, в зависимости от квартала, где ее рассказывали.

Салли-Энн свернула на служебную стоянку, заглушила мотор, сняла шлем и повернулась к Мэй, слезавшей с сиденья:

– Там вход для поставщиков, видишь? Ступай туда и скажи, что у тебя встреча с мисс Вердер.

– А если она дома?

– Разве только она вездесущая, потому что женщина, приближающаяся вон к тому черному «форду», и есть мисс Вердер. Говорю тебе, каждый день в одиннадцать часов она садится в свою машину и едет в город на массаж... То есть это так говорится, одним массажем дело не ограничивается.

– Откуда ты знаешь?

– Я неделями за ней следила, буквально от нее не отходила, так уж можешь мне поверить.

– Ты же не опустилась до того, чтобы...

– На споры нет времени, Мэй. Вердер, бедняжка, с большим трудом получает удовлетворение, но через сорок пять минут ее все-таки накроет скромный утренний оргазм, и, подкрепившись в соседнем кафе сэндвичем с беконом и колой, она поспешит обратно. Бери ноги в руки, ты знаешь план наизусть, зря, что ли, мы сто раз репетировали?

Но Мэй застыла как статуя. Салли-Энн почувствовала, что ей нужно ободрение, поэтому она крепко ее обняла и прошептала, что она прелестна, что все пройдет как по маслу и что она будет ждать ее на стоянке.

Мэй перешла через дорогу и зашагала к служебному входу. Через него миссис Стэнфилд и ее сыну доставляли газеты, еду, напитки, цветы и все, что они покупали в городе. Тоном воспитанной девушки Мэй сообщила дворецкому, что пришла на встречу с мисс Вердер. Как Салли-Энн и предсказывала, дворецкий, впечатленный природной властью гостыи, подкрепленной ее британским акцентом, который та намеренно утрировала, воздержался от дальнейших расспросов и впустил ее в дом. Он понял, что она явилась раньше времени, и, сочтя неподобающим мариновать такую приличную гостью в прихожей, отвел ее – Салли-Энн и это предвидела – в небольшую гостиную на втором этаже. Там он с огорченным видом усадил ее в кресло. Мисс Вердер только что уехала, объяснил он и тут же добавил, что она скоро возвратится, и предложил госте скоротать время за освежающими напитками. Мэй поблагодарила и отказалась: ей не хочется пить. Дворецкий удалился, оставив ее одну в богато убранной гостиной по соседству с кабинетом секретаря мистера Стэнфилда.

Два кресла, обитые тем же бархатом, из которого были сделаны шторы на окнах, разделял круглый столик на ножке. На темном дубовом паркете красовался обюссонский ковер, стены были обшиты деревянными панелями, с потолка свисала небольшая хрустальная люстра.

На то, чтобы представиться, подняться по широкой лестнице на второй

этаж и пройти по длинной галерее над вестибюлем в эту гостиную, у Мэй ушло целых десять минут. Ее задачей было убраться отсюда до возвращения секретарши-нимфоманки. Пока подруги составляли свой план и репетировали, Мэй вдоволь позабавилась, представляя, чем мисс Вердер занимается в сомнительном массажном салоне в центре города, они с Салли-Энн тогда смеялись до слез. Но сейчас, когда ей предстояло войти в ее кабинет и совершить взлом, фактически преступив закон, ей было не до веселья. Если ее поймают на месте преступления, то непременно вызовут полицию, а полиция мигом смекнет, что к чему. Обвинением в простом вторжении на чужую территорию дело не обойдется... Не думать об этом, гнать подобные мысли! У нее пересохло во рту, и она пожалела, что отказалась от предложенной дворецким воды; отказ был вызван боязнью потерять драгоценное время. Встать, подойти вон к той двери. Повернуть дверную ручку и войти.

Так она и поступила, поражаясь собственной решительности. Она действовала, как автомат, запрограммированный на выполнение конкретной задачи.

Войдя в кабинет, она неслышно затворила за собой дверь. Велика была вероятность того, что хозяин дома, знавший, что его помощница ненадолго отлучилась, находился сейчас в соседнем помещении.

Она осмотрелась, удивленная современным убранством кабинета, контрастировавшим со стилем остальных известных ей здешних комнат. На стене напротив письменного стола из светлого дерева висела репродукция картины Миров. А может, не репродукция, а оригинал. Но на то, чтобы подойти и проверить, времени не было. Она отодвинула кресло, опустилась на колени перед этажеркой с выдвижными ящиками и достала из кармана салфетку, в которую была завернута отмычка.

Она сто раз тренировалась на ящике того же типа, чтобы научиться отпирать замок, не повреждая его. Это был замок с пластинчатыми пружинами модели Yale, для которого знакомый Салли-Энн посоветовал и продал ей отмычку-щуп с наконечником в форме половинки креста. Широкую на конце и узкую у основания, ее легко было вставлять и так же легко извлекать. Она припомнила накрепко заученный урок: постараться ничего не поцарапать внутри, чтобы не оставить металлических заусениц, которые заблокировали бы механизм и указали на взлом, держать рукоятку строго горизонтально напротив цилиндра, медленно вводить отмычку, нащупывать штифты и аккуратно, чуть приподнимая, надавливать на каждый, стараясь не повредить... Она почувствовала, как первый штифт встает в бороздку, осторожно продвинула головку отмычки, пока не

приподнялся второй штифт, потом настал черед третьего. Затаив дыхание, Мэй медленно провернула ротор замка и высвободила ящик.

Завершающая часть – запереть замок и извлечь инструмент – была не менее деликатной и ответственной. Выдвигая ящик, Мэй постаралась, чтобы отмычка не шелохнулась.

Очки, пудреница, щетка для волос, тюбик губной помады, баночка крема для рук... Где эта чертова папка? Она схватила пачку документов и стала разбирать их по листочку на письменном столе. Вот и список приглашенных. Сердце Мэй пустилось вскачь, стоило ей подумать о том, как она рискует всего лишь ради того, чтобы добавить в этот список два лишних имени.

– Успокойся, Мэй, – пробормотала она, – ты почти у цели.

Судя по настенным часам, в ее распоряжении было еще не менее четверти часа. А вдруг в этот раз мисс Вердер достигнет желаемого раньше обычного?

– Брось эти мысли, не для того она куда-то тащится, чтобы потом отказаться от вступительных ласк. Если бы спешила, занялась бы самоудовлетворением, и дело с концом.

На письменном столе стояла пишущая машинка, классический «Ундервуд». Мэй вставила в нее лист со списком, опустила зажим, провернула валик, установила разрядку. Из-под валика выполз белый краешек бумаги.

У Мэй были заготовлены два псевдонима – для себя и для Салли-Энн. Она добавила адрес почтового ящика, который специально завела на прошлой неделе на центральном почтамте. Рано или поздно полиция, без всякого сомнения, внимательно изучит этот список, выискивая виновных в преступлении. Но две вымышленные фамилии без реальных домашних адресов ничего не подскажут сыщикам. Она начала печатать первое имя, совсем легко касаясь клавиш – лишь бы молоточки со шрифтом достигали ленты. Прежде чем перевести строку, она долго искала, как избежать звоночка, сопровождающего эту манипуляцию. Убедившись, что это ей не под силу, она зажмурилась и...

– Мисс Вердер? Вы уже вернулись? – спросили из соседней комнаты. Мэй застыла как в столбнячной судороге. Потом сползла с кресла и скорчилась под столом в позе зародыша. До ее слуха донеслись шаги, дверь приоткрылась, в щель просунул голову, держась за дверную ручку, мистер Стэнфилд.

В кабинете, как всегда, царил порядок, его секретарь отличалась аккуратностью; пишущая машинка не привлекла его внимания. Мэй

невероятно повезло: мисс Вердер ни за что не ушла бы, оставив в машинке лист бумаги. Он пожал плечами и закрыл дверь, ворча, что ему, вероятно, послышалось.

Прошло несколько минут, прежде чем Мэй сумела унять дрожь в руках. На самом деле дрожали не только руки – ее всю трясло, потому что еще никогда в жизни она не переживала такого испуга.

Тиканье настенных часов вернуло ее к действительности. В ее распоряжении оставалось в лучшем случае минут десять. Всего десять коротких минут, чтобы напечатать второе имя и вымышленный адрес, сунуть листок на положенное место, запереть ящик, извлечь из замка отмычку и сбежать, пока секретарша не вернулась. Мэй опаздывала, она уже должна была вернуться к Салли-Энн, которая наверняка извелась там, на стоянке, от тревоги.

– Сосредоточься, черт бы тебя побрал, у тебя не осталось ни одной лишней секунды.

Удар по клавише, еще, еще... Если старый пенъ услышит стук и звонок, то вряд ли просто заглянет в дверь.

Готово! Теперь повернуть валик, вынуть лист, сунуть его туда, где взяла, не спутав место в пачке бумаг, выровнять пачку – не на столе, а на ковре, чтобы не шуметь. Убрать пачку в ящик, задвинуть его, вытащить, не дыша, отмычку, уловить ухом щелчки штифтов – попробуй расслышь, когда сердце так колотится, что вот-вот выскочит из груди. Да еще пот заливает глаза. Еще миллиметр...

– Спокойно, Мэй, если отмычка застрянет, все рухнет.

В ходе репетиций отмычка не раз застревала в замке.

Наконец-то она зажала в потной ладони проклятый – нет, волшебный – инструмент. Спрятать его в карман, достать бумажный платок, вытереть ладонь, потом лоб. Если дворецкий заметит, что она уходит мокрая от пота, то обязательно заподозрит неладное.

Она вернулась в маленькую гостиную, поправила пальто и вышла. Шагая по длинной галерее, она молилась о том, чтобы ни с кем не столкнуться. Вот и широкая лестница. Спускаясь по ней, она очень старалась не перейти на бег. Предстояло еще сказать дворецкому хорошо поставленным голосом, что она больше не может ждать и вернется позже.

Ей улыбнулась удача: в холле было пусто. Она взялась за ручку служебной двери, вышла. Салли-Энн смотрела на нее со стоянки, уже оседлав свой мотоцикл. Мэй, не чувствуя ног, пошла в ее сторону. Салли-Энн дала ей шлем и кивком указала на сиденье у себя за спиной. Удар ногой по стартеру, урчание, потом рев мотора.

На следующем повороте они пронеслись мимо возвращавшегося черного «форда». Салли-Энн успела заметить выражение лица мисс Вердер: та сияла, на губах блуждала улыбка. Салли-Энн улыбалась точно так же, но совсем по другой причине.

Октябрь 2016 г., Бекенхем

Мы сидели за столом уже полчаса, а Мэгги все никак не объявляла о своем решении выйти замуж на симпатичного верзилу Фреда, хозяина гастропаба в Примроуз-Хилл. У Мишеля было целых два повода радоваться. Во-первых, его сильно забавлял отец, которому не сиделось на месте: он вертелся, как ребенок, и почти не притрагивался к пище. Чтобы забыть о еде, папе нужно было сильно чем-то озаботиться, и Мишель прекрасно знал причину этой озабоченности. Но если хорошенько подумать – а Мишель после разговора с отцом в машине только этим и занимался, – то еще больше его радовало то, что имя Фреда не звучало, потому что лично ему этот Фред казался не таким уж симпатичным. В его доброжелательной манере обращаться к нему Мишель чуял лицемерие и огорчался. Уж не ставит ли верзила Фред себя выше его? Кухня в его пабе хороша, что правда, то правда, но для Мишеля истинным пиром была не еда, пусть даже самая лучшая, а книги, которые он жадно проглатывал в библиотеке. Он знал почти все названия, полки и секции, где они стояли. Удивляться этому не приходилось, ведь он сам их сортировал и расставлял. Свою работу Мишель обожал. В библиотеке царила тишина – какое еще занятие способно обеспечить такой покой? Читатели были по большей части безупречно любезны, и, находя для них в кратчайший срок то, что им требовалось, он чувствовал, что приносит пользу. Единственное, что его расстраивало, – зрелище оставленных на столах книг в конце дня. С другой стороны, будь читатели аккуратнее, у него убавилось бы работы. Логично? Еще бы!

Пока ему не доверили эту работу, Мишель корпел в лаборатории. Туда его взяли благодаря отметкам, полученным на экзамене на последнем курсе. У него были способности к химии, периодическая система элементов была для него не просто таблицей – она с ним разговаривала. Но его склонность проверять всё на практике угрожала его безопасности, а потому пришлось положить конец короткой карьере химика, поначалу казавшейся такой многообещающей. Папа возмущался этой несправедливостью и клеймил его начальство за узость взглядов, но это

ничего не дало. Некоторое время Мишель провел нелюдимым затворником, не выходя из дому, но потом обрел радость жизни благодаря Вере Мортон, директрисе муниципальной библиотеки. Она дала ему новый шанс, и он поклялся себе, что не обманет ее доверия. Простота поиска в интернете повлияла на посещаемость библиотеки: бывало, туда за целый день не заглядывал ни один читатель. Мишель пользовался этим, чтобы читать запоем – главным образом трактаты по химии, а также биографии, к которым тоже пристрастился.

С самого начала трапезы я молча наблюдала за отцом. Мэгги, наоборот, без умолку трещала, хотя ничего толком не говорила – ничего, что оправдывало бы ее монополию на застольную болтовню. Ее говорливость заметно донимала Мишеля. Она была явно взбудоражена, что, вероятно, предвещало объявление, которого ему не хотелось слышать. Когда Мэгги, сев напротив папы, взяла его за руку, Мишель решил, должно быть, что она хочет его задобрить. Вообще-то Мэгги не любительница тактильных контактов. Каждый раз, когда Мишель ее обнимает, приветствуя или прощаясь, она отбивается и жалуется, что он ее душит. А ведь Мишель всегда очень осторожен и стискивает ее вполсилы. Он давно пришел к выводу, что таким способом Мэгги пытается избежать его объятий, и раз ей не нравится обниматься с родным братом, значит, его теория безусловно верна.

Папа, тоже удивленный этим необычным приступом дочерней нежности, затаил дыхание, надеясь, что подошло время долгожданного объявления. То, что Мэгги выходит замуж, в порядке вещей, но его интересовало прежде всего, когда это произойдет.

– Знаешь, дорогая, хватит болтовни, ты что, смерти моей хочешь? Говори, когда! Идеально было бы через три месяца; один в месяц – более-менее разумный ритм. Ты же понимаешь, в моем возрасте не очень-то легко их сбрасывать.

– Прости, ты это о чем? – удивленно спросила Мэгги.

– О килограммах, от которых я должен избавиться, чтобы влезть в свой смокинг!

Я уставилась на сестру: мы обе были совершенно сбиты с толку. Мишель вздохнул и решил помочь сразу всем.

– Для свадьбы. Смокинг – это для свадьбы, – объяснил он.

– Ты ведь для этого нас собрала? – подхватил папа. – Кстати, где он сам?

– Кто?

– Симпатичный Фред, – лаконично ответил за папу Мишель.

– Так, давайте немного подождем, и если через полчаса вам не полегчает, я отвезу вас обоих в больницу, – заявила Мэгги.

– Ты это прекрати, Мегги, очень тебя прошу! «Скорую» придется вызвать для тебя самой, если ты продолжишь в том же духе. Что ты еще задумала? Чего бы это мне ни стоило, я облачусь в праздничный костюм. Он всегда был мне великоват, так что, если постараться не дышать, мне удастся застегнуть пуговицы. Он, правда, коричневый, а для таких случаев этот цвет не очень подходит, но в исключительных обстоятельствах – исключительные меры. Все-таки мы в Англии, а не в Лас-Вегасе, так что если не будет достаточно времени на подготовку к счастливому событию, ну что ж, пусть так, это не повод горевать.

Мы с сестрой снова переглянулись. Я первой расхохоталась как безумная и немедленно заразила всех. То есть папа некоторое время держался, но недолго: он всегда был ужасно смешлив, так что в конце концов не утерпел и тоже рассмеялся. Мэгги, отсмеявшись и отдышавшись, вытерла глаза и сделала глубокий вдох, намереваясь что-то сказать.

Тут нежданно-негаданно явился Фред, отчего все опять покатились со смеху. Кроме самого Фреда, недоумевавшего, что нас всех так развеселило.

– Допустим, вы не женитесь, – выдавил наконец наш отец. – Зачем тогда ты собрала нас на ужин?

– Не волнуйся! – крикнула Мэгги своему молодому человеку, снимавшему пальто.

– Просто чтобы собраться всей семьей, – поспешно вмешалась я.

– Эта причина более обыденная, а значит, совершенно логичная, – вставил Мишель. – С точки зрения статистики.

– Собраться всей семьей можно было бы и дома, – возразил папа.

– Тогда мы бы столько не смеялись, – выдвинула свой аргумент Мэгги. – Можно задать тебе вопрос? Когда вы с мамой познакомились, она была богатой?

– В семнадцать-то лет?

– Нет, позже, когда вы встретились опять.

– Ни в семнадцать лет, ни в тридцать, вообще никогда. У нее не хватило денег даже на автобус, чтобы уехать с вокзала, откуда я ее забрал на машине... когда мы встретились снова, – добавил он задумчиво. – Возможно, она даже не позвонила бы мне в тот вечер, когда поезд привез ее сюда уже в полной темноте, если бы у нее в кармане было чуть больше монеток, чем на один телефонный звонок. А вообще-то, дети мои, настало время кое в чем вам признаться. Ты, Фред, еще не член нашей семьи, но все

равно слушай, только, пожалуйста, никому не рассказывай.

– В чем признаться? – ахнула я.

– Помолчишь – узнаешь. Мы несколько приукрасили обстоятельства, при которых наша история началась вновь. Ваша мать не появилась чудесным образом, потеряв голову от любви ко мне – единственному приличному человеку, с которым ее свела судьба, как мы иногда вам рассказывали.

– Всегда рассказывали, – поправил его Мишель.

– Согласен, всегда. На самом деле вашей матери, вернувшейся на родину, негде было переночевать. Я был единственным во всем городе, кого она знала. Вот она и отыскиала меня в справочнике в кабине телефона-автомата. Тогда не было интернета, но найти человека все равно не составляло труда. «Донован» – не самая распространенная фамилия, жителей Кройдона, носивших ее, было всего двое. Вторым – семидесятилетний бездетный холостяк. Можете представить себе мое удивление, когда в трубке раздался ее голос. Была поздняя осень, холод стоял собачий. Она сказала мне – я помню каждое слово, словно это было только вчера: «Рэй, ты имеешь полное право бросить трубку. Но у меня нет никого, кроме тебя, и я не знаю, куда идти». Что прикажете ответить женщине, говорящей вам: «У меня нет никого, кроме тебя»? Я сразу понял, что судьба соединила нас навсегда. Я прыгнул в свой «остин» – да-да, не смотрите на меня так, в тот самый, что стоит перед дверью и по-прежнему на ходу, назло крестину соседу, – и помчался за ней. Вы не станете спорить, что жизнь доказала мою правоту, потому что спустя тридцать пять лет, сегодня вечером, я имею счастье делить эту несъедобную пиццу с тремя моими чудесными детьми и моим не-зятком.

Мы все на него уставились в молчании близком к благоговейному. Папа откашлялся и проговорил:

– Пожалуй, мне пора увозить Мишеля.

– Почему ты имел полное право бросить трубку? – спросила я.

– Об этом в другой раз, родная, если тебе все еще будет интересно. Эти воспоминания требуют от меня некоторых усилий, а сегодняшний вечер я бы предпочел завершить на веселой ноте, поскольку посмеялись мы на славу. Не хочется отходить ко сну в черной тоске.

– Выходит, в первой главе вашей истории, когда вам было между семнадцатью и двадцатью годами, это она тебя бросила?

– Он же сказал – в другой раз! – вмешалась Мэгги, не дав отцу ответить.

– Именно так, – подал голос Мишель. – Но все гораздо сложнее, чем

кажется, – добавил он, поднимая указательный палец.

Есть у Мишеля эта привычка – поднимать указательный палец: так он тормозит поток мыслей, бушующий у него в голове. Он замолк, все мы затаили дыхание, и через несколько секунд он продолжил:

– На самом деле папа высказал желание больше ничего не рассказывать сегодня вечером. Я думаю, что в «другой раз» предполагает, что он может передумать... в другой раз.

– Мы всё поняли, Мишель, – остановила его Мэгги.

Добившись ясности, Мишель отодвинул свой стул, напялил макинтош, поцеловал меня, вяло потряс руку Фреду и изо всех сил стиснул в объятиях Мэгги. Исключительные обстоятельства – исключительные меры... В этих объятиях был дополнительный смысл: он воспользовался ими, чтобы прошептать ей на ухо поздравления.

– С чем ты меня поздравляешь? – так же шепотом спросила его сестра.

– С тем, что ты не выходишь за Фреда, – ответил ей Мишель.

* * *

На обратном пути отец и сын молчали, пока машина не остановилась под домом Мишеля. Наклонившись, чтобы открыть дверцу и выпустить сына, Рэй внимательно на него посмотрел и очень ласково спросил:

– Ты ведь ничего им не скажешь? Понимаешь, я должен сам рано или поздно рассказать им об этом.

Мишель, тоже пристально глядя на отца, ответил:

– Можешь спать спокойно, папа, никакой черной тоски. Я, правда, не думаю, что тоска бывает разных цветов, но обязательно завтра проверю в библиотеке.

После этих слов он чмокнул отца в щеку и вылез из «остина». Тот подождал, пока сын войдет в подъезд, и только после этого тронулся с места.

Октябрь 2016 г., Бекенхем

Я встала из-за стола – не хотелось мешать парочке. Фред и Мэгги уже десять минут как уединились на кухне. Я заглянула туда, чтобы попрощаться.

Фред, вооружившийся полотенцем, вытирал чашки. Мэгги сидела у кухонной стойки, закинув ногу на ногу, и курила, выпуская дым в форточку. Она предложила вызвать для меня такси. Еще не хватало: ехать от нее ко мне на такси – форменное разорение. Я поблагодарила ее и сказала, что лучше поеду на поезде.

– Я решила, что ты уехала с папой, – сказала она. Вот характер, даже не скрывает свое лицемерие! – Разве ты ночуешь не у него?

– Думаю, сегодня вечером ему хочется побыть одному. Что до меня, то я должна себя заставить снова зажить лондонской жизнью.

– Полностью с тобой согласен! – поддержал меня Фред, щелкая краем резиновой перчатки. – Бекенхем и Кройдон – слишком отдаленные пригороды.

– Можно сказать и по-другому: Примроуз-Хилл слишком далеко от моего пригорода, и там слишком задирают нос, – фыркнула Мэгги, швыряя окурки в полную воды раковину.

– Что ж, голубки, оставляю вас, воркуйте дальше. – Я продела руки в рукава пальто.

– Фред с радостью отвезет тебя на станцию в своей замечательной машине. Да что там, он может отвезти тебя в Лондон и переночевать в своем замечательном Примроуз-Хилле.

Я вытаращила на сестру глаза. Как она умудряется всегда держать при себе мужчину, не пытаясь даже изображать элементарную любезность, тогда как я, воплощение любезности, мучаюсь от одиночества, которому не видно конца? Еще одна загадка...

– Ты хочешь, чтобы я тебя отвез, Элби? – спросил Фред, аккуратно складывая кухонное полотенце.

Мэгги вырвала полотенце у него из рук и швырнула в корзину с грязным бельем.

– Дам тебе маленький дружеский совет. Право называть ее урезанным именем предоставлено только Мишелю, она этого терпеть не может. И еще: мне надо подышать воздухом, пойду пройду с ней, заодно провожу.

Мэгги схватила свитер, бросилась к двери и за руку выволокла меня на улицу.

Вдоль тротуаров, поблескивавших в оранжевом свете фонарей, выстроились скромные викторианские домики, по большей части одноэтажные, редко – в два этажа, и кирпичные многоквартирные дома с облезлыми фасадами; кое-где зияли пустыри.

На перекрестке квартал оживал. Мэгги поздоровалась с бакалейщиком-сирийцем, никогда не закрывавшим свою лавку. Его заведение служило условной границей, за которой начиналась лучше освещенная торговая улица. С прачечной-автоматом соседствовал киоск, торговавший кебабами, дальше располагался индийский ресторан, где сидели всего два посетителя. Заколоченная досками витрина бывшего видеоклуба была заклеена афишами, по большей части рваными. Пока мы шагали вдоль ограды парка, полностью стемнело. Вскоре запахло железом рельс и мокрым гравием – ни с чем не сравнимый запах железнодорожных путей. Перед станцией я опять вздохнула.

– Что-то не так? – спросила Мэгги.

– Почему ты с ним, раз все время только и делаешь, что затыкаешь ему рот? Какой тебе в этом интерес?

– Ты бы выбирала выражения, что ли! Что за интерес терпеть парня, если нельзя заткнуть ему рот?

– Лично я в таком случае предпочитаю оставаться одна.

– Именно это, если не ошибаюсь, с тобой и происходит.

– Твоя правда! Но ты стерва, раз говоришь мне такое.

– Ты мне льстишь. Тебе не кажется, что сегодня вечером мы потерпели полный провал?

– На кухне убиваться не пришлось, а повеселиться удалось на славу. Что за муха его укусила? Я про историю их с мамой женитьбы. Может, ему внуков захотелось? – предположила я.

Мэгги остановилась, словно на что-то наткнулась, приставила палец к моему животу и продекламировала:

*Эне, бене, раба,
Квинтер, финтер, жаба.
Эне, бене, рес,
Квинтер, финтер, жес!*

Потом, закончив считалочку, произнесла:

– Извини, старушка, но это скорее из твоего репертуара. У меня, например, нет ни малейшего желания заводить детей.

– С Фредом или вообще?

– Одно могу сказать: у нас есть ответ на главный вопрос сегодняшнего вечера. Мама была без гроша, когда они с папой снова встретились.

– Допустим, – сказала я. – Но сегодня вечером возникли новые вопросы.

– Ну и ладно. Нечего делать из мухи слона. Мама бросила папу, когда они были совсем молоды, а спустя десять лет покорно к нему вернулась.

– У меня впечатление, что на самом деле все гораздо сложнее.

– Тебе бы бросить мотаться по свету и посвятить себя журналистским расследованиям с сентиментальным уклоном.

– Иронизируй, сколько тебе влезет, мне до лампочки. Я тебе толкую о папе с мамой, о странном письме, которое мы получили, о темных периодах их жизни, о том, что они нам ввали. Разве тебе не хочется больше узнать о своих собственных родителях? Как я погляжу, тебя интересует один-единственный человек – ты сама!

– Возможно, только ты тоже стерва, раз говоришь мне такое.

– А между тем, несмотря на твои умозаключения, то, что у мамы не было ни гроша, лишь подтверждает обвинения из письма.

– По-твоему, если у человека пустые карманы, это непременно означает, что он отказался от большого состояния? – усмехнулась Мэгги.

– Тебе-то нужда не знакома, родители всегда тебя оберегали.

– Может, пригласить хор, чтобы он исполнил твою любимую песню, которую ты повторяешь постоянно? Мэгги, младшенькая, малышка в колыбельке, вокруг которой плясала вся семья. А может, припомнишь, кто из нас двоих имеет студию в Лондоне, а кто живет в пригороде, в часе езды на поезде? Кто круглый год колесит по свету, а кто торчит здесь и занимается папой и Мишелем?

– Мэгги, у меня нет ни малейшего желания ссориться. Мне хочется, чтобы ты помогла мне во всем этом разобраться, только и всего. Это письмо нам прислали не просто так. Даже если в нем все неправда, его по какой-то причине нам написали. Интересно, кто и зачем?

– Кто написал тебе! Ты забыла, что не должна была говорить мне о письме?

– А вдруг его автор достаточно хорошо меня знает, чтобы понимать,

что я обязательно с тобой поделюсь? Вдруг он специально подталкивал меня к этому?

– Не исключено, конечно, более того, это самый удачный способ. Знаешь, в твоем голосе я слышу просьбу о помощи. Значит, так: пригласи папу в ближайшие дни пообедать где-нибудь в Челси, и все. Он, конечно, разворчится, но на самом деле обрадуется предлогу вновь сесть за руль своего авто. Постарайся подобрать местечко по соседству с городской парковкой, он не захочет доверять свой антиквариат парковщику ресторана. Только ничего не говори, меня и так смех разбирает всякий раз, когда я об этом думаю. У меня есть ключи от дома, так что я там пороюсь, пока ты будешь его развлекать.

Мне никогда не приходило в голову манипулировать отцом, но за неимением лучшего я приняла предложение сестры.

На станции было пусто. В этот час поезда ждали только мы. Табло извещало о скором прибытии поезда с юго-востока в направлении поезда, пункт назначения – Орпингтон. Мне предстояло сделать пересадку в Бромли, оттуда доехать до вокзала Виктория, дальше сесть на автобус и выйти на остановке, от которой до моей студии было десять минут пешком.

– Знаешь, о чем я мечтаю именно сейчас? – обратилась ко мне Мэгги. – Сесть в этот поезд вместе с моей сестрой и поехать ночевать к ней в Лондон. Мы бы вместе улеглись в кровать и проболтали бы всю ночь.

– Мне бы тоже этого хотелось, но... Для этого ты тоже должна быть одна.

С дальнего конца платформы приближался, скрежеща тормозами, пригородный поезд. Когда он остановился и открыл двери, на перрон никто не вышел. Длинный гудок оповестил об отправлении.

– Беги, Ригби, а то опоздаешь! – поторопила меня Мэгги.

Мы обменялись заговорщическими взглядами, и я в последнюю секунду запрыгнула в вагон.

* * *

Фред поджидал Мэгги, лежа в постели. Телевизор был включен, показывали старую серию «Отеля “Фолти Тауэрс”». Оба молча уставились в экран, замороженные юмором Джона Клиза, потом вместе расхохотались над очередной выходкой чудака-лорда.

– Раз не хочешь за меня замуж, то, может, подумаешь хотя бы о переезде в Примроуз-Хилл? – спросил Фред.

– Я тебя умоляю, давай без притворства. Видел бы ты свою физиономию, когда мой отец заговорил о женитьбе!

– Ты быстро внесла ясность.

– Здесь живут папа и Мишель, а Лондон далеко, оттуда к ним не наездишься.

– Твой брат – взрослый мужчина, а отец уже прожил жизнь. Когда ты решишься наконец зажить своей?

Мэгги схватила пульт и выключила телевизор. Стянув с себя футболку, она уселась на Фреда верхом и уставилась на него.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросил он.

– Потому что мы уже два года вместе, а меня иногда посещает мысль, что я почти ничего не знаю ни о твоей жизни, ни о семье, о которой ты и словом не обмолвился и с которой не подумал меня познакомить. При этом ты знаешь обо мне все-все и знаком с моей родней. Я даже не знаю, где ты рос, где учился и учился ли вообще...

– Потому и не знаешь, что никогда ни о чем меня не спрашиваешь.

– Ничего подобного, просто ты всегда уклоняешься от моих расспросов о твоём прошлом.

– Понимаешь, – заговорил он, целуя ее грудь, – у человека могут быть другие намерения помимо рассказов о своей жизни... Но раз ты настаиваешь, то пожалуйста: родился я в Лондоне тридцать девять лет тому назад...

Он заскользил губами вниз по ее животу.

– А сейчас помолчи... – простонала Мэгги.

Октябрь 1980 г., Балтимор

Сквозь слуховые окна лился серебристый лунный свет, в его косых лучах искрились повисшие в воздухе пылинки. Мэй крепко спала, завернувшись в мятую простыню, подчеркивавшую контуры ее тела. Салли-Энн сидела в ногах кровати и смотрела на нее, сторожа каждый вздох. Сейчас в этом была вся ее жизнь – смотреть, как спит Мэй. Казалось, весь остальной мир перестал существовать, вся Вселенная сконцентрировалась здесь, на этом бывшем складе. Час назад сны о прошлом заставили Салли-Энн проснуться. Ей снились знакомые застывшие, оценивающие, равнодушные лица. Она сидела на стуле посреди эстрады, и на нее были нацелены безжалостные взгляды. Нынешняя ее жизнь стала результатом юности, в которой она познала все, хотя ее никогда ничему не учили.

Могут ли два изломанных существа ожить оттого, что они вместе? Когда две боли соединяются, они складываются или, наоборот, вычитаются? – думала она.

– Который час? – пробурчала Мэй.

– Четыре утра или чуть больше.

– О чем ты думаешь?

– О нас.

– Это хорошие или плохие мысли?

– Спи давай.

– Не могу, когда ты так смотришь на меня.

Салли-Энн натянула сапоги и схватила со спинки стула куртку.

– Не люблю, когда ты гоняешь на мотоцикле по ночам.

– Не волнуйся, я буду осторожна.

– Это что-то новенькое. Останься, я заварю чай, – сказала Мэй.

Она встала, обмотавшись простыней, и прошла в другой конец комнаты. Газовая плита, несколько тарелок, разнокалиберные стаканы и две фарфоровые чашки на столике рядом с раковиной – чем не кухня? Мэй поставила чайник под кран и пустила воду. Поискала в старинной аптечке, переделанной в мини-буфет, коробку с чаем, привстала на цыпочки и

достала два пакетика «Липтона», взяла из глиняного горшочка два кусочка сахара, чиркнула спичкой и прикрутила вспыхнувшее синеватое пламя.

– Не надо мне помогать.

– И не подумаю. Мне любопытно, справишься ли ты одной рукой, – ответила Салли-Энн с лукавой улыбкой.

Мэй пожала плечами, опустила руку – и простыня упала на пол.

– Будь добра, положи простыню на кровать, терпеть не могу спать в пыли.

Она налила чай, подала чашку Салли-Энн, взяла свою и по-турецки уселась на матрасе.

– Приглашения пришли, – пробормотала Салли-Энн, отводя взгляд.

– Когда?

– Вчера днем, я заехала на почту и проверила почтовый ящик.

– Но ты не сочла нужным сообщить мне об этом раньше.

– Не хотелось портить вечер. Ты бы ни о чем больше думать не могла.

– Мне не нравятся типы, с которыми мы проводим время, их примитивная болтовня про политику навевает на меня скуку. Разглагольствуют о том, как намерены изменить мир, а сами способны только на то, чтобы курить травку. Мне неприятно тебя разочаровывать, но я не получила от этого ужина ни малейшего удовольствия. Ты покажешь мне приглашения?

Салли-Энн вынула из кармана два конверта и небрежно бросила их на кровать. Мэй открыла тот, что был адресован ей, погладила пальцем визитную карточку, пощупала рельефные буквы и задержала взгляд на дате. Ждать оставалось две недели. Женщины нацепят на этот вечер свои лучшие драгоценности, выберут самые экстравагантные наряды, мужчины оденутся не менее экстравагантно, хотя найдутся старые брюзги, которые, не желая вступать в навязанную игру, явятся в смокингах и ограничатся черными полумасками, прячущими лицо.

– Никогда в жизни я так не волновалась, как перед этим балом-маскарадом! – усмехнувшись, призналась Мэй.

– Не перестаю тебе удивляться. Я думала, что эти приглашения тебя напугают.

– Нет, я больше не боюсь. Снова побывав в их доме, я забыла про страх. Когда мы уехали, до меня дошло, чего мне стоило опять туда сунуться. Я дала себе слово, что больше ни за что не стану их бояться.

– Мэй...

– Хочешь – отправляйся носиться на своем мотоцикле, а хочешь – оставайся со мной. Тебе решать.

Салли-Энн подняла с пола простыню и укрыла Мэй. Потом быстро разделась и улеглась рядом, снова лукаво улыбаясь.

– Что теперь? – спросила Мэй.

– Ничего. Мне нравится, когда ты становишься такой мстительной.

– Хочу, чтобы ты кое-что знала. Это касается меня одной, но мне хочется поставить тебя в известность. Я не позволю, чтобы меня взяли живой.

– Что ты болтаешь?

– То, что слышала. Ты меня отлично поняла. Жизнь слишком коротка, чтобы отягощать ее мелкими огорчениями.

– Смотри мне в глаза, Мэй. По-моему, ты совершаешь непростительную ошибку. Думать только о мести – значит придавать этим людям слишком большое значение. Ведь речь идет только о том, чтобы отобрать у них то, что попало к ним незаслуженно.

Это был коронный сюжет Салли-Энн. Она не могла не думать о своем круге, о людях, получивших от жизни все. О тех, кто в силу своего положения просто берет то, о чем другие просят, пользуется тем, о чем другие могут только мечтать. О всемогущих кланах, члены которых, уверенные в своем превосходстве, смотрят на других свысока и оттого вызывают еще больше зависти и восхищения. Отвергать, чтобы соблазнять и становиться объектом желания, – разве это не верх хитроумия?

Для того чтобы больше не походить на них, она поменяла свою жизнь, район проживания, облик, даже пожертвовала волосами – стала стричься под мальчика. В воздухе пахло свободой, и Салли-Энн перестала интересоваться парнями, предпочтя им благородную цель. Ее страна, похвалявшаяся своими свободами, раньше жила за счет рабства, потом на смену ему пришла расовая сегрегация; даже спустя шестнадцать лет после принятия в 1964 году законов о равенстве ничто не изменилось в человеческих мозгах. Раньше за свои права бились чернокожие, теперь настала очередь женщин, и, судя по всему, эта борьба будет долгой. Салли-Энн и Мэй, сотрудницы крупной ежедневной газеты, были образцовыми солдатами этой войны. Они занимались журналистскими расследованиями и уже достигли высших ступеней иерархической лестницы, доступных в их профессии для женщин. Но если им полагается только искать информацию и получать за это деньги, то почему они же пишут почти все статьи, а потом надменные мужчины, наскоро пробежав их глазами, охотно подписывают своим именем?

В их тандеме более одаренной была Мэй. У нее был настоящий нюх на горячие темы. Те, что лишают покоя привилегированное сословие,

подстегивают медлительные власти, заставляя их заняться обещанными реформами. Два месяца назад она заинтересовалась лоббистами, подкупавшими сенаторов, чтобы те меньше усердствовали с принятием законов против коррупции и загрязнения окружающей среды, на которую плевать хотели предприниматели, заботившиеся только о своих прибылях, против торговли оружием, куда более выгодной, чем школьное образование для детей из малоимущих семей, против реформы правосудия, оставлявшей от этого самого правосудия одно название. Свободное время Мэй тратила на очередное многообещающее расследование, в связи с которым часто навещала в один город: тамошнее водохранилище с питьевой водой без зазрения совести загрязняла одна горнодобывающая компания, обильно сливавшая в реку, питающую водохранилище, отходы с высоким содержанием свинца и нитратов. И руководство компании, и ее управляющий совет, и мэр города, и губернатор штата всё прекрасно знали, но они либо были акционерами компании, либо пользовались ее щедротами. Мэй собрала кучу доказательств преступной деятельности, сведений о ее последствиях для здоровья населения, о вопиющем несоблюдении требований безопасности, о свирепствующей среди глав города и штата коррупции. Но главный редактор, ознакомившись с ее статьей, попросил ее впредь ограничиться поисками и расследованиями по заказу газеты. Составленное ею досье он отправил в мусорную корзину, а ее попросил принести ему кофе и не забыть про сахар.

Мэй проглотила слезы и отказалась подчиниться. Не следует верить поговорке, внушала ей Салли-Энн, утешая вечером, месть хороша, пока горяча, а остыв, теряет всякий вкус. Вскоре – дело было в конце весны, в дешевом итальянском ресторанчике – созрел план, которому суждено было изменить их жизнь.

– Будем сами выпускать газету с журналистскими расследованиями, где не будет ни намек на цензуру, где можно будет публиковать всю правду! – возбужденно воскликнула Салли-Энн.

Поскольку друзья, с которым они ужинали, не обратили на это предложение ни малейшего внимания, Мэй недолго думая вскарабкалась на стол – а как еще добиться внимания?

– Редакторами будут только женщины, – предупредила она, поднимая бокал. – Для лиц мужского пола будут доступны только должности секретарей и стенографистов. В лучшем случае они смогут готовить документацию.

– Это только усугубит то зло, против которого мы намерены бороться, – не согласилась с Мэй Салли-Энн. – Мы должны использовать

способности человека, не обращая внимания на его пол, цвет кожи и религию.

– Ты права, место в управляющем совете можно будет предложить Сэмми Дэвису-младшему^[2].

Прямо там, в ресторанчике, в окружении приятелей, тоже нетрезвых, как и они, стали вырисовываться контуры их проекта. На бумажной скатерти уже рисовали схемы помещений, в первую очередь – редакционного зала. Ронда, самая солидная в их компании (болтали, будто бы она, прежде чем взяться за ум, якшалась с «Черными пантерами»), работала помощником бухгалтера в филиале «Проктер энд Гэмбл». У нее имелся богатый опыт, и она тут же принялась набрасывать финансовый план. Она составила список руководящих должностей, прикинула должностные оклады, вывела цифры бюджета на аренду помещения, расходные материалы и журналистские расследования. Пообещала в кратчайший срок выяснить, во сколько будут обходиться бумага, типографские работы и доставка, а также из какого процента согласятся работать распространители и продавцы. Сразу стало ясно, что этот незаменимый человек – готовый финансовый директор.

– Даже если представить невозможное – что вам удастся собрать необходимые финансы, – ваше сомнительное творение никто не захочет печатать, а тем более продавать, – заметил Кит. – Издаваемая женщинами скандальная газетенка? Ну вы и оптимистки, скажу я вам!

У Кита, здорового парня, телосложением схожего с медведем, была квадратная физиономия, тяжелая нижняя челюсть и ярко-голубые глаза. Сначала он приглянулся Салли-Энн, и она несколько недель вела с ним игру. Ради того, чтобы оказаться в ее постели, Кит готов был достать с неба луну. Под массивным тяжеловесным панцирем скрывался нежный любовник с ласковыми руками, как раз во вкусе Салли-Энн. Но как ни хорошо им было вдвоем, Салли-Энн не привязывалась к мужчинам, и уже спустя полтора месяца их забавы ей наскучили. Мэй была равнодушна к Киту, что не укрылось от Салли-Энн. Она понимала: соперничество могло бы помешать их дружбе. Не раз она потом спрашивала себя, не потому ли бросила Кита, оставив его Мэй. «Забирай его себе!» – заявила она подруге как-то утром, после сцены прощания с Китом. Мэй не собиралась пользоваться обедами с ее стола, но Салли-Энн настаивала. «Представляется шанс получить удовольствие – пользуйся, – наставляла она подругу. – Думать будешь потом. Поверь мне, те, кто поступает иначе, – страшные зануды. Они, бедняги, сами на себя наводят скуку». С этими словами Салли-Энн отправилась в душ. Мэй пришла к выводу, что, даже

провозгласив себя бунтарками, они обе не избавились от высокомерия.

С тех пор всякий раз, встречаясь взглядом с Китом, она гнала от себя мысли о его любовных шалостях с Салли-Энн, которые та порой ей описывала. Однако в тот вечер она презрительным тоном поставила его на место:

– Не беспокойся, деньги мы найдем. Интересно, что ты скажешь, когда будешь, прилипнув задницей к креслу, читать нашу газету?

Все покатились со смеху. Никто еще не осмеливался прилюдно унижать этого медведя. Ко всеобщему удивлению, Кит встал, обошел стол, навис над Мэй – и принес ей извинения.

– Можешь на меня рассчитывать. Обещаю быть среди ваших первых подписчиков.

Кит работал столяром, скромной зарплаты ему хватало на удовлетворение своих потребностей, но никакой роскоши он позволить себе не мог. Запустив пятерню в карман джинсов, он достал десятидолларовую купюру – в 1980 году это были какие-никакие деньги – и положил перед ней.

– Этого хватит на несколько акций вашей газеты, – добавил он и покинул ресторанчик, провожаемый удивленными взглядами всей компании. Мэй, не обращая ни на кого внимания, бросилась за ним вдогонку с десяткой в руке. На улице она громко окликнула его.

– С чего ты взял, что этого достаточно, чтобы стать нашим акционером? На несколько первых номеров может быть, но акции?!

– Тогда считай это авансом в счет моей подписки.

И Кит зашагал дальше. Мэй долго смотрела на его удаляющуюся спину, потом вернулась к друзьям, еще более решительная, чем прежде. Она всем докажет, на что способна! Самое главное, она намеревалась доказать это самой себе. У Салли-Энн были иные мотивы, но точно такие же намерения, так что будущее у них отныне стало общим. Оставалось наскрести средств на газету, выход которой станет поперек горла любому состоятельному человеку в штате. В тот вечер подругам и в голову не приходило, что если судьба и позволит им осуществить этот проект, то только ценой преступления.

Мэй постаралась прогнать воспоминания о том пьяном вечере, когда все началось. Натянув на плечи простыню, она повернулась на другой бок. Салли-Энн обняла ее и закрыла глаза.

Октябрь 2016 г., Кройдон

Вставив ключ в замок, Мэгги убедилась, что дверь не заперта, а просто захлопнута. Первый же взломщик проник бы в квартиру так же просто, как она. Сколько раз она просила отца запирать дверь на ключ, уходя! Он всякий раз отвечал, что живет здесь с незапамятных времен и еще ни разу не становился жертвой ограбления.

Она повесила пальто на вешалку и сделала несколько осторожных шагов по коридору. Возиться в кухне смысла не было: мама никогда ничего не прятала бы в папином любимом помещении. Ленъ нашептывала ей, что она поставила перед собой неразрешимую задачу и что лучше сразу признать поражение: что толку заниматься бессмысленными поисками? Она рассеянно прикидывала, где начать: в спальне, в ванной, в чулане? Если начнет с чулана, то не ждет ли ее там люк или тайник под полом? Она подумала, что лучше уйти, только надо будет захлопнуть дверь, а не запирать, иначе отец сообразит, что она тайком побывала у него дома. Известно, что за этим последует: со своей неизменной приветливостью он похлопает ее по плечу и скажет: «Ты, Мэгги, повсюду видишь опасность».

Когда ей на плечо легла чья-то рука, она вскрикнула и обернулась. Перед ней стоял отец, удивленно тараща глаза.

– Что ты здесь делаешь, почему не позвонила? – спросил он.

– Я... – пролепетала она.

– Я слушаю.

– Я думала, ты обедаешь с Элби...

– Я тоже так думал, обед планировался, но «остин» заартачился – не пожелал заводиться. Ничего не поделаешь, придется лезть под капот.

– Она могла бы меня предупредить! – ляпнула Мэгги.

– «Остин» у меня мальчик.

– Я про Элби.

– Сердишься, что она не предупредила тебя о поломке моего мальчика? – спросил он с добродушным смехом. – Лучше перестань по любому поводу искать ссоры с сестрой, терпеть не могу, когда вы бранитесь. Целых тридцать лет жду, когда вы наконец соберетесь

повзрослеть. Можешь не сомневаться, я ей твержу то же самое всякий раз, когда она...

– Когда она... что?

– Ничего, – махнул рукой папа. – Выкладывай, что тебе здесь понадобилось.

– Я... Я искала документы.

– Давай продолжим разговор на кухне. Я как раз собирался сделать себе сэндвич. Как видишь, день, начинавшийся неважно, продолжился неплохо: так или иначе мне светит обед с одной из дочерей. Только сделай милость, ничего не рассказывай сестре, а то она, чего доброго, вообразит, что я ее обманул насчет машины, потому что предпочел ей тебя, и так далее и тому подобное... – И папа воздел руки к потолку, словно опасаясь, что тот на него рухнет. – Только этого нам не хватало!

Он открыл дверцу холодильника, достал нехитрую снедь и попросил Мэгги накрыть на стол.

– Ну, что у тебя за проблема, милая? Если тебе нужны деньги, так и скажи. Ты на мели?

– Уверю тебя, у меня все в порядке. Просто мне понадобилось... свидетельство о рождении.

Сказала – и удивилась, как ей могло прийти в голову такое слабое объяснение.

– Вот оно что! – воскликнул папа с нескрываемой радостью.

– Что тебя так радует? – спросила Мэгги, изображая равнодушие.

– Ну как же! Ты приходишь за свидетельством о рождении в очевидной спешке. Наверняка прикинула, что мы с Элби закончим обед где-то в 14.30, а на обратном пути я обязательно застряну в этих чертовых пробках. Политики десятилетиями транжирят миллиарды, но никак не придумают, как покончить с проблемами уличного движения – это в двадцать первом-то веке! Я бы всех их выгнал взашей за профнепригодность!

– Ну, не преувеличивай...

– Я нисколько не преувеличиваю, просто излагаю свою точку зрения. Но не будем отвлекаться от главной темы. Ты вычислила, что до четырех часов дня я ни за что не вернусь, а так долго ждать не могла, потому и нагрянула.

Мэгги, не понимая логику нашего папочки, благоразумно решила помалкивать.

– Ага! – повторил он.

Она сложила руки на столе и уронила на них голову.

– Когда мы разговариваем, у меня иногда создается впечатление, что я попала в шоу «Монти Пайтон»^[3], – пробормотала она.

– Хотела наглубить? Не вышло: я воспринимаю это как комплимент. Ты воображаешь, будто я не понимаю, что ты хотела найти, – вот это-то меня и огорчает. Мэрия закрывается в четыре, правильно? – И папа весело подмигнул.

– Возможно. Только что я, по-твоему, забыла в мэрии?

– Предположим, ты решила сделать у себя ремонт и настолько довольна жизнью, настолько признательна родителям, произведшим тебя на свет, что придумала вывесить в гостиной свое свидетельство о рождении. Логично? Вполне! Ладно, шутки в сторону, я сваял дурака, когда заговорил о твоём замужестве в присутствии твоих брата и сестры, и прошу у тебя прощения, но сейчас-то, когда мы с тобой одни, ты можешь мне во всем признаться. Кому, как не мне, ты всегда первому рассказывала свои тайны?

– Но у меня в мыслях нет выйти замуж, ни минуты об этом не думала, клянусь, папа, немедленно выкинь это из головы!

Папа, с подозрением глядя на дочь, поставил перед ней тарелку с сэндвичами, которые успел приготовить за разговором.

– Лучше поешь, ты выглядишь ужасно.

Мэгги не стала спорить и впиалась зубами в ломтик тостового хлеба. Папа, ничего не говоря, пристально смотрел на нее. Но он не выносил долгого молчания.

– Банк попросил меня предоставить кое-какие документы! – выпалила она, довольная своей выдумкой.

– Ты обратилась за кредитом? Видишь, я не ошибся, у меня еще сохранилось чутье, когда речь заходит о моих девочках. Если тебе понадобились деньги, почему ты не обратилась ко мне? У банков-кровопийц заоблачные проценты по займам, а когда заходит речь о том, чтобы вернуть нам то, что мы сами им одолжили, деньги почему-то обесцениваются!

– Разве ты одалживал деньги своему банку? – насторожилась Мэгги. А вдруг тут и кроется ответ на вопрос, куда подевалось мнимое мамино богатство?

Но папин ответ ее разочаровал: он, оказывается, имел в виду свои пенсионные накопления – несколько тысяч фунтов стерлингов, не приносящие совершенно никакого дохода, как он уточнил с горестным вздохом.

– Зачем тебе понадобился кредит? – спросил он. – Ты наделала долгов?

– Нет, что ты! Тут и говорить не о чем: просто заикнулась о краткосрочной ссуде. Ты же знаешь эту систему: казалось бы, пустяк, но они затребовали гору бумаг. Кстати, ты в курсе, где держала свои бумаги мама?

– Что значит – «в курсе»? Бумагами в этом доме всегда заведовал я. У твоей мамы они вызывали ужас. Давай я принесу то, что тебе нужно.

– Не беспокойся, просто скажи, где поискать, я сама...

Их разговор был прерван звонком в дверь. Папа недоумевал, кто бы это мог быть: он никого не ждал, а почтальон всегда приходил по утрам. Открыл дверь – а на пороге я.

– Сама приехала? – смущенно пробормотал папа.

– Как видишь. Заехала в редакцию и одолжила машину. Горе, а не машина: почти не едет!

– Я как раз говорил на эту тему с твоей сестрой.

– Как, Мэгги здесь?

– Представь себе! Только не думай, что я наврал про поломку своего мальчика. Ты не поверишь, – перешел он на шепот, – она заявила сюда тайком, надеясь не застать меня дома...

– Зачем? – спросила я, боясь того, что он скажет в ответ.

– Ты меня перебила, я как раз собирался все тебе объяснить. За документами, которые у нее запросили для предоставления краткосрочной ссуды. Твоя сестрица – та еще транжира!

Вышедшая в коридор Мэгги испепелила меня взглядом.

– Прежде чем наговорить лишних слов, о которых ты потом пожалеешь, загляни в свой мобильный, у меня палец устал писать тебе сообщения. Десять штук – не шутка! – выдала я скороговоркой.

Мэгги удалилась в кухню, где запустила руку в сумочку. У ее айфона оказался отключен звук. Она убедилась, что я очень старалась ее предостеречь, что папа дома.

– Зря я бранил свой «остин», на самом деле надо бы сказать ему спасибо за этот двойной сюрприз. Осталось только Мишелю подтянуться. Пойду погляжу, что еще завалилось в холодильнике. Знал бы, набил бы его битком.

Папа определенно испытал облегчение, убедившись, что я не подозреваю его ни в каких кознях.

Усевшись за стол, я попыталась вытянуть что-нибудь из Мэгги, но та сразу дала мне понять взглядом, что наш папа ничего не подозревает. Когда он скрылся в кухне, Мэгги со смехом уставилась в свой айфон.

– Мне не привиделось, Ригби? Ты действительно трижды отправила

мне сообщение «задание отменяется»? Оказывается, ты до одури смотришь телевизор – таков мой неутешительный вывод.

Папа предстал перед нами с документом в руке.

– Вот, держи, – обратился он к Мэгги. – Правда, это не совсем свидетельство о рождении. Это часть нашего генеалогического древа, заверенная мормонским нотариусом. Думаю, твоему банку этого будет достаточно.

Я схватила документ раньше Мэгги.

– Как странно! – пробормотала я.

Папа, уже потянувшийся пальцем к кнопке электрочайника, чуть слышно выругался себе под нос.

– Выходит, вы с мамой поженились уже после нашего рождения?

– Может, и так, – смущенно пробормотал папа.

– Что значит «может, и так»? Здесь это указано черным по белому. Или ты запаматовал дату собственного бракосочетания?

– Перед или после – какая разница? Мы не переставали любить друг друга до самой ее смерти. Чтоб вы знали, я люблю ее по сей день.

– Вы всегда рассказывали, что решили соединить ваши судьбы, как только встретились во второй раз.

– Наша история несколько сложнее того, что принято рассказывать детишкам, укладывая их в кроватку.

– Как это «несколько сложнее»?

– Ну вот, опять допрос! Я тебе говорил, Элби, в полиции ты добилаcь бы еще больших успехов, чем в журналистике, – проворчал папа, зачем-то выдернув вилку из розетки и обмотал шнур вокруг чайника. – Тоже отдал Богу душу! – сообщил он сокрушенно. – Утром автомобиль, теперь чайник, будь он неладен! Определенно, сегодня не мой день.

Он достал из буфета кастрюлю, налил в нее воды и поставил на зажженную конфорку.

– Знаете, сколько уйдет времени, чтобы вскипятить холодную воду?

Мы с сестрой дружно покачали головой.

– И я не знаю. Ничего, скоро узнаем. – И он уставился на маятник настенных часов.

– Все-таки как понимать твое «несколько сложнее»? – повторила я свой вопрос.

Папа тяжело вздохнул.

– Первые недели после ее возвращения выдались трудными, – начал он. – Ей понадобилось время, чтобы приспособиться к жизни в пригороде, который в то время был не самым веселым на свете местом.

– Слова «в то время» – явно лишние, – сердито вставила Мэгги.

– На мой взгляд, твой Бекенхем ничем не лучше моего городка, родная. Ваша мама не находила себе места в этой квартире, она еще не подыскала себе работу, я не мог изменить свой рабочий график, и ей было очень одиноко. Но она не привыкла сдаваться, поэтому записалась на заочные курсы. Так она выучилась, получила диплом, потом место стажерки и, наконец, учительницы. Добавьте к этому беременность, ваше рождение... Ваше появление на свет осчастливило нас, но вы не представляете себе, чего стоит вырастить детей. Надеюсь, в конце концов вы узнаете это на собственном опыте. Короче говоря, нам не на что было купить свадебное платье, кольцо и все прочие свадебные причиндалы. Поэтому пришлось ждать несколько дольше, чем хотелось, прежде чем предстать перед мэром. Ну как, твое любопытство удовлетворено?

– Когда мама забеременела, сколько времени прошло после возрождения ваших отношений?

– Ничего себе вопрос! Ваша мать терпеть не могла, когда я вспоминал тот давний, первый период наших отношений. С тех пор прошло целых десять лет, она набралась жизненного опыта, стала совсем другим человеком и совершенно не скучала по той девушке, которой была раньше. Более того, мысль, что я мог влюбиться в ту девушку, вызывала у нее едва ли не ревность! Для нее было непостижимо, как мужчина может увлекаться двумя настолько разными личностями. Потому что мне она отказывала в праве меняться! Заметьте, она была недалеко от истины, я несильно изменился. Вашу мать занимало только настоящее, в будущее она заглядывала редко, а ее прошлое было полностью стерто. Два периода нашей с ней истории были для нее все равно что Ветхий и Новый Завет: два повествования, полностью расходящиеся по вопросу пришествия Мессии.

– Ну да, в ее жизни Мессией был, ясное дело, ты! – прыснула Мэгги.

– Минута двенадцать секунд, – бесстрастно доложил папа, наблюдая за закипающей водой. Погасив газ, он заварил чай.

– Да, вы быстро управились! Одна минута двенадцать секунд – и мама беременна. Рекорд, что ни говори!

Папа капнул себе в чашку молока и посмотрел на нас – на одну, потом на другую.

– Я вас очень люблю, можете не сомневаться. Люблю больше всего на свете – вас и вашего брата, конечно. Но никто меня так не бесит время от времени, как вы. Вы появились у нас очень быстро, мама забеременела всего через несколько месяцев после того, как мы стали жить вместе.

Хочешь знать, сколько вы с братом весили при рождении? Ты была толще его и очень смешная!

Мэгги чуть не упала со стула от смеха. Тыча в меня пальцем, она потешно надула щеки.

– Между прочим, ты, Мэгги, была толще их обоих, вместе взятых. Все, вы добились своего: мне стало ужас как тоскливо. Прогуляюсь-ка я на кладбище. Не составите мне компанию?

Мэгги не бывала на могиле матери с тех пор, как мы ее похоронили. Ей было невыносимо видеть выгравированное на надгробии мамино имя.

– Хотя нет, – опомнился папа, – это, пожалуй, лишнее, лучше я схожу туда один.

На то он и отец, чтобы нас понимать.

Он залпом допил свой чай, поставил чашку в раковину, поцеловал нас с сестрой по очереди в лоб и был таков.

От двери до нас донесся его голос:

– Будешь уходить, не забудь как следует запереть дверь, Мэгги.

И папа ушел, пряча улыбку.

Октябрь 2016 г., Кройдон

Мы немного выждали, чтобы удостовериться, что он не вернется и не застанет нас с поличным. Первым делом мы исключили ванную комнату, сочтя ее крайне сомнительным местом для устройства тайника. Мэгги тщательно осмотрела чулан и не нашла там ни люка, ни тайника под полом. После этого я занялась спальней, а Мэгги – изучением семейного генеалогического древа на кухне.

– Не вздумай мне помогать, ты только будешь мешать! – крикнула я ей.

– Ты тоже как будто не спешишь мне на помощь, – отозвалась моя сестра. – Ты еще не закончила?

Я пришла и села рядом с ней, не скрывая досады:

– Ничего! Я даже простучала стены в поиске пустот – все напрасно.

– Знаешь, почему ты ничего не находишь? Потому что тут ничего нет! Это письмо – сплошная нелепость. Что ж, повеселились, и ладно, предлагаю на этом закругляться.

– Попробуем рассуждать так, как рассуждала мама. Допустим, ты хочешь спрятать нечто драгоценное. Какое место ты выберешь?

– Прятать-то зачем? Почему не использовать это на благо любимой семьи?

– Вдруг это не деньги, а что-то, с чем она не могла ничего сделать? Поди знай, может, в молодости она торговала наркотиками... В семидесятых и восьмидесятых их все употребляли.

– Об этом я и толкую, Элби: ты слишком много смотришь телевизор. Боюсь, ты будешь сильно разочарована: наркоманов и сейчас полным-полно. Смотри, застрянешь в Лондоне – и я, чего доброго, тоже подсяду на наркоту.

– Из нас троих ближе всего к маме был Мишель.

– Полагаю, единственная цель этого безответственного утверждения – вызвать у меня ревность. К чему столько пафоса?

– Это не пафос, а правда. Я просто говорю, что, будь у мамы секрет, которым она не хотела делиться с папой, Мишелю она бы, скорее всего, доверилась.

– Не вздумай выводить его из равновесия своим фантастическим упрямством!

– Никому не позволю мной командовать – ни тебе и никому другому! Пожалуй, самое время его навестить. Ты забыла, что он мой близнец, а не твой?

– Вы хоть и близнецы, но разнаяйцевые!

Я пулей вылетела с кухни и из квартиры, но Мэгги настигла меня на лестничной площадке.

На тротуарах пылал ковер из опавших листьев – следствие октябрьского ненастья и разгулявшегося ветра. Мне нравится, как хрустят под ногами прожилки жухлых листьев, нравится запах осени, усиленный дождем. Я села за руль одолженной у коллеги по газете машины, подождала, пока Мэгги захлопнет дверцу, и тронулась с места.

Мы ехали молча, не произнося ни слова, и только раз я нарушила молчание, заметив, что если бы Мэгги совершенно не верила анонимному письму, то не поехала бы со мной, но она отговорила тем, что вынуждена оберегать ненаглядного братца от безумия, овладевшего сестрой.

Припарковав машину, я решительным шагом устремила к двери. За кафедрой выдачи из полированного черешневого дерева, уцелевшей с незапамятных времен, никого не было. Сотрудников муниципальной библиотеки, работавших полный день, было всего двое: директор Вера Мортон и наш Мишель. Дважды в неделю приходила уборщица, вытиравшая пыль на книжных полках.

Вера Мортон, узнавшая Мэгги, радостно бросилась ей навстречу. Вера, не такая простая, как казалось на первый взгляд, могла бы быть очаровательной, если бы не старания превратиться в невидимку. Ее лазоревые глаза прятались за круглыми очками с захватанными стеклами, волосы были небрежно стянуты резинкой, а одевалась она в стиле «синий чулок». Водолазка на два размера больше, широкая вельветовая юбка, плоские туфли и носки выглядели довольно неряшливо, как униформа нерадивого солдата.

– У вас все хорошо? – спросила она.

– Превосходно! – заверила я ее.

– Счастлива это слышать! Поначалу я встревожилась: неужели вы принесли недобрую весть? Вы ведь у нас нечастая гостья.

Ну кто изъясняется в наше время в таком стиле, подумала я, но решила оставить свои мысли при себе. Пока Мэгги объясняла, что двум сестрам, прогуливающимся неподалеку, вдруг взбрело в голову навестить брата, у

Веры розовели щеки; при каждом упоминании Мишеля ее румянец становился гуще. Я заподозрила, что под просторной водолазкой Веры Мортон бурлят противоречивые чувства. Не осуждать же ее? Поместите двух рыбок в аквариум, и пусть они плавают там по восемь часов в сутки день за днем, и единственным их развлечением будет еженедельная экскурсия скучающих школьников. Почти наверняка вскоре они разглядят друг в друге все лучшие качества, дарованные человечеству. Но даже не принимая во внимание подобные соображения, я допускала, что Вера вполне способна испытывать к моему брату нежные чувства. Вопрос был в другом: влюблен ли в Веру сам Мишель?

Молодая директриса дряхлого учреждения с радостью проводила нас в читальный зал, где Мишель в одиночестве читал за столом книгу. Вера говорила с нами шепотом, как будто в читальном зале было полно народу. Я сделала вывод, что библиотеки сродни храмам. Не важно, верующий ты или нет, говорить громко тут не принято.

Мишель поднял голову, удивился, увидев своих сестричек, закрыл книгу и, прежде чем подойти к нам, поставил книгу на место.

– Мы были поблизости. И подумали: хорошо бы зайти поцеловать брата, – повторила Мэгги свою версию.

– Как странно, ты же никогда меня не целуешь. Не хочу с тобой спорить. – И он подставил ей щеку.

– Это просто так говорится! – отшатнулась Мэгги. – Может, выпьем где-нибудь чаю? Если тебя, конечно, отпустят.

За Мишеля ответила Вера:

– Разумеется, у нас сегодня не такой уж наплыв читателей. Не беспокойтесь, Мишель, я сама запру библиотеку.

Щеки ее вновь порозовели.

– Мне еще надо расставить несколько книг.

– Уверена, что они приятно проведут ночь на тех столах, где сейчас лежат, – успокоила его Вера, еще сильнее покраснев.

Мишель попрощался с ней, пожав руку, вернее, дернув, как старый велосипедный насос.

– Большое спасибо, – прочувствованно сказал он. – Я отработаю завтра, останусь подольше.

– В этом нет необходимости. Хорошего вам вечера, Мишель, – проговорила она, и ее щеки стали пунцовыми.

Поскольку в этих стенах было принято шептаться, я приникла к уху сестры, чтобы поделиться с ней некоторыми своими наблюдениями. Мэгги закатила глаза и повела Мишеля к машине.

Мы устроились в чайном заведении с завешанной рекламой витриной на первом этаже домика из желтого кирпича, сохранившегося с 70-х годов, – остатка прежней индустриальной застройки. Обслуживание здесь оставляло желать лучшего. Мэгги пришлось навеститься к стойке, чтобы заказать три чашки «эрл грея» и печенье. Честь расплатиться она предоставила мне. Мы устроились в пластмассовых креслах вокруг столика, тоже пластмассового.

– Что-то с папой? – спросил Мишель бесстрастным тоном.

Я поспешила его успокоить. Он отхлебнул чай и уставился на Мэгги:

– Ты выходишь за Фреда?

– С какой стати за нашим невинным желанием повидаться с тобой должна скрываться какая-то драма?

Мишель подумал и нашел этот ответ забавным: об этом свидетельствовало некое подобие улыбки.

– Я нечасто остаюсь в Лондоне надолго, вот и решила повидать тебя и заодно позвала Мэгги, – подхватила я.

– Мама не доверяла тебе никакой тайны? – в лоб спросила его Мэгги.

– Ты задаешь странный вопрос. Я давно не видел маму, ты тоже.

– Я имела в виду – раньше.

– Если бы она и доверила мне какую-то тайну, то я не мог бы тебе ее открыть. Логично, правда?

– Я не прошу тебя рассказывать, что это за тайна, а просто спрашиваю, шла у вас речь о тайне или нет.

– Нет.

– Вот видишь! – бросила Мэгги мне.

– Об одной – нет. Тайн было много, – уточнил Мишель. – Можно взять еще печенье?

Мэгги пододвинула ему блюдце.

– Почему тебе, а не нам? – не унималась она.

– Потому что она знала, что я никому ничего не скажу.

– Даже твоим сестрам?

– Тем более моим сестрам. Когда вы ссоритесь, то способны все вывалить, включая всякие небылицы. У вас много достоинств, но среди них отсутствует умение промолчать, когда вы сердитесь. Логика.

Я положила ладонь на руку Мишеля и посмотрела на него с нежностью:

– Ты ведь знаешь, что нам ее не хватает так же сильно, как тебе.

– Не думаю, что существует инструмент для измерения этой нехватки, поэтому делаю вывод, что ты высказалась в фигуральном смысле.

– Нет, Мишель, это самая что ни на есть реальность, – не согласилась я с ним. – Она была нашей мамой точно так же, как твоей.

– Естественно, это логично.

– Если тебе известно что-то, о чем мы не знаем, то несправедливо держать это при себе, понимаешь? – наредила на него Мэгги.

Мишель взглядом попросил у меня разрешения взять мое печенье, окунул его в чай и откусил два маленьких кусочка.

– Что она тебе сказала? – впиалась в него я.

– Ничего.

– А как же тайна?

– Она доверила мне не слова.

– А что?

– Не думаю, что у меня есть право рассказывать об этом вам.

– Мишель, я тоже не считаю, что мама собиралась так быстро и внезапно уйти из жизни. Уверена, ей бы хотелось, чтобы после ее смерти мы узнали о ней всё.

– Возможно, но мне нужно было бы спросить об этом ее саму.

– Такой возможности нет, придется тебе положиться на себя и свое мнение, больше не на кого.

Мишель одним глотком допил свою чашку и поставил ее на блюдце. У него дрожала рука, он покачивал головой и смотрел в никуда. Я погладила его по голове и одной фразой остановила назревавший приступ.

– Ты ничего не должен нам говорить прямо сейчас. Уверена, маме бы хотелось, чтобы ты хорошенько поразмыслил. И я знаю, что именно поэтому она была с тобой откровенна. Хочешь съесть последнее печенье?

– По-моему, это было бы не очень разумно, но почему бы нет, раз мы собрались втроем...

Я решила остаться на месте, Мэгги, отошедшая к стойке за печеньем, оглянулась и замерла. Опомившись, она поставила перед Мишелем тарелочку и тоже села.

– Не будем больше это обсуждать, – проговорила она тоном миротворца. – Лучше расскажи, как проходят твои рабочие дни.

– Они похожи один на другой.

– Выбери какой-нибудь из них и расскажи.

– Как ты ладишь с директрисой? – предложила тему я.

Мишель поднял глаза:

– Это, наверное, опять в фигуральном смысле?

– Нет, это просто вопрос. Вы понимаете, слышите друг друга? – уточнила я.

– Мы прекрасно друг друга слышим, мы же не глухие. Это наше счастье, потому что в библиотеке принято разговаривать шепотом.

– Да уж, я имела удовольствие в этом убедиться.

– Значит, ты убедилась и в том, что мы слышим и понимаем друг друга.

– По-моему, она высоко тебя ценит. Послушай, Мэгги, хватит так на меня глазеть, – обратилась я к сестре, – тебе необязательно контролировать каждое мое слово, и имею право разговаривать с братом, как я хочу.

– Собираетесь ссориться? – осведомился Мишель.

– Сегодня – нет, – успокоила его Мэгги.

– Что меня в вас поражает, – заговорил Мишель, беря бумажную салфеточку и вытирая краешек губ, – так это то, что ваши речи чаще всего совершенно бессмысленны. И это притом, что когда вы не спорите, то понимаете друг друга лучше, чем большинство тех, за кем я наблюдаю. Отсюда я делаю вывод, что вы тоже не глухие. Надеюсь, я ответил на вопрос, который ты на самом деле хотела мне задать, Элби.

– Я тоже так думаю. Если тебе когда-нибудь понадобится женский совет, знай, я всегда рядом, в твоём распоряжении.

– Нет, Элби, ты не очень часто бываешь рядом, но, в отличие от мамы, время от времени появляешься, и это вселяет надежду.

– Надеюсь, в этот раз я пробуду здесь дольше.

– Пока твой журнал не отправит тебя изучать жирафов в какую-нибудь далекую страну. Почему люди, с которыми ты не знакома, интересуют тебя больше, чем твоя собственная семья?

Кому-то другому я, возможно, сказала бы правду. Мне захотелось отправиться в путешествие по миру, чтобы обрести надежду, которой мне так не доставало в двадцать лет, бежать куда глаза глядят от пугающего ощущения, что моя жизнь спланирована от начала до конца, что она будет такой же, как у моей матери, такой же, как у сестры. Мне необходимо было сбежать от родных, чтобы не перестать их любить. Потому что вопреки всей любви, которую я получала, я задыхалась в лондонском пригороде.

– Меня завораживает человеческое разнообразие, – ответила я. – Я ищу различия между людьми. Понимаешь?

– Нет, это не очень логично. Вот я не такой, как другие, почему тебе не хватило меня, почему понадобилось искать чего-то еще?

– Ты не другой, Мишель, мы с тобой двойняшки, ты – тот человек, с которым я чувствую наибольшую близость.

– Если я вам мешаю, так и скажите, не стесняйтесь, – вмешалась Мэгги.

Мишель долго смотрел на нее, потом перевел взгляд на меня. Глубоко вздохнув, он положил на стол ладони, как будто приготовился избавиться от тяготившей его тайны.

– Думаю, мы с Верой очень хорошо ладим! – выпалил он, задыхаясь.

Июнь – сентябрь 1980 г., Балтимор

Объявив о создании газеты во время попойки в конце весны, Мэй и Салли-Энн с жаром взялись за дело. Они посвятили ему все лето и на пляж бегали только по воскресеньям.

Прежде всего газете требовалось название. Первой занялась этой проблемой Мэй. После очередного повтора в поздней сетке канала ABC старого сериала «Неприкасаемые»^[4] с Робертом Стеком в роли Элиота Несса ее осенила гениальная идея.

Сначала Салли-Энн восприняла ее как шутку. Название показалось ей совершенно нелепым, не говоря о сомнительной игре слов, которая доставила бы кое-кому извращенное удовольствие. Как газета, возглавляемая женщинами, может называться «Неприкасаемые»?

Как-то июльским днем, на редкость жарким, Салли-Энн любовалась мускулатурой Кита, пришедшего оказать им помощь: она обнаружила среди заброшенных портовых складов лофт в плачевном состоянии, который, по ее мнению, надо было всего лишь перекрасить – и он будет просто великолепен.

Тщательно обследовав помещение, Кит заявил, что она ошибается. Его удивила и скромная сумма, на которую они рассчитывали осуществить свою затею. А ведь семья Салли-Энн не испытывала недостатка в средствах.

Ему не приходило в голову, что за привлекательной внешностью Салли-Энн и ее повадками опытной соблазнительницы прячется бескомпромиссная прямолинейность. Еще не постигнув подросткового возраста, она поняла, что отличается от других. Она как-то поделилась с Китом и Мэй детским воспоминанием: одному из своих учителей она заявила, что, когда она родилась, ее, скорее всего, подменили или перепутали, потому что у нее нет почти ничего общего с отцом и тем более с матерью. Учитель отчитал дерзкую девчонку, позволившую себе осуждать родителей, чей жизненный успех всем приводили в пример. Она же признавала за ними единственное достижение – бережливое отношение к унаследованному богатству, сохраненному ценой нескончаемой лжи и

компромиссов.

Вспомнив об этой истории, Кит помирил девушек. Они решили, что им ни на кого не нужно обращать внимания, а газета пусть будет независимой – «Индепендент».

– Красиво, конечно, но при отсутствии средств труд предстоит титанический! – воскликнул Кит. – Рамы проела соль, паркет истончился так, что его можно пальцем проткнуть. Запустить отопительный котел – задача почти неразрешимая. Электричество отключено с незапамятных времен.

– Я знаю только два типа мужчин, – заявила в ответ Салли-Энн. – Это те, у кого проблемы, и те, кто их решает.

Салли-Энн уже научилась прятать куда подальше свою легендарную прямолинейность, когда это было необходимо. Кстати, мужчины чаще всего и были такой необходимостью. Кит тут же угодил в небрежно расставленную ловушку, и Мэй с трудом поборола желание прийти ему на помощь. Она промолчала, и Кит с завидным рвением принялся за ремонт лофта.

Детство Кита нельзя было назвать беззаботным, зато он вырос с умением обходиться подручными средствами. В первое же воскресенье он сумел протянуть силовой кабель и ближе к ночи, вскарабкавшись на столб за окном и чуть с него не свалившись, присоединил его к клеммам трансформатора. На все это ушел целый день, зато в лофте загорелся свет.

Все последующие дни он приходил туда после работы, там же проводил свои выходные. К концу недели он стал воспринимать этот ремонт как вызов. Принялся приводить в порядок паркетный пол, чтобы потом на нем можно было расставить письменные столы, взялся за восстановление оконных рам, прихватывая обрезки досок из своей мастерской и привозя их в своем пикапе. Хозяин заметил его проделки и, не будь он первоклассным столяром, непременно выставил бы его за дверь. К концу первой недели Кит признал, что ему не справиться с таким объемом работ в одиночку. Взяв у девушек немного денег и угостив ужином с выпивкой несколько новых приятелей, трудившихся в том же здании, он заручился их помощью. Начинающие водопроводчики, каменщики, маляры и слесари занялись котлом, трубами, продувкой батарей, выравниванием стен и удалением ржавчины, разъедавшей железо. Мэй и Салли-Энн тоже не бездельничали: они шлифовали, прикручивали, красили, а в перерывах кормили и поили собранную Китом бригаду.

Работа кипела, настроение у всех было приподнятое, троица вступила в захватывающую игру обольщения. Первая из участников обладала

большим опытом, вторая подкупала искренностью, а третий в таких делах вообще ничего не смыслил.

Мэй тянуло к Киту. Она внимательно наблюдала за каждым его шагом, каждым жестом, дожидаясь, когда ему понадобится помощь, и стараясь оказаться поближе в подходящий момент. Когда они обменивались парой слов – он в это время приколачивал паркет, она неподалеку шлифовала доски, – она всякий раз делала для себя открытие: оказывалось, что беседовать с ним не менее интересно, чем любоваться его внешностью. Но Кит все время поглядывал на Салли-Энн, а та нарочно старалась держаться на расстоянии. В конце концов Мэй заподозрила, что он помогает им с единственной целью – вернуть расположение Салли-Энн, но та не раскрывала своих чувств.

В середине месяца игра приняла другой оборот. Кит разобрался наконец в тактике Салли-Энн и пригласил Мэй поужинать в индийский ресторанчик на Колд-Спринг-Лейн. Она была удивлена – какие у него экзотические вкусы! В конце вечера он изъявил желание вернуться в лофт, чтобы покрыть вторым слоем лака входную дверь.

– За ночь лак высохнет, и завтра я смогу заняться чем-то другим, – объяснил он.

Мэй поблагодарила Кита за прекрасный вечер, а тот, взяв со столика ключи, вдруг задумался: для кого из них он так старается, может, для обеих?

– Хочешь послушать музыку? – спросил Кит у севшей к нему в машину Мей.

Та, крутя тумблер настройка приемника, незаметно подтянула повыше подол юбки. Всякий раз, когда на нее падал свет фонаря, кожа на ее бедре, светлая, в золотистых пятнышках веснушек, отливала молочной белизной. Кит несколько раз скользил по ней взглядом, а потом не удержался и положил ладонь на ногу Мэй. Девушку бросило в жар.

На лестнице он пропустил ее вперед. Сто двадцать крутых ступенек – и Киту нестерпимо захотелось заняться с ней любовью.

Толкнув дверь лофта, Мэй позвала Салли-Энн, надеясь, что та, как всегда, укатила на очередную вечеринку, где парни смотрят на нее с жадностью, а девушки – с восхищением и завистью.

Кит, больше не в силах сдерживаться, стал приближаться к Мэй, она с улыбкой пятилась от него к окну. Прижавшись к ней, он обхватил ладонью ее затылок, погрузив пальцы в мягкие волосы, и стал целовать. Поцелуи, которых она ждала несколько недель, оказались нежнее, чем ей представлялось. Макушка Кита пахла свежей древесиной и скипидаром,

она легонько покусывала его проворные пальцы, гладившие ей лицо, и дрожала всем телом. Кит расстегнул на ней блузку, обнял за талию и стал целовать ей грудь, а она уже расстегивала пуговицы на его джинсах. Он принадлежал ей, и твердое доказательство этого она уже сжимала в руке.

Но Мэй кое в чем ошиблась. С улицы, сидя на мотоцикле, на нее смотрела Салли-Энн. Подруга видела в окне ее голую спину, ее белые бедра, колени, взлетающие вверх от могучих толчков. Салли-Энн отлично знала, какое удовольствие Кит доставляет сейчас Мэй. Она сама много раз его получала, ощущая на губах солоноватый вкус его кожи.

– Добро пожаловать на седьмое небо, моя красавица. Не волнуйся, ты его у меня не украла. Пользуйся, но учти: я одолжу его у тебя, когда придет охота.

Не надевая шлема и подставив лицо ветру, она сорвалась с места и помчалась искать тепла и забвения в других объятиях.

* * *

К середине августа значительная часть ремонтных работ осталась позади. Салли-Энн выиграла свое пари: они вернули лофту если не былое великолепие, то по меньшей мере вполне приличный вид. Так оценивал результат своего труда Кит, когда благодарные девушки повисли у него на шее и осыпали поцелуями.

Реконструкция лофта позволила им обзавестись там спальней – закутком с кроватью.

Теперь надо было как-то сберечь остаток средств. Кит и его приятели при всякой возможности использовали бывшие в употреблении материалы, тем не менее девушкам все равно пришлось потратить на ремонт почти все свои накопления.

В конце августа они стали посещать распродажи, обзаводясь мебелью и всем необходимым. Мэй случайно обнаружила страховую компанию, сбывавшую с рук шесть пишущих машинок, место которых заняли более современные машинки IBM. Салли-Энн, очаровав торговца, приобрела за бесценок целый офисный комплект: копировальный аппарат, два магнитофона, оборудование для фотостудии, шесть стульев и бархатный диван. Но, как ни дешево им все это обошлось, сентябрь они встретили с пустыми карманами.

Наступило одно из тех воскресений, когда Мэй вставала с утра пораньше и отправлялась к мессе. Она освободилась от всего, оставив при себе только веру. Но все равно, входя в церковь, она чувствовала себя виноватой. Мэй приходила сюда не в поисках Бога, не за Его прощением, а только чтобы на целый час почувствовать себя защищенной от внешнего мира. Даже толком не молилась, потому что ее молитва стала бы оскорблением для присутствующих. Глядя на прихожан, она пыталась вообразить жизнь всех этих полноценных дружных семейств, наблюдала за детьми, зевавшими за молитвой, умело различала пары, спаянные любовью, и те, где супруги просто жили под одной крышей. Как ни пьянила Мэй ее свобода, этой свободе сопутствовали страхи, и худшим среди всех был страх одиночества.

Салли-Энн поздно вернулась со скучного благотворительного вечера, куда пошла с определенной целью – уговорить одного молодого предпринимателя вложить средства в их газету. Сам по себе этот тип был не слишком привлекателен, поэтому она не переходила за рамки сугубо профессиональные. Предприниматель вежливо внимал ее рассуждениям. Пускай объяснит, как заработать на газете, не претендующей на общенациональный охват. С тех пор как телевидение перетянуло на себя львиную долю рекламных бюджетов, даже у самых крупных изданий стала стремительно снижаться рентабельность. Эта тенденция уверенно набирала обороты, и он задавался вопросом, не сочтены ли дни печатной прессы. Как ни блистала Салли-Энн умом и находчивостью, у нее не получилось переубедить собеседника: тот никак не мог разглядеть источники прибыли, ради которых стоило бы рисковать своими деньгами. Тогда Салли-Энн перешла к теме прибылей иного рода: стране необходимы органы печати, не зависящие от какой-либо власти, прежде всего от власти денег. Он из вежливости покивал. Давайте так: если за год «Индепендент» докажет свою состоятельность, то он будет готов вернуться к этому разговору. Салли-Энн приехала домой ближе к ночи и, застав Мэй и Кита спящими в ее кровати, еще сильнее рассвирепела. Мелькнула даже мысль залезть к ним третьей, но, одумавшись, она довольствовалась диваном.

Мэй, уходя из дому ни свет ни заря, разбудила Салли-Энн. Кит спал сном праведника. Стоя в двери спальни, Салли-Энн засмотрелась на разметавшегося по кровати мужчину, на его мерно вздымающуюся грудь. Даже во сне он источал силу. Его кожа и та была произведением искусства,

волосы на груди обещали наслаждение. Она наклонилась, чтобы поднять с пола его рубашку, и вдохнула его запах. Мэй ушла часа на два, но так много ее верной подруге и не требовалось. Она стянула с себя майку и трусики, легла рядом, прижалась к нему.

У природы есть свои загадки, в их числе особое утреннее состояние мужчины, над которым он не властен. Кит недолго сопротивлялся нежным губам, заскользившим по его животу.

Когда оба получили щедрую порцию удовольствия, Салли-Энн подобрала майку и трусики и отправилась в душ. Когда она включила воду, Кит присоединился к ней. Потом, одеваясь, они условились, что между ними ничего не было.

* * *

По прошествии недели произошло чудо. Ронда, помощник бухгалтера, мечтавшая о месте финансового директора – для женщины начала 80-х такие амбиции были равносильны мечте покорить Олимп, взойдя на него в шлепанцах, – представила плод своих трудов – тщательно составленный план эксплуатационных расходов, учитывавший все, вплоть до последней скрепки. Она даже подсчитала возможный доход от рекламы. Это был бюджет газеты на первые два года, оставалось только положить его в красивую прозрачную папку. Ее муж, руководивший отделением Корпоративного банка Балтимора, назначил им встречу.

Мистер Кларк был низеньким мужчиной с живым взглядом и приветливой улыбкой. Доброжелательность наделяла его некоторой привлекательностью, как это ни противоречило его внешности, отрицавшей все каноны мужской красоты. Он был женат на Ронде уже полтора десятка лет. Весьма вероятно, что если бы Кларк всерьез усомнился в финансовой надежности Салли-Энн, ему пришлось бы столкнуться с решительным отказом жены соблюдать свой супружеский долг и требованием покинуть их общее ложе на неопределенный срок.

– Позвольте задать один вопрос, – произнес он, поправляя сползшие на кончик носа очки. – Если бы наше финансовое учреждение стало вашим кредитором, вы не стали бы публиковать материалы, вредящие нашим интересам?

Мэй уже открыла рот, чтобы ответить, но партнерша двинула ее ногой по лодыжке, и она промолчала.

– Встречный вопрос, если можно, прежде чем ответить на ваш, – заговорила Салли-Энн. – Банк, помогающий финансированию нашей газеты, непременно должен быть вне всяких подозрений, не правда ли?

– Само собой, – кивнул Кларк. – Раз уж у нас пошел откровенный разговор, признаюсь, что я восхищаюсь вашей смелостью с тех пор, как некая персона, которую я не вправе здесь назвать, стала рассказывать мне о вашем проекте – а она делает это каждый вечер. Как я погляжу, она ничуть не преувеличивает.

Он выдвинул ящик стола, достал бланк и подал посетительницам.

– Не сомневаюсь, что ваш запрос о ссуде будет составлен в кратчайший срок. Как только это произойдет, милости прошу ко мне. Я ознакомлю с вашим досье кредитную комиссию. Это простая формальность. Мы откроем вам кредитную линию на двадцать пять тысяч долларов сроком на два года. Условие таково: когда ваша газета добьется предполагаемого успеха, вы поместите заработанные деньги в наш банк.

Банкир проводил просительниц до двери своего кабинета и попрощался с обеими за руку. Салли-Энн на радостях наградила его поцелуем.

Они вышли из банка в радостном возбуждении.

– А ведь наша газета будет жить! – воскликнула Салли-Энн, еще не веря в успех.

– Да, в этот раз мы сорвали банк. Двадцать пять тысяч, представляешь? Целое состояние! Мы сможем нанять двух секретарей, девушку на телекс, секретаря в приемную, верстальщицу, фотографа, политического журналиста, журналиста по культуре, одного-двух репортеров...

– Ты считаешь, мы должны отдавать предпочтение сотрудницам-женщинам?

– Не должны, но ты только послушай, как это звучит: «Милый Фрэнк, принесите-ка досье, о котором я вам говорила!» – Она изобразила, как снимает телефонную трубку. – «Джон, будьте так добры, сделайте мне кофе». – Она скорчила гримасу. – «Мне нравятся эти брючки, Роберт, они отлично сидят на твоей попке...»

– Согласна, звучит слишком игриво.

Злые языки стали бы утверждать, что, не будь Кларк мужем Ронды, он ни за что не предоставил бы девушкам кредит, но оказались бы далеки от истины. Ответственный сотрудник Корпоративного банка Балтимора отлично знал, с кем имеет дело. Родители Салли-Энн ни за что не позволили бы себе стать должниками банка, акционерами которого

являлись.

Те же самые злые языки поспешили бы упрекнуть Кларка в поспешном и неоправданном риске, а девушек – в том, что они слишком рано обрадовались.

Спустя несколько дней из банка позвонили Ханне Стэнфилд, матери Салли-Энн, и сообщили о запросе на финансирование, который вскоре рассмотрит кредитная комиссия.

Октябрь 2016 г., Восточные кантоны, Квебек

Меня зовут Джордж-Харрисон Коллинз. Тем, кого забавляет мое имя, я обычно отвечаю, что с меня хватило насмешек, которым я подвергался в школе за то, что знал, в чью честь меня назвали. Самое странное то, что у нас дома «Битлз» не слушали, мама была поклонницей «Роллинг стоунз». Она так и не объяснила, почему выбрала мне такое имя. Это не единственный ее секрет, который мне так и не удалось раскрыть.

Я родился в Магоге, и все тридцать пять лет моя жизнь протекает в Восточных кантонах Квебека. Пейзажи здесь великолепные, зимы длинные и суровые, но в конце тоннеля всегда брезжит свет: весной все возрождается, а потом наступает теплое лето, когда наполняются жизнью леса и серебрятся озера.

Как писал Халиль Джебран, память – это осенний листок, шепчущий на ветру, прежде чем сорваться и унести. Мои лучшие воспоминания связаны с матерью, но ее собственные воспоминания медленно угасают, потому что в ее жизни уже наступила поздняя осень.

Когда мне исполнилось двадцать лет, она стала настойчиво советовать мне уехать. «Эта провинция для тебя маловата, поезжай, посмотри мир!» – уговаривала она меня, и ее уговоры были как приказ. Но я не послушался. Я не смог бы жить где-то еще – только здесь. Канадские леса – мой родной край, нигде нет столько кленов, а я работаю столяром-краснодеревщиком.

Когда у мамы еще с головой было все в порядке и она любила пошутить, она дразнила меня молодым старичком всякий раз, когда видела, как я забираюсь в свой пикап.

Большую часть времени я провожу у себя в мастерской. Работа по дереву сродни волшебству, которое творит умелец, любящий преобразовывать материю. Желание стать столяром появилось у меня после того, как я прочел сказку про Пиноккио. Образ Джеппетто навел меня на размышления. Если он сумел собственными руками смастерить себе сына, то почему бы мне не смастерить отца, которого я не знал? К подростковому возрасту я перестал верить в сказки, но вера в магию моего ремесла никуда не делась. Я мастерю предметы, входящие в жизнь людей: столы, за

которыми ужинают семьи, создавая себе воспоминания, кровати, на которых родители любят друг друга и видят сны о своих будущих детях, книжные шкафы, где будут храниться их книги. Не могу себе представить никакого другого занятия.

Как-то октябрьским утром я долго трудился над столешницей комода, но у меня ничего не получалось. Древесина, из которой я нарезал детали, оказалась плохо просушенной, и они могли в любой момент потрескаться. Мне раз двадцать приходилось вновь браться за работу, но стамеска не шла как нужно. Мои мучения прервал почтальон, и я в кои-то веки обрадовался его приходу. Обычно он приносит счета и всякие официальные бумаги, портящие жизнь. Но в этот раз он протянул мне конверт, надписанный от руки. Я залюбовался почерком. Догадаться, кому он принадлежит – мужчине или женщине, – было невозможно. Я вскрыл конверт и сел читать письмо.

*Дорогой Джордж,
извините, что сокращаю Ваше имя, составные имена для меня длинноваты, Ваше, кстати, замечательное, но мое письмо не об этом.*

Догадываюсь, как тяжело день за днем терять мать, пусть она по-прежнему жива.

Что поделать, мы знаем о своих родителях только то, что они сами хотят нам рассказать и что мы сами хотим в них видеть. Мы забываем – и это в порядке вещей, – что они жили и до нашего появления на свет. Я хочу сказать, что тогда они вели свою собственную жизнь, проходили через испытания молодости, через ложь. Им тоже приходилось разбивать свои цепи, вырываться на свободу. Вопрос в том, КАК они это делали.

Например, говорила ли Вам мать правду о Вашем отце, которого Вы не знали?

Кем он был? При каких обстоятельствах она с ним познакомилась? Почему он Вас бросил? Вам нужно найти ответы на множество вопросов, если они Вас интересуют. А если Вам интересно, то вот Вам мой совет: занимаясь поисками, не пренебрегайте воображением. Сами понимаете, Ваша мама, разумнейшая женщина, ни за что не спрятала бы свои сокровенные тайны в легкодоступном месте. Когда Вы обнаружите подтверждения того, что мои вопросы обоснованны – знаю, первым Вашим чувством будет недоверие к

моим словам, – Вам непременно понадобится меня отыскать.

Но всему свое время. А пока что, думаю, Вам нужно как следует поразмыслить. Впереди у Вас много дел.

Простите, что не называю себя, не считайте это трусостью, я поступаю так только для Вашего блага.

От всего сердца советую Вам никому не рассказывать об этом письме и уничтожить его сразу после прочтения. Хранить его не имеет никакого смысла.

Поверьте, мои слова совершенно искренни: желаю Вам всего наилучшего, посвящаю Вам мои лучшие мысли.

Я скомкал письмо и зашвырнул его в дальний угол мастерской. Кто мог это написать? С какой целью? Кто так хорошо осведомлен о состоянии здоровья моей матери? Меня терзало множество вопросов, на которые я не находил ответов. Сосредоточиться на работе больше не получалось. Когда орудуешь ножовкой, рубанком и стамеской, за рассеянность можно слишком дорого расплатиться. Пришлось отложить инструменты, надеть куртку и залезть в безотказный пикап.

Два часа гонки – и вот я стою у дверей пансионата, где уже два года проживает моя мать. Это изящная постройка на невысоком холмике в глубине обширного парка. По ее фасаду карабкается плющ, трепещущий широкими листьями при любом дуновении ветра: кажется, пансионат оживает.

Персонал здесь доброжелательный. У жильцов один и тот же недуг, но у каждого он проявляется по-своему. Скажем, мамин сосед Готье вот уже пять лет читает 201-ю страницу книги, которую не выпускает из рук. Каждый день хохочет, перечитывая одно и то же место, каждый раз возвращается к началу страницы с возгласом: «Невероятно, до чего смешно!» Мадам Лапик бесконечно раскладывает пасьянс: выложит перед собой карты рубашками вверх и внимательно их разглядывает. Бывает, тронет одну дрожащим пальцем, пробормочет что-то невнятное, улыбнется, но так и не перевернет. Потом то же самое происходит с другой картой: прикосновение дрожащего пальца, невнятное бормотание, улыбка – и не перевернет. Всего в «Резиденции нового века» шестьдесят семь жильцов.

Это батальон призраков в человеческом обличье: жизнь покинула их, а они и не заметили.

Моя мама была женщина своенравная, вечно в кого-то влюбленная. Любовь была ее наркотиком, и она употребляла его, не зная меры. Сколько

раз, вернувшись из школы, я заставал дома очередного сконфуженного незнакомца, ласково трепавшего меня по плечу и осведомлявшегося, как у меня дела.

Мать я боготворил, ее кавалеров презирал. Они уходили тем же вечером, в худшем случае на завтра, со мной же она никогда не расставалась.

Не знаю, что за муха меня укусила в тот день. Письмо без подписи разбудило злость, которую я давным-давно зарыл так глубоко, что почти забыл о ее существовании. Возможно ли такое – взять и вдруг отбросить всякое здравомыслие, сделать вид, будто повседневность перестала существовать, болезнь учтиво испарилась, чтобы сделать вам приятное, месье Готье прочел наконец страницу 202 и нашел ее слишком скучной, а мадам Лапик открыла короля червей, а мама сумела ответить на вопрос, хотя бы один? Разве такое возможно?

При виде меня она улыбнулась, и это было единственное утешение, которое она еще могла мне дать. Я собирался затронуть запретную тему. В свой десятый день рождения я отверг ее подарок и жутко распахивался, требуя, чтобы она открыла мне наконец, кем был мой отец, действительно ли он сбежал, как вор, до моего рождения, почему не захотел сына – меня. В ответ она разбушевалась еще сильнее, чем я, обругала меня за то, что я осмелился спросить об отце, и пригрозила перестать со мной разговаривать.

Гроза не утихала целую неделю, за все это время мы не обменялись даже словечком; наконец – дело было воскресным утром – она, выйдя из бакалеи, крепко меня обняла, словно мигом забыла, что еще минуту назад была на меня сердита. «Я тебя прощаю», – заявила она со вздохом.

Никто, кроме нее, не сумел бы так же, как она, нахально, с дьявольской самоуверенностью заявить, что прощает меня за то, в чем виновата сама. Вина ее состояла в том, что она молчала, оберегая свою тайну, а расплачиваться приходилось мне. До восемнадцати лет я еще несколько раз предпринимал попытки узнать правду, но кончались они всегда одинаково. Если она не злилась, то убегала в слезах, сетуя, что вопреки всем жертвам, на которые она идет ради меня, я упорно напоминаю о том, что ее одной мне недостаточно.

В восемнадцать лет я положил всему этому конец и отказался от дальнейших попыток. Пришлось признать: если бы мой отец пожелал со мной познакомиться, то просто постучался бы к нам в дверь.

Не знаю, что со мной стряслось в тот день, но, глядя ей прямо в глаза, я выложил все, что накопело:

– Почему он ушел? Может, я хоть разок его видел? Может, он был из тех мужиков, что залезали на тебя, пока я просиживал штаны в школе?

Здорово я на нее обозлился, иначе не позволил бы себе так говорить. Мы с ней могли порой повздорить, но никогда еще я не говорил ей таких оскорбительных слов. Если бы я сорвался на нее, пока у нее было все в порядке с мозгами, то получил бы по заслугам. Да мне просто в голову ничего такого раньше не приходило!

– Скоро пойдет снег, – услышал я в ответ от матери, наблюдавшей, как медсестра, собрав разложенные мадам Лапик карты, увозит ее в кресле-каталке. – Мне сократили прогулки, так что, как ты понимаешь, теперь уже недолго до снега. Куда ты поедешь на Рождество?

– Еще только октябрь, мама, до Рождества целых два месяца. Я проведу его с тобой.

– Ну, нет! – замахала она руками. – Терпеть не могу индейку! Лучше устроим праздник по случаю прихода весны, ты отвезешь меня в мой любимый ресторан – не помню, как он называется, но ты его знаешь, он стоит на берегу реки.

Рекой она называет озеро, а рестораном – обычное бистро с круассанами и сэндвичами с колбасой. Но я кивнул в знак согласия. Как ни злись, противоречить ей нет ни малейшего смысла. Тут она заметила у меня на руке бинт: двумя днями раньше я порезал большой палец, ничего страшного.

– Ты поранился?

– Ерунда! – успокоил я ее.

– Ты сегодня не работаешь?

Мама живет на периферии мысли. Иногда она способна на некое подобие беседы – при условии, что обсуждаются самые банальные вещи. Но и тогда ей случается вдруг начать нести вздор.

– Мелани с тобой не приехала?

Мы с Мелани уже два года как расстались. Моя жизнь вдали от цивилизации сначала ее привлекла, но потом быстро ей наскучила. После пяти лет совместной жизни, нескольких расставаний и такого же количества примирений она собрала свои вещи и исчезла, оставив мне на кухонном столе записку – совсем коротенькую: «Ты – медведь в лесной глуши». Женщины умеют выразить одной короткой фразой то, чего мужчина не сумеет высказать даже в длинной речи.

– Ты должен подарить мне зонтик, – продолжила мама, поднимая глаза к небу.

Сидевший на скамейке неподалеку от нас Готье разразился громким

хохотом.

– До чего же он мне надоел! Как-то раз я стащила у него книгу и не нашла в ней совершенно ничего смешного. Как стащила, так и вернула. Сиделка мне обещала, что он помрет до конца года. Скорее бы от него избавиться!

– Вряд ли сиделка могла тебе такое обещать.

– А вот представь себе! Спроси Мелани, она подтвердит. Кстати, где она?

Приближались сумерки. Я чувствовал себя круглым идиотом: приехал встряхнуть мать, заставить ее заговорить, зная, что все тщетно. Меня ждал двухчасовой путь домой и работа над комодом, который я обещал сдать заказчику до конца недели. Я взял маму под руку и повел внутрь, в столовую. В коридоре мы встретили сиделку, посмотревшую на меня с нескрываемым состраданием. Как здесь, в богадельне, смахивающей на мертвецкую, очутилась такая красотка? Заметив, как вызывающе торчат под кофточкой ее груди, я не мог не начать гадать, что она рассказывает вечерами своему возлюбленному про то, как провела день. Я даже вообразил, что это я ложусь с ней по вечерам в постель. Каков аромат ее объятий?

– Видела бы тебя Мелани! Только не вздумай напрасно терять время, эту не каждый удовлетворит. Не спрашивай, откуда я знаю: знаю, и все.

У мамы теперь мозги набекрень, но маниакальная уверенность в своей правоте осталась при ней. «Знаю, и все» – ее любимое выражение.

Она села к столу, подозрительно покосилась на свою тарелку и жестом дала мне понять, что я могу уезжать. Я нагнулся ее поцеловать, она подставила щеку. Прежние веснушки у нее на лице сменились старческими пятнами.

Странно начавшийся октябрьский день преподнес мне напоследок шокирующий сюрприз. Мама с необычной для нее силой притянула меня к себе и, касаясь губами моего уха, прошептала:

– Он не ушел, он так и не узнал.

Сердце у меня неистово заколотилось – сильнее, чем когда моя рука каким-то чудом остановилась в нескольких миллиметрах от включенной циркулярной пилы. Мне было спокойнее думать, что снова заговорило ее безумие, но нет, на этот раз оно отступило.

– О чем он не узнал?

– О твоём существовании.

Я внимательно посмотрел ей в глаза, стараясь не дышать: ждал продолжения.

– Все, уезжай, скоро пойдет снег.

Готье стал хохотать. Мама подняла глаза к потолку и вместо того, чтобы снова их опустить, стала разглядывать потолок с восхищением, с каким летним вечером мы любимся звездами.

Я принял решение: не знаю как, но я отыщу своего отца.

Октябрь 2016 г., Кройдон

В отличие от Мэгги, решившей наплевать на анонимное письмо, я была полна решимости проникнуть в его смысл. Растянувшись на кровати, я тихо перечитывала рукописные строчки вслух, иногда обращаясь к автору, как если бы он находился рядом, в моей спальне.

«Это была необыкновенная, выдающегося ума женщина, способная и на самое лучшее, и на самое худшее, но вам было известно только о лучшем...» Ну и что ты имеешь в виду под способностью на самое худшее?

Я записала в свою тетрадку: «Худшее произошло до моего рождения».

Пока я грызла карандаш, мною овладело странное чувство. Что я знаю о жизни мамы, предшествовавшей моему появлению на свет? Ровным счетом ничего! Я слышала от обоих родителей обрывки историй об их первом знакомстве, но они по-разному описывали обстоятельства их расставания. Я знала, что спустя годы мама вернулась и постучала в папину дверь, но вот что она делала в промежутке, я понятия не имела. Я в задумчивости положила письмо на кровать. Мне тридцать четыре года: это возраст, когда слишком рано терять мать, но следует знать о ней побольше – если только хочешь узнать. Мне ничего толком не известно о молодости моей матери, я не удосужилась ее расспросить – чем можно это оправдать? Испытывали ли мы в юности одинаковые чувства? Что у нас с ней общего, кроме самого простого и очевидного? Когда на каждом шагу твердишь, что у тебя глаза матери, ее манера говорить, ее характер, на самом деле это вовсе не значит, что сходство существует. До получения этого письма я не подозревала, что мы с ней сообщницы. Куда бы меня ни занесло, я старалась ей позвонить, а после того, как я подарила ей на Рождество переносной компьютер, не проходило недели, чтобы мы не увидели друг друга на экране. Но о чем мы с ней болтали? Что у меня осталось от этих разговоров? Мама спрашивала меня, как я живу, о моих путешествиях, и эти вопросы, слишком часто выдававшие ее тревогу, действовали мне на нервы. Я отвечала уклончиво, часто несла чушь, мы непростительно теряли драгоценное время на типично английское обсуждение погоды.

Я вспомнила, как Мишель, поедая печенье в безликой чайной, спросил

меня, почему меня так сильно волнует жизнь малознакомых людей и так мало – жизнь моих родных. Не вопрос, а удар ниже пояса!

Вот черт, Элби! Как ты умудрилась пройти мимо родной матери? Из-за стеснительности, страха, трусости – или из равнодушия? Ты же не могла даже на мгновение вообразить, что время так жестоко остановится? Потому и откладывала откровенность на потом, на после. Но для тебя «после» было вчера.

Я почувствовала, что сейчас разревусь, хотя, клянусь, не грешу чрезмерной эмоциональностью. Во всяком случае, не до такой степени.

Мне было известно только лучшее – и что, надо было, чтобы какой-то анонимный негодяй разбудил во мне любопытство, иначе я бы так тобой и не заинтересовалась? Может, как раз из-за этого тебе хотелось многое о себе утаить? Из-за эгоизма твоей дочери? Я хвасталась одноклассникам, что мы с тобой подруги не разлей вода, я доводила их до безумной зависти, когда плела, что всем-всем могу с тобой поделиться, обо всем рассказать, а ты так ничего и не смогла мне поведать, потому что я никогда не стучалась в твою дверь, не делала ничего для того, чтобы ты открыла мне душу, – ведь мне хотелось быть хозяйкой каждой своей минуты. Несчетное число раз ты вела меня утром в школу, несчетное число раз забирала по вечерам, несчетное число раз я слышала из своей комнаты, как ты ходишь по дому. Ты заботилась о нас, о нашей жизни; не сосчитать упущенных случаев поинтересоваться тобой... Слишком я была горда тем, что погружена в чтение, настолько, что ни разу не открыла книгу своей мамы, а теперь ее страницы опустели.

Дверь приоткрылась. Я вскинула голову и увидела отца – он за мной наблюдал.

– Ты здесь? Я думал, ты у себя, в Лондоне.

– Нет, мне захотелось... сама не знаю чего.

Папа присел на кровать:

– Может, утешения? Что-то не так?

– Нет, все в порядке, уверяю тебя.

– У тебя красные глаза... Ты несчастна из-за мужчины?

– Кто он, хотелось бы мне знать? – пробормотала я с робкой улыбкой.

– Знаешь, я тоже долго жил один. Теперь вспоминаю то время как самое ужасное в моей жизни. Всегда боялся одиночества.

– Как же ты справляешься теперь?

– Теперь я вдовец, а не холостяк. Это совершенно разные вещи. И у меня есть вы.

– Мэгги и Мишель тебя навещают, когда я в отъезде?

– Ты часто уезжаешь. Каждый четверг я ужинаю с твоим братом, Мэгги наведывается ко мне два-три раза в неделю, хоть и ненадолго, она всегда очень занята – интересно, чем? На твой вопрос я отвечу так: даже когда ты далеко, ты со мной. Стоит мне подумать о вашей маме или о ком-то из вас – и мое одиночество сбегает, как неудачливая воровка.

– Я тебе не верю.

– Правильно делаешь, я наврал. Все, теперь признавайся: что тебя мучит?

– Чем занималась мама до возвращения в Англию? Где она жила?

– Вот оно что... А я подумал, что ты здесь, потому что ужасно соскучилась по папочке, – насмешливо сказал папа. – Я знаю не так много, милая. Она не очень любила говорить о тех временах. Помнишь дурацкую поговорку – вообще-то все они дурацкие – насчет яблока, всегда падающего недалеко от яблони? Ваш пример скорее подтверждает, что она верна. Как и ее дочь, твоя мать пробовала себя в журналистике.

Я широко раскрыла глаза. Мама преподавала химию – где тут связь с журналистикой? Я так и сказала отцу.

– Твоя мать блестяще разбиралась в химии в студенческие годы. Потом она бросила эту науку – она тогда и меня бросила – и заделалась журналисткой. Не спрашивай, зачем и как, – я сам так этого и не понял. Когда она вернулась и забеременела тобой и твоим братом, мы понимали, что одного моего заработка нам не хватит. Несколько недель она искала работу по своим каналам, но по мере того, как у нее округлялся живот, перед ее носом все чаще захлопывались двери. Лучшее, на что она могла рассчитывать, – низкооплачиваемое место секретаря в редакции. Как ее это бесило! Женщина, тем более беременная, не могла надеяться на приличную работу. Настроение мамы не шло на пользу ее потомству. Когда она наконец решила, что пришло время успокоиться, то вернулась к своим прежним, юным привязанностям, и я тоже был из их числа. – Папа подмигнул мне. – Готовясь произвести вас на свет, она училась на заочных курсах – но про это ты уже знаешь. Не знаю, каким чудом она умудрилась успешно сдать экзамены. Когда вас отняли от груди, она стала ассистентом, потом учителем-стажером, а затем получила право преподавать. У твоей мамы была слабость к детишкам, ей всегда хотелось, чтобы вокруг их была целая куча. Недаром мне хотелось на всю жизнь превратиться в десятилетнего ребенка: целый день получал бы от нее большие порции ласки...

Папа умолк и погладил меня по голове. Такая уж у него манера – доказывать этим жестом, что наш разговор для него важен.

– Элби, я не устаю тебе твердить: не грусти, когда думаешь о ней.

Лучше вспоминай ваши лучшие мгновения вместе, то, как она тебя любила, как вы понимали друг друга с полуслова, – признаться, я часто этому завидовал. Ее смерть никогда у тебя этого не отнимет...

Он еще не закончил фразы, а я уже с рыданием упала ему на грудь. Говорю же, я совсем не эмоциональна.

– Здорово у меня получилось тебя подбодрить! Дай мне второй шанс. Я знаю средство от таких печалей. Пойдем! – Он потянул меня за руку. – «Остин» отремонтирован, поехали в город, устроим оргию – наедемся мороженого! Вообрази, в Кройдоне открыли кафе «Бен энд Джерри», разве не радостное известие? Твоя сестра не выходит замуж, но мы все равно найдем чем себя побаловать!

* * *

– Что за газета? – спросила я, облизывая облепленную шоколадом ложечку.

– Не хочу этого обсуждать, – буркнул папа, жадно глядя в свою вазочку с мороженым.

– Почему?

– Потому что не хочу, чтобы ты воображала невесть что.

– Это ты не воображай, что сможешь так просто от меня отделаться. Плохо ты знаешь собственную дочь!

– Учти, Элби, если ты хоть словечком обо всем этом обмолвишься брату или сестре, у нас с тобой испортятся отношения.

– Я пугаюсь, когда ты начинаешь называть меня Элби.

– «Индепендент».

Я непонимающе уставилась на отца: издевается он надо мной, что ли? Проверяет, как долго сможет морочить мне голову?

– «Индепендент»? Знаменитая ежедневная газета, с которой сотрудничали величайшие журналисты? И в каком же отделе трудилась мама? Культура? Экономика? Нет, погоди... Неужели наука? – спросила я иронично.

– Общество.

– Мы точно говорим о моей матери?

– Она увлекалась политикой и была замечательным издателем. Почему ты так насмешливо на меня смотришь? Это чистая правда.

– Отличный урок смирения для меня, пишущей только о путешествиях, в лучшем случае рекомендации для туристов.

– Пожалуйста, не начинай! Не существует второстепенных тем. Благодаря тебе читатели переносятся в дальние края, где им никогда не суждено побывать, ты даришь им мечту, каждая твоя статья – призыв к терпимости, а это в наше время редкость. Учти, ты делаешь важную работу, у тебя всегда есть с чем ее сравнить – хотя бы с половой тряпкой под названием «Дейли мейл». Так что не прибедняйся!

– Ты, случайно, не собираешься мне сказать, что гордишься мной?

– Какие могут быть сомнения?

– А я сомневаюсь! Ты никогда не разговариваешь со мной о моей работе.

– Потому и не разговариваю, что... Из-за твоей чертовой работы мы отдаляемся друг от друга. Хочешь еще мороженого?

– В одной ложке твоего антидепрессанта тысяча калорий, сокрушительная эффективность! Нет уж, разум требует остановиться. – И я собрала пальцем шоколад с края своей вазочки.

– При чем тут разум? Ты готова рискнуть? Банановый фадж – это что-то!

Папа вернулся с двумя огромными кубками на ножке, в которых виднелись кружки банана в замороженном креме, сдобренные расплавленной карамелью.

– Ты получила сообщение? – спросил он, глядя, как я барабаню пальцами по клавишам своего смартфона.

– Нет, ищу мамины статьи. Что-то ничего не нахожу... Не понимаю, в чем дело, все крупные газеты уже оцифровали свои архивы, «Индепендент» вообще теперь выходит только в интернете.

Отец откашлялся:

– Ты не найдешь у них на сайте ни одной маминой статьи.

– Она писала под псевдонимом?

– Нет, под своим именем, только не в этой газете «Индепендент». Та, о которой я говорю, выходила раньше и...

– Разве существовала какая-то другая?

– Та была еженедельником и издавалась недолго. Твоя мама создала ее с компанией своих друзей, таких же тронутых, как она.

– Мама создала собственную газету? – не поверила я своим ушам. – И вам ни разу не приходило в голову нам об этом рассказать, даже мне, хотя я стала журналисткой?

– Нет, – сказал папа, – как-то не приходило. А что, разве это что-то изменило бы? Велика важность!

– Велика важность? Хотя конечно, у нас вообще не было ничего

серьезного, даже когда я сломала ногу, все сказали: «Подумаешь!» Я могла бы свернуть себе шею и убиться, упав с крыши, и последним, что я услышала бы, были бы ваши слова: «Не волнуйся, Элби, ничего страшного!»

– Тебе было шесть лет. Ты бы предпочла, чтобы я уставился на тебя вытаращенными глазами и стал пугать ампутацией?

– Видишь, ты всегда найдешь способ все превратить в шутку. Почему вы это от меня скрывали?

– Потому что я боялся, что это натолкнет тебя на ненужные мысли. Из-за той поговорки, которую я тебе напомнил, а еще из-за твоего постоянного желания удивить мать. Если бы мы тебе рассказали, что она основала еженедельник, то ты на все пошла бы, лишь бы ее поразить, разве нет? С тебя стало бы начать вести репортажи из зон боевых действий. Может, ты вздумала бы ее превзойти, тоже основав собственное издание.

– Разве это было бы преступлением?

– Да, преступлением! Этот чертов листок уничтожил ее финансово и морально. Ты можешь назначить цену для мечты всей твоей жизни? И все, довольно об этом, или я возьму третье мороженое, и тебе придется везти меня в больницу.

– Не припомню, чтобы ты когда-нибудь что-то так драматизировал. Прямо диву даюсь!

– Я не драматизирую, просто у меня небольшой диабет.

– С каких пор у тебя диабет?

– Я же сказал: он небольшой. – Папа сделал вид, что считает на пальцах, и заявил с насмешливым видом: – Двадцать лет.

Я схватилась руками за голову:

– Ничего себе, тайна на тайне!

– Брось, Элби, к чему преувеличивать? Ты бы хотела, чтобы я вывесил в кухне свою историю болезни? Почему, по-твоему, твоя мать воевала со мной всякий раз, когда я приближался к коробке с печеньем?

Я отняла у него мороженое и потребовала отвезти меня на вокзал, объяснив, что обязательно должна вернуться в Лондон и сесть за работу, хотя врать я не люблю, особенно отцу.

В поезде я сразу позвонила сотруднице нашего журнала, выполнявшей поисковые запросы, и попросила ее об одной крайне важной для меня услуге.

Октябрь 2016 г., Лондон

Я снова в своей квартире-студии. Сижу, скрестив ноги, на кровати и смотрю серию «Красиво жить не запретишь», открывая третий по счету пакетик чипсов.

Это не просто культовый, но и общественно полезный сериал.

Он в самый раз для женщины, томящейся дома в одиночестве вечером в пятницу и изводящей себя за то, что откупорила бутылку сомнительного вина с намерением выпить ее в одиночестве, – бутылку, принесенную друзьями еще в те времена, когда она устраивала у себя дружеские вечеринки.

Полезен он и для женщины, которая, глядя на себя в зеркале в ванной, находит свое одиночество противоестественным, но потом, проведя слишком много времени перед этим чертовым зеркалом, приходит к другому мнению.

Для этой женщины и для многих других Пэтси и Эдина из сериала – любимые героини. Так обстоит дело сейчас, потому что они примерно в таком же состоянии, что и она. Так будет и завтра, когда похмелье напомнит ей, что ее жизнь – не телесериал.

Саффи лаялась со своей мамашей, заставляя меня вспоминать мои споры с мамой. В комнату вошла бабушка, чтобы успокоить обеих. Я своих дедов и бабок не знала и никогда не узнаю, потому что маму удочерили из сиротского приюта. Снова туман, и до чего густой! Я схватила сумочку, вынула письмо и в который раз его прочла.

«Мы знаем о своих родителях только то, что они сами хотят нам рассказать...»

Мама ничего не захотела нам рассказать.

Я стала разглядывать марку. Мне бы стать детективом, хоть плохоньким, как я раньше этого не сообразила? На марке портрет королевы Елизаветы II, но цвет у него не совсем такой, как у обычных английских марок. Стоило приглядеться – и под улыбающимся лицом ее величества обнаружилось слово «Канада» малюсенькими буквами. Как я раньше этого не заметила? На конверте стоял монреальский штамп. Что за аноним

донимает меня аж из Северной Америки?

Вопросам нет конца.

Назавтра, листая журнал и наблюдая за своим бельем, крутящимся в барабане стиральной машины, я ответила на звонок из редакции. Звонила подруга, предпринявшая по моей просьбе поиски. В Англии она не нашла даже следа еженедельного издания под названием «Индепендент». Я тут же попросила ее расширить поиск и включить в него заокеанские газеты.

Через час я спустилась в холл и открыла почтовый ящик. Среди рекламных проспектов лежал конверт, подписанный уже знакомым каллиграфическим почерком. Соседа, тоже выгребавшего из ящика почту, удивила моя внезапная бледность.

Дрожа всем телом, я поднялась к себе и поспешно вскрыла конверт. В нем лежал листок из блокнота с одной-единственной строчкой: «22 октября, 19 часов, кафе “Сейлорс”, Балтимор».

Было 19 октября. От растерянности я сначала швырнула в свой дорожный чемодан туалетный набор и мятые вещи, а потом села искать в интернете дешевые авиабилеты. Не тут-то было: на моем банковском счете средств оказалось недостаточно. Я с замирающим сердцем позвонила Мэгги, чтобы одолжить у нее денег на дорогу.

– Понимаешь, я только отчасти врала, когда говорила папе, что пытаюсь добиться от банка продления моего кредита, – сказала она.

Мне отлично известны все недостатки сестры, но скупость среди них не числится. Она говорила правду.

– Зачем тебе вдруг понадобились две тысячи фунтов? – осведомилась она. – Во что ты вляпалась?

Я рассказала ей о новом, только что полученном письме.

Она на меня напустилась, обозвав непроходимой дурой. Вдруг, мол, это просто какой-нибудь психопат, собравшийся разок меня изнасиловать и выбросить мой труп в море? Не для того ли мне назначена вечерняя встреча в задрипанной харчевне, куда, судя по названию, ходят одни моряки? В воображении Мэгги не откажешь, она умеет сочинять басни, вот только не самые веселые. Я ответила ей, что когда маньяк замышляет затащить в свои сети свежую жертву, то ему проще оглядеться вокруг, а не писать в такую даль, аж за океан... Логично, как заметил бы наш Мишель.

– Ничего подобного! – отрезала Мэгги. – В том-то и дело, что там на твое исчезновение никто не обратил бы внимания.

– Мне назначили встречу не где-нибудь на болоте в Луизиане. Это Балтимор!

Какое-то время Мэгги молчала. Она слишком хорошо меня знала, чтобы сомневаться в моей решимости.

– Ты хоть позаботилась позвонить в свой журнал и потребовать аванс на расходы? Поездки входят в твои служебные обязанности, или у меня поехала крыша?

Крыша поехала у меня: мне и в голову не пришло заикнуться об авансе. Я поспешно разъединилась с Мэгги и позвонила своему главному редактору. Дожидаясь, пока он ответит, я придумала себе цель командировки. В журнале давным-давно не было материалов о Балтиморе, а ведь город менялся на глазах, в нем вырос крупнейший на американском Восточном побережье порт, теперь он мог похвастаться престижным университетом Джонса Хопкинса (все это я выясняла, выражаясь по старинке, на ходу, то есть читала на экране своего «Мака» – хвала Википедии!). Да, еще музей Реджинальда Ф. Льюиса – хранилище истории афроамериканцев.

– Гм... – пробормотал главный редактор, не торопившийся со мной соглашаться. – Балтимор – это как-то не очень сексуально.

– Как раз сексуальнее некуда. Балтимор несправедливо обойден вниманием. О нем никто не говорит.

– Допустим. Можно узнать, почему желание говорить о нем вдруг возникло у тебя?

– Хочу исправить эту несправедливость.

Внизу монитора как нельзя кстати появилась информация, способная послужить мне последним козырем. Босс боготворил Эдгара Аллана По. Я вознесла хвалу прославленному поэту за то, что он выбрал местом своей кончины Балтимор: он и поработает путеводной нитью моей статьи, для которой я уже изобрела пышный заголовок: «Балтимор: последние дни жизни Эдгара Аллана По».

Главный редактор издал смешок, но я была готова простить ему такую безделицу.

– Лучше сосредоточься на экономическом возрождении города, восстающего из мертвых. Напиши про его притягательность для студентов. В этом русле пощупай пульс у населения. До выборов всего ничего, и я не уверен, что, как многие предсказывают, Трампа ждет сокрушительная оплеуха. Разрешаю тебе провести там неделю. Завтра тебе перечислят средства. Да, не забудь привезти мне хорошую фотографию надгробия Эдгара По, вдруг пригодится.

Обычно, сумев убедить редакцию отправить меня в выбранное мною самой место, я прыгаю от радости. Но в тот вечер мне было не до прыжков.

Конечно, посещение неведомых мест составляло суть моего ремесла, но я чувствовала, что это путешествие сулит открытия совсем иного рода. На сей раз я откровенно трусила.

Я не могла покинуть Англию, не простившись с близкими. Я знала, что Мэгги опять обзовет меня дурой и сделает все, чтобы я отказалась от поездки. Я догадывалась, что папа опечалится, ведь я обещала ему провести в Лондоне больше времени, чем обычно. Но больше всего я беспокоилась из-за Мишеля. Поэтому позвонила ему первому и спросила, не могу ли приехать повидаться, невзирая на поздний час.

– Ты хочешь ко мне приехать?

Я смолчала, и он верно истолковал мое молчание:

– Когда ты уезжаешь?

– Вылет завтра днем.

– Тебя долго не будет?

– Нет, обещаю: неделю, максимум десять дней.

– Ты голодна? Я могу сходить в магазин и купить что-нибудь на ужин.

– Хорошая мысль! Давненько нам с тобой не доводилось побыть вдвоем.

Когда я повесила трубку, Мишель повернулся к Вере и сообщил ей о скором приезде сестры. Я узнала об этом от него самого, но гораздо позже.

– Ты будешь очень недовольна, если я разделю с сестрой то, что ты приготовила для нас с тобой?

– Нет, наоборот! Просто мне бы пока не хотелось, чтобы она узнала...

Мой брат не спешил с ответом, но его мысли читались по глазам. Вера все поняла. Она взяла свое пальто, оглянулась на стол, который накрыла, убрала в буфет бокалы для вина – сам Мишель ни за что не догадался бы их достать – и ушла.

* * *

Меня ждал сюрприз: Мишель открыл мне дверь в фартуке. Ни слова не говоря, он отвел меня в столовую. Никогда бы не подумала, что он способен так ради меня расстараться. Он скрылся в кухне, вынес оттуда чугунную кастрюлю и водрузил ее на подставку. Я приподняла крышку и оценила аромат.

– Когда это ты научился готовить?

– Если не ошибаюсь, ты впервые заглянула ко мне перед отъездом. Ну, ты же обычно торопишься. После твоего звонка я поразмыслил и решил,

что у тебя неприятность, которую ты не хочешь обсуждать по телефону, потому и решила заехать. Логично?

– Штука в том, что и логичное умозаключение может быть ошибочным. Особенно в отношении такой сложносочиненной особы, как твоя сестра.

– Бывает и такое. И все же...

– И все же, – подхватила я, – у меня все в порядке, просто захотелось с тобой повидаться.

Мишель посмотрел на люстру у нас над головами и глубоко вздохнул:

– Ты не хочешь, чтобы твой разговор со мной слышали папа и Мэгги. Это логично.

– Предлагаю забыть сегодня про логику, потому что она в данном случае ни при чем. Только я не хочу, чтобы ты из-за этого расстраивался. Я пришла поделиться с тобой секретом. Твоя догадка отчасти верна: на самом деле я уезжаю не в командировку от журнала, хотя еду за его счет, что, признаю, не совсем честно с моей стороны. Правда, статью я все-таки напишу, то есть попытаюсь...

– В твоих словах нет никакого смысла. Куда ты едешь не в командировку от журнала?

– В Балтимор.

– Первым губернатором провинции Мэриленд был Сесил Калверт, лорд Балтимор. Ты знала, что его имя носит также прибрежный город на юго-западе Ирландии? Могла бы отправиться туда, это гораздо ближе.

– Это для меня новость. Откуда ты все это знаешь?

– Я много читаю.

– Надо было спросить иначе: как ты умудряешься все это запоминать?

– Как можно забыть прочитанное?

– Большинство людей забывают, но ты не такой, как большинство.

– Это хорошо или плохо?

– Хорошо, я всегда тебе это повторяю, когда ты задаешь мне этот вопрос.

Мишель положил мне куриное крылышко, немного остывшее в кастрюле, себе взял ножку, а потом вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Я еду искать маму! – выпалила я.

– Гениально, боюсь только, что ты напрасно потеряешь время. Не думаю, что она в Балтиморе. Никто не знает, куда деваются умершие. Точно не на небеса – это не обсуждается. Я бы рассмотрел версию параллельного мира. Слыхала о теории параллельных миров?

Чтобы не позволить Мишелю пуститься в нескончаемые

разглагольствования, я положила руку ему на плечо, призывая меня выслушать:

– Я в фигуральном смысле. На самом деле я отправляюсь на поиски ее прошлого.

– Зачем? Она его потеряла?

– Она с ним разминулась. Мы слишком мало знаем о ее молодости.

– Вероятно, это потому, что ей так хотелось. Не думаю, что будет правильно ее послушаться.

– Мне ее недостает так же, как тебе, но я женщина, и мне необходимо знать, кем была моя мать, чтобы наконец стать взрослой или по меньшей мере понять, кто я такая.

– Ты моя сестра-близнец. При чем здесь Балтимор?

– Один человек назначил мне там встречу.

– Он был с ней знаком?

– Думаю, да.

– Ты сама знаешь, кто это?

– Нет, я понятия не имею.

И я рассказала Мишелю о письме, не раскрыв содержания: не хотелось его беспокоить. Его душевное равновесие – материя хрупкая. Пришлось кое-что сочинить. Искусство приукрашивать – неотъемлемая часть моей профессии.

– Итак, – проговорил он, подняв указательный палец, – ты собралась в далекий город на встречу с кем-то незнакомым, который, как ты утверждаешь, должен рассказать тебе нечто прежде неизвестное о нашей матери, и ты таким способом разберешься, кто ты есть... Мой психиатр часто мне говорит, что будет очень рада с тобой познакомиться.

Никак не привыкну к неповторимому юмору моего брата. Немного помолчав, он поднялся, сохраняя серьезный вид.

– Мама работала в Балтиморе, – сказал он и унес на кухню наши тарелки.

Я бросилась за ним. Он уже начал мыть посуду.

– Откуда ты знаешь?

– От нее. Она говорила мне, что провела там лучшие годы своей жизни.

– Очень мило по отношению к нам.

– Я тоже так сказал. Она оговорила, что это было до нашего рождения.

– Умоляю, Мишель, расскажи мне все, чем с тобой поделилась мама!

– Она там в кого-то влюбилась, – послушно ответил он, протягивая

мне кухонное полотенце. – Этого она мне не говорила, но в те редкие моменты, когда вспоминала этот город, выглядела несчастной. Поскольку она провела там лучшие годы своей жизни до нашего рождения, это было нелогично. Я сделал вывод, что она испытывала ностальгию. Во всех книгах, которые я читал, корень этого противоречия всегда кроется в любовной истории. Получается логично.

– Имени она не называла?

– Она никогда со мной об этом не говорила, если бы ты внимательно меня слушала, то тебе не пришлось бы задавать этого вопроса.

Мишель убрал посуду в буфет и снял фартук.

– Мне пора спать, иначе завтра я буду усталым, это помешает работе. Ничего не говори папе. Я поделился с тобой своим секретом, потому что ты тоже доверила мне свой. Это справедливо. Остальное – догадки, даже если у меня нет ни малейших сомнений, но в любом случае это причинит ему боль. Мужчине всегда больно узнать, что жена до него любила кого-то другого, тем более когда она держит это в тайне. В книгах чаще всего дело обстоит именно так, и я не думаю, чтобы у большинства писателей хватало воображения для таких преувеличений.

Он уже нервно подергивал головой, и я отказалась от дальнейших расспросов. Он зевнул, давая мне понять, что пора и честь знать. Я не стала упираться. Мишель пошел за моим пальто, не сразу с ним вернулся, а когда появился, показался мне умиротворенным. Помогая мне одеться, он спрашивал взглядом разрешения меня обнять. Я сама его обняла и нежно прижала к себе.

Я пообещала звонить ему из Балтимора и рассказывать о городе, а главное, о том, что сумею разузнать о маме. Это была бесстыдная ложь: у меня не было ни малейшего представления, как подступиться к этой задаче. Я возлагала все надежды на свидание со своим анонимным корреспондентом. Излишне объяснять, что надежды эти были очень зыбкими.

Утром следующего дня я позвонила папе и попросила оказать мне услугу: предупредить о моем отъезде Мэгги.

– Ни стыда ни совести! – прозвучало в ответ.

Если честно, моя трусость порой оказывается подспорьем. Я представила себе грустную улыбку папы. Ему тоже хотелось знать, куда я отправляюсь и надолго ли. У меня была привычка отвечать на эти вопросы перед каждым своим путешествием. Я сказала «целую» и попросила прощения за то, что не могу расцеловать его лично: мол, скоро вылет, а мне еще надо успеть заскочить в редакцию за билетом. Опять вранье.

Авиабилеты давно уже стали электронными, как и почта. Но у меня не хватило бы духу выдержать его взгляд, снова изобретать отговорки, когда он поинтересуется причиной столь поспешного отъезда.

По пути в Хитроу я все-таки позвонила Мэгги и первым делом пригрозила, что сразу прерву разговор, если она вздумает хоть в чем-то меня упрекнуть; после этого я пообещала держать ее в курсе своих открытий.

Движение было, как всегда, напряженным. В нескольких километрах от аэропорта поток машин сгустился до предела, и я испугалась, что опоздаю на рейс. Счет шел уже на минуты.

Выскочив из такси, я бегом пересекла зал вылета, так же бегом преодолела эскалатор, упростила стоявших впереди пассажиров пропустить меня и встала перед стойкой регистрации в тот самый момент, когда рядом с номером моего рейса на табло замигала красная надпись «Конец посадки».

Потом, роясь в карманах пальто, чтобы достать и положить ключи и айфон на ленту, которая увезет их на просвечивание, я нащупала старый кожаный мешочек. Никогда его раньше не видела и понятия не имела, откуда он взялся. Я бежала слишком быстро, чтобы кто-то успел сунуть его мне в карман. Но времени на размышление не было. Я сняла туфли, обогнала несколько человек и бросилась под рамку безопасности. Осталось сгрести вещи и, задыхаясь, с воплем метнуться к стюардессе, уже собиравшейся закрыть ведущую в посадочный рукав дверь. Протягивая ей посадочный талон, я исхитрилась виновато улыбнуться. Теперь – галопом по рукаву! С трудом втиснула сумку между вещами на полке сверху – и с облегчением плюхнулась в кресло.

Пока рукав отсоединялся от самолета, я пристегнула ремень и положила себе на колени загадочный потерянный мешочек. В нем было письмо на пожелтевшей бумаге и записка от Мишеля.

Элби,

этот мешочек принадлежал маме, когда-то в нем лежало ожерелье. Я положил в него старое письмо. Оно хранилось в деревянной шкатулке, тоже маминой. Как ты понимаешь, она великовата, в карман твоего пальто ее было не засунуть. Мама отдала шкатулку мне, чтобы она не попала на глаза папе во время ремонта у них в квартире. В ней еще много писем, это было первым в пачке. Я никогда их не читал, потому что дал такое обещание ей. Ты никаких обещаний не давала, так что

поступай, как сочтешь нужным. Если ты вернешься, не найдя того, за чем летишь, я отдам тебе остальные письма. Береги себя, я буду по тебе скучать, пишу это тебе потому, что по неизвестной мне самому причине никогда не могу сказать тебе это, когда ты рядом. Я все время по тебе скучаю.

Твой брат

Я спрятала записку Мишеля и осмотрела конверт. Судя по штампу, его тоже отправили из Монреаля.

Сентябрь 1980 г., Балтимор

Мэй посвятила вечер изучению резюме и заявлений кандидатов. Чтобы не привлекать внимание к проекту, который она хотела как можно дольше держать в тайне, объявления о наборе журналистов, секретарей редакции, специалистов по работе с документами и верстальщиков просто развешивались на городских тумбах.

Минула полночь, а Салли-Энн все не было, и это огорчало Мэй; увидев в три часа ночи, как Кит высаживает ее под окнами лофта, Мэй вознегодовала. Она тут вкалывает, а они, видите ли, изволят наслаждаться жизнью!

Салли-Энн прокралась в спальню и улеглась рядом с ней. Мэй притворилась спящей и молча отвернулась, когда Салли-Энн спросила, что за муха ее укусила.

Утром они дулись друг на друга и не разговаривали. Мэй продолжила разбирать почту, игнорируя Салли-Энн, хотя та приготовила ей завтрак.

– Перестань, Мэй, дуться следует мне, а ты ведешь себя как мещанка. Я люблю тебя больше всех на свете, а еще я люблю мужчин. Разве за это можно осуждать? Кит – восхитительная гора мышц и, как ни странно, целый океан нежности. Ни ты, ни я не в силах от такого отказаться. Давай будем его делить, почему нет? Недаром оргия – слово женского рода... Или ты думаешь, что его это смутит? И потом, кто в наше время придерживается моногамии?

– Например, я.

– Неужели?

Мэй потупила взгляд, пытаясь разобраться в своих противоречивых чувствах.

– Только не рассказывай, что ты в него влюблена, ни за что не поверю! – не унималась Салли-Энн. – Лучше признайся, что ты от него балдеешь, это я пойму.

– Заткнись, Салли, не желаю слушать твои безнравственные наставления! Я не святая и не чужда нравов нашего времени, но они мне не очень дороги. Из нас двоих я прогрессивнее, потому что еще хочу верить в

настоящую любовь.

– Не пугай меня! Хотя бы не к Киту? Он хороший любовник, внимательный, старается доставить партнерше удовольствие. Согласна, такие на дороге не валяются. Это тебя в нем и привлекает. Здесь, как ты любишь говорить, можно поставить точку. Предлагаю прекратить этот никчемный спор и вместе подумать об обеде. Приглашаю тебя в кафе «Сейлорс» в порту, это недавно открывшийся устричный бар. Устриц доставляют каждое утро из штата Мэн, пальчики оближешь!

– Это там вы с ним вчера ужинали?

Салли-Энн прищурилась и надула губы.

– Черт, совсем забыла: у меня встреча с братом. Если ты меня любишь, окажи помощь, составь компанию! Для меня нет ничего скучнее его общества.

– Тогда почему ты с ним обедаешь?

– Ему понадобилось со мной увидеться.

– Ладно, отвезешь меня на мотоцикле в город, но в ваш тет-а-тет я вмешиваться не стану.

* * *

Во втором часу дня девушки оседлали «Триумф». Мэй немного нарядилась, чем позабавила подругу. Салли-Энн не стала ссаживать ее в городе, а на полном ходу домчалась до балтиморского гольф-клуба.

Парковщик оценил и «Бонвиль», и обеих мотоциклисток. Привратник поприветствовал Салли-Энн с почтительностью, не ускользнувшей от внимания Мэй. Метрдотель повел их к столику. Мэй была поражена роскошью заведения. Даже стены коридора, ведущего к обеденному залу, были украшены портретами людей из высшего общества в золоченых рамах.

У Стэнфилдов был свой столик, зарезервированный на целый год. Эдвард ждал сестру, читая газету.

– Ты никогда не приходишь вовремя, – заметил он вместо приветствия.

– Я тебя тоже люблю! – весело отозвалась она.

Эдвард поднял глаза и обнаружил за спиной у сестры Мэй.

– Ты не представишь меня своей подруге?

– Она сама может представиться, у нее есть язык, и она отлично умеет им пользоваться, – бесстыдно отчеканила Салли-Энн.

Эдвард церемонно поднялся с кресла и поцеловал Мэй руку. Та не

знала, как быть: она едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться, но ей удалось ограничиться улыбкой. Такая утонченность манер резко контрастировала с грубым приемом, оказанным Эдвардом сестре, но Мэй все равно была польщена.

– Я оставлю вас вдвоем, – предложила она, робея.

– Ни в коем случае! – взмолился Эдвард. – Оставайтесь! Благодаря вашему присутствию у этого обеда есть шанс, пусть и крохотный, не завершиться мордобоем. – Он адресовал ей очаровательную улыбку.

– Вы так плохо ладите? – спросила Мэй, садясь в кресло, подставленное ей Эдвардом.

– Как кошка с собакой, – фыркнула Салли-Энн.

– Вы просто избалованные дети. Не цените своего счастья. Как бы мне хотелось иметь брата!

– Только не такого, уж поверь мне!

– Не стесняйся, продолжай грубить, но учти: так ты совсем смутишь подругу. Итак, что вас связывает? Я никогда о вас не слышал, мисс, – продолжал Эдвард оживленным тоном.

– Что ты вообще обо мне слышал? – усмехнулась Салли-Энн. – Только не говори, что вас всех заботит моя судьба.

– Ты не права, дорогая сестричка, если бы ты хоть изредка заглядывала к родителям, то сама бы в этом убедилась.

– Не верю ни единому слову!

Мэй покашляла в кулак.

– Мы партнерши, – сказала она – и получила под столом пинок от Салли-Энн.

– Партнерши? – переспросил Эдвард.

– Это просто так говорится. Мы вместе работаем, – объяснила Салли-Энн.

– Ты все еще работаешь в «Сан»? – удивился Эдвард.

– А где бы ты хотел, чтобы я работала?

– Нигде. Я слышал, что ты уволилась еще в начале лета.

– Мало ли, что вы слышали! – вмешалась Мэй. – В редакции вашу сестру очень ценят. Очень возможно, что она скоро станет журналисткой.

– Вот это да! Простите за то, что слушаю злые языки. Вы меня впечатлили. Чем занимаетесь в «Сан» вы сами?

Последовал продолжительный обмен вопросами и ответами между Мэй и Эдвардом – так они познакомились. Салли-Энн не обижалась, наоборот: брат увлекся разговором, и ей по крайней мере не приходилось ему врать. Иллюзий она не питала: обеды раз в три месяца, которые он ей

навязывал, преследовали цель собрать сведения о ней для родных. Эдвард был грязным шпионом на службе у мамы: той гордость не позволяла самой расспросить дочь о ее развратной, как она полагала, жизни. Доказательство было налицо: Ханна, часто навещавшаяся в клуб, никогда там не появлялась, если туда приходила обедать Салли-Энн. Случайность исключалась.

Когда официант налил Эдварду кофе, тот спрашивал Мэй, любит ли она театр. На следующий день труппа, добившаяся феноменального успеха в Нью-Йорке, играла в Балтиморе спектакль по пьесе Гарольда Пинтера. «Предательство» – подлинный шедевр, пропустить представление было бы непростительно, утверждал он. Друг оставил для него два прекрасных места в партере, и ему как раз нужна спутница...

– А как же та обворожительная блондинка? – спросила с невинным видом Салли-Энн. – Забыла, как ее зовут... Ну, ты знаешь, о ком я, – дочь Циммеров!

– Мы с Дженнифер решили какое-то время побыть врозь, чтобы понять, что к чему, – объяснил на полном серьезе Эдвард. – Все развивалось слишком быстро.

– Обидно! Представляю недовольство нашей матушки. Чудесная была бы партия!

– Хватит, Салли-Энн, ты начинаешь грубить!

Эдвард потребовал счет, попросил включить его оплату в семейный кредит и поднялся из-за стола.

– Жду вас завтра в семь часов вечера в холле театра, рядом с контролером. Рассчитываю на вас. – И он снова поцеловал Мэй руку.

Чмокнув сестру в щеку, он удалился.

Салли-Энн подозвала официанта и попросила принести два коньяка.

– Не ходи! – посоветовала она Мэй, крутя коньяк в рюмке.

– Сколько, по-твоему, пройдет лет, пока я смогу сама купить место в партере на спектакль по Гарольду Пинтеру?

– Вот уж не знаю. Но у пьесы говорящее название.

– Не делай из мухи слона, подумаешь, один вечер!

– Ты его недооцениваешь. Он тебя соблазнит. Это его излюбленный вид спорта, он в нем рекордсмен. Я знакома с целым батальоном героинь, павших на этом поле брани.

– Кто бы говорил о брани! – И Мэй пихнула подругу локтем.

Назавтра, когда Мэй готовилась к вечеру, Салли-Энн вошла к ней с сигаретой в зубах, села на край ванны и уставилась на нее.

– Что за недовольная физиономия? Обещаю вернуться сразу после окончания спектакля.

– Сомневаюсь. Учти: я тебя предупреждала. Главное, ничего не говори Эдварду о нашем проекте.

– Я еще вчера тебя поняла, спасибо за пинок под столом. Отчего у вас с братом такие отношения? Ты никогда о нем не говоришь. Я почти забыла о его существовании. В чем дело?

– Дело в том, что все члены нашей семейки – самозванцы. У Стэнфилдов кругом только ложь и притворство. Клан возглавляет мамаша, папаша – подкаблучник.

– Ты перегибаешь палку, Салли, твой отец – герой войны.

– Не припомню, чтобы я тебе об этом рассказывала.

– Ты – нет, но слухами земля полнится.

– От кого именно ты об этом слышала?

– Как-то вылетело из головы... Ладно, – вздохнула Мэй, – раз у нас с тобой нет секретов, скажу: я собирала информацию. Не злись, это профессиональная деформация, а еще – свидетельство интереса к тебе. В общем, я не услышала о твоей родне ничего плохого, тем более об отце, его успех – предмет восхищения.

– Он не тот, за кого ты его принимаешь. Успех обеспечила моя мать, и какой ценой! Сам он ни при чем.

– Ты о чем, собственно?

– Мы с тобой не настолько близкие подруги, чтобы я поведала тебе все тайны, – отрезала Салли-Энн.

Мэй приподнялась, села в ванне, взяла руку Салли-Энн и, положив себе на грудь, поцеловала:

– Не такие уж близкие подруги? Может, все-таки поделишься своими секретами?

Салли-Энн шутливо оттолкнула ее:

– Брат и сестра за один вечер – дурной вкус. Собралась с ним в театр – вот и иди.

Она вышла из ванной, схватила куртку и спустилась вниз.

* * *

Салли-Энн не ошиблась.

Вечер получился восхитительный, какой-то колдовской. Спектакль превосходный, выше всяких похвал, пьеса потрясающая, актерская игра на высоте. Они играли вовсе не водевиль про супружеские измены, заставляя зрителей видеть за сюжетом серьезный подтекст. Мэй казалось, что актеры проникают в ее собственную душу: нельзя было не заметить аналогий между происходившим на сцене и ее беспутной жизнью последних месяцев. Только кто, она или Салли-Энн, исполнял в их адском трио с Китом роль обманутой женщины?

От этих мыслей Мэй охватило желание хотя бы немного пожить нормальной жизнью, провести хотя бы один вечер в обществе человека, занимающего ее приятной беседой, не бранящегося, в элегантном костюме, не имеющего ничего общего с вульгарностью тех людей, с которыми она обычно общалась. Например, вместо того чтобы стрелкнуть у нее сигарету, как было принято в их компании, кавалер сам ее угостил. Как ни глупо, ей даже понравилась его красивая зажигалка. Понравился жест, которым он поднес ей огонь, понравилось, что он спросил, где она предпочитает поужинать, вместо того чтобы навязать свой выбор. Как ни странно, она выбрала кафе «Сейлорс» – это место любила Салли-Энн.

Пол, столы и стулья из неструганого дерева, официанты в фартуках с изображением устриц – все здесь было совсем не так, как в тех ресторанах, которые обычно посещал Эдвард. Тем не менее он старался не портить настроение своей даме. Правда, проявил некоторую манерность: прежде чем есть устриц, ковырял их вилкой.

Взяв одну полную раковину, Мэй поднесла ее к его губам.

– Просто втяните! – с улыбкой скомандовала она. – Увидите, как здорово ощутить естественный морской вкус.

– Согласен, так гораздо лучше, – согласился Эдвард.

– Запейте белым вином, получится непревзойденное сочетание вкусов и ароматов.

– Как вы раскопали это местечко? – поинтересовался Эдвард.

– Я тут неподалеку живу.

– Вот, значит, как вы проводите вечера! Можно позавидовать.

– Как такой человек, как вы, может завидовать такой, как я?

– Завидная жизнь! – Он обвел взглядом зал. – Свобода, простота, радость...

– Вы что же, коротаете вечера в домах для престарелых?

– Можете смеяться, но вы недалеки от истины. В ресторанах, где ужинаю я, тоска смертная, их завсегдатаи – сама чопорность.

– Как вы?

Эдвард внимательно на нее посмотрел.

– Да, как я, – спокойно ответил он. – Можно задать вам один вопрос?

– Начинайте, там видно будет.

– Хотите помочь мне стать другим?

Пришла очередь Мэй внимательно на него посмотреть. Он застал ее своим вопросом врасплох. Сначала в ее взгляде было недоумение, потом она расхохоталась:

– Вы издеваетесь надо мной!

– Я смешон?

– Салли-Энн меня предупреждала, но вы еще опаснее, чем я думала.

– У моей сестры довольно резкие суждения. Сейчас я вам кое в чем признаюсь, только, чур, ничего ей не говорите. Обещаете?

– Я бы плюнула на пол в подтверждение клятвы, но боюсь вас смутить.

– В том, что мы с ней так плохо ладим, виноват только я. Я не только восхищаюсь ею, меня гложет зависть. Она гораздо храбрее меня, она сумела вырваться на свободу.

– У Салли-Энн куча достоинств.

– А у меня – недостатков.

– Вы то и дело произносите в разных видах слово «я».

– Это тоже входит в число недостатков. Теперь вы понимаете, насколько нужны мне?

– Чем я могу помочь человеку, напустившему на себя такой несчастный вид?

– Я не могу быть несчастным, потому что не имею представления о том, что такое счастье.

Такое сильнодействующее признание не изобрел бы даже самый изощренный соблазнитель. Дремавшая в Мэй сестра милосердия лишилась последней воли к сопротивлению. Она повела Эдварда гулять на набережную. На дальнем краю мола они стали целоваться.

Нет, Салли-Энн не ошиблась, предостерегая Мэй: «Все члены нашей семейки – самозванцы. У Стэнфилдов кругом только ложь и притворство».

Март 1944 г., аэродром Хоукиндж, графство Кент

В небе мерцали звезды. Видимость той ночью была средняя, ориентиры на земле были видны еле-еле, в слабом мерцании молодой луны черный фюзеляж «Лайсендера», когда он будет пролетать над вражескими позициями, должен остаться незамеченным. Роберт Стэнфилд, сидевший на заднем сиденье, проверил крепления своего парашюта. Звездообразный мотор зачихал, винт закрутился, постепенно его ворчание стало ровным. Механик убрал колодки из-под шасси, и самолет, дрожа, пополз к грунтовой взлетной полосе.

База Королевских ВВС в восьми милях западнее Дувра использовалась при эвакуации солдат после разгрома под Дюнкерком в 1940 году. После перевода 91-й эскадрильи в Уэстгемпнетт база превратилась в пункт заправки для самолетов, выполнявших задания во французском небе.

Специальный агент Стэнфилд сошел на английский берег два месяца назад, переправившись с риском для жизни через Атлантику. В океане рыскали немецкие подводные лодки – стальные акулы, готовые торпедировать добычу, попавшую в зону видимости перископов.

Со дня прибытия в туманный Альбион Роберт неустанно упражнялся во французском. Кроме того, за эти два месяца он должен был четко усвоить все подробности задания, изучить топографию и географию зоны, куда его забросят, запомнить названия деревень и ключевые фразы, которые послужат ему паролем, имена и адреса надежных людей, а также тех, кого лучше опасаться. Начальство постоянно проверяло степень его готовности.

На рассвете за ним пришел офицер. Роберт собрал снаряжение, взял фальшивые документы, револьвер и карту района Монтобана.

«Лайсендер» должен был доставить его к границе района, где ему предстояло работать. За три часа полета – девятьсот километров, если, конечно, погода будет соответствовать прогнозу.

Роберта вызвали сюда не для того, чтобы воевать, а чтобы подготовить военную операцию. Союзные войска в строжайшей тайне планировали высадку. Одно из решающих условий победы заключалось в снабжении оружием и боеприпасами сил, которые присоединятся к сражению при

прорыве союзных частей в глубь неприятельской территории. Вот уже несколько месяцев англичане регулярно сбрасывали на парашютах битком набитые контейнеры. Бойцы Соппротивления подбирали их и до поры до времени припрятавали «посылки».

Стэнфилд был связным. Ему поручили добраться до командира отряда Соппротивления, получить у него сведения о местоположении тайников и нанести его на карту. Спустя месяц самолет должен был забрать Стэнфилда и доставить обратно в Англию.

Его судьба определилась зимним вечером 1943 года, на приеме в Вашингтоне, где его родня, принадлежавшая к числу богатейших американских семей, делала финансовый взнос на ведение войны. На этом собрании Стэнфилды постарались не ударить в грязь лицом. Их состояние заметно сократилось по вине демонов азартной игры, давно овладевших отцом Роберта. Это не мешало семейству вести роскошную жизнь, не обращая внимания на долги. В двадцать два года Роберт отлично представлял себе финансовое положение семьи и слишком хорошо изучил причуды своего папаши, с которым поддерживал сугубо дипломатические отношения. Молодой человек лелеял мечту когда-нибудь вернуть семье утраченное могущество и деньги.

На том приеме за одним столом с ним сидел скромный худой мужчина с изможденным лицом и лысым черепом. Это был Эдвард Вуд, лорд Галифакс, посол Соединенного Королевства, любивший, подобно Черчиллю и Рузвельту, прямые контакты, помогавшие делу. С самого начала благотворительного ужина, даже во время произнесения торжественной вступительной речи, он сверлил взглядом Роберта. Обстановка была роскошной: зал, посуда, наряды дам, обильная еда, даже сама блестящая речь. Тем не менее Вуд смотрел только на молодого Стэнфилда. Такое пристальное внимание он проявлял неспроста. Годом раньше он потерял на войне сына, ровесника Роберта.

– Речь не о финансах, я хочу участвовать лично, – сказал Роберт соседу шепотом.

– Достаточно записаться добровольцем. Если не ошибаюсь, ваши сверстники поступают именно так, – ответил Вуд.

– С детьми столь влиятельных родителей дело обстоит иначе. По невыясненным причинам меня забракела медкомиссия. Я отлично знаю, что к этому приложил руку мой отец.

– Если он настолько могуществен, не судите его, уверен, он поступает так, боясь за вас. Невыносимо видеть, как наши дети уходят сражаться.

– Обречь их на трусость – разве не значит заведомо рушить их

судьбу?

– Вашему возрасту свойственна порывистость, это похвально, но представляете ли вы себе, что такое на самом деле война? Я противился ей изо всех сил, питал надежду ее избежать, даже ездил встречаться с Гитлером.

– Лично?

– Если можно назвать подобного субъекта личностью, то да. Из-за меня чуть не разразился крупный дипломатический скандал: на лестнице дома, где он меня принимал, я отдал ему свое пальто, приняв его за дворецкого, – со смехом поведал лорд Галифакс.

Вуд был человеком сложным, даже загадочным. Он считал расизм и национализм естественными и даже необязательно аморальными силами. В бытность губернатором Его Величества в Индии он приказал арестовать всех членов индийского Национального конгресса, включая Ганди. Ханжа, ультраконсерватор, ярый сторонник Чемберлена, он в конце концов отказался тем не менее от всякого компромисса с рейхом и от премьерского поста, сочтя Черчилля более подходящим человеком для управления страной в военное время.

– Если хотите продолжить этот разговор с глазу на глаз, милости прошу ко мне в посольство, я посмотрю, чем смогу вам помочь, – сказал он молодому Стэнфилду в конце ужина.

Спустя несколько дней Роберт снова отправился в Вашингтон. Посол принял его и передал на попечение своему другу, сотруднику секретной службы.

Незадолго до Рождества Роберт, прильнув к иллюминатору транспортного судна, прощался с огнями балтиморского порта.

* * *

Над Лимузенем «Лайсендер» попал в сильную болтанку. Пилот делал все возможное, чтобы не сбиться с курса. Крылья самолета угрожающе вибрировали, но опуститься ниже облаков значило бы подвергнуться иным опасностям. Стэнфилд натерпелся страху, побелевшими от усилий руками он цеплялся за ремни, каждая воздушная яма вызывала мерзкие ощущения в желудке. Казалось, самолет вот-вот потеряет закрылки. У пилота не осталось иного способа спасти самолет, кроме как спуститься ниже, на высоту всего тысячи футов. Шел сильный дождь, стрелка уровня горючего была почти на нуле. Двигатель чихнул несколько раз и заглох. До земли

оставалось триста метров, и, чтобы посадить планирующий самолет, надо было в считанные секунды определиться с местом посадки. Пилот приметил тропинку на лесной опушке, завалился на крыло и нажал на педаль, чтобы избежать штопора. Шасси коснулись мокрой земли и увязли, винт еще крутился, от удара о землю он распался на части, хвост резко задрался вверх. Стэнфилда сначала швырнуло вперед, потом, когда самолет резко завалился на нос, ударило спиной о кресло. Остекление кабины в момент падения разлетелось на мелкие осколки, пилот погиб на месте. Стэнфилд счастливо отделался: обошлось порезом на лице и кровоподтеками на теле от ремней. Зато на него пролились остатки керосина из бака под его креслом.

Под проливным дождем ему удалось выбраться из-под обломков и доползти до кустов. Там он потерял сознание.

Назавтра остатки «Лайсендера» обнаружили крестьяне. Они похоронили летчика, подожгли самолет и прочесали местность, чтобы найти пассажира.

Бесчувственный Роберт Стэнфилд, лежавший под деревом, был доставлен на ферму. Там он пришел в себя. Сельский врач перевязал его раны. Следующей ночью его переправили в надежное место – в охотничью сторожку в чаще леса, где бойцы Сопротивления прятали оружие. Стэнфилд познакомился с Голдштейнами, Сэмом и его дочерью, скрывавшимися там уже полгода. Шестнадцатилетняя Ханна, рыжеволосая, с белоснежной кожей, была удивительно красива, от взгляда ее синих глаз у Роберта перехватывало дыхание.

Октябрь 2016 г., Восточные кантоны, Квебек

Я обернул комод одеялами, погрузил его в кузов пикапа и привязал ножки к бортам, чтобы он не болтался в пути. Магог – живописный городок на северном берегу озера Мемфремагог. Тут все друг друга знают. Жизнь идет ни шатко ни валко, в соответствии с временем года. Летом спасу нет от туристов, зато благодаря им коммерсанты живут весь оставшийся год. Озеро вытянуто в длину, на юге оно заходит на американскую территорию. В разгар «сухого закона» по ночам там сновали туда-обратно десятки лодок.

Пьер Трамбле – самый преданный мой клиент. У него антикварная лавка. Пьер специализируется на деревенской мебели. Существует много способов состарить древесину. Несколько точных ударов стамеской, умение обращаться с паяльником, особые кислоты и лаки – и всего за день комод стареет на добрую сотню лет.

Когда покупатели спрашивают о возрасте предмета мебели, Пьер неизменно отвечает: «Начало века» – и никогда не уточняет какого.

Оглядев мой комод, он похлопал меня по плечу и, как всегда, похвалил: «Джордж-Харрисон, мастера лучше тебя не сыскать». Я очень признателен ему за столь высокую оценку. Мне случается чувствовать себя не в своей тарелке, когда, ужиная в ресторане матушки Денизы, я слышу, как она хвастается «антикварным» угловым диваном, который стоит у нее в столовой. Дениза приобрела его в лавке Пьера, авторство дивана принадлежит мне.

Пьер – любитель хорошо пожить, он клянется – вполне искренне, – что от его мелких проделок никто не страдает, наоборот, всем от них только польза: и ему самому, ясное дело, и его клиентам. «Я продаю мечту, а у мечты нет возраста», – твердит он, когда я ворчу, получая от него очередной заказ. Он знает меня с младенчества. Я всегда проходил мимо его лавки, возвращаясь из школы. По-моему, он был равнодушен к моей матери – никогда не упускал возможности похвалить ее наряд или прическу. Когда мы сталкивались с ним в городе, его жена не скрывала недовольства. Когда я занялся столярным ремеслом, он первым стал мне

доверять, это благодаря ему я поверил в успех. Вечно буду ему благодарен!

– Что это у тебя такой ословелый вид? – спросил он, приглядевшись ко мне.

– Это все комод, из-за него я провел несколько бессонных ночей.

– Не ври! Небось твоя блондинка всю ночь спать не давала!

– Если бы! Нет, Мелани уехала, в моей жизни стало пусто.

– Не горюй, это был не самый заточенный карандаш в коробке. А теперь о деле. Полагаю, ты на мели. В этом году туристический сезон не порадовал. Если нужно, я могу заказать тебе стол со стульями. Увидишь, к концу зимы я их обязательно продам. погоди, почему бы тебе не смастерить для меня пару-тройку пар старых, нет, старинных санок? Мне попались рисунки прошлого века. На Рождество они бы произвели фурор!

Я склонился над книгой, которую Пьер быстренько вынес из своего кабинета. Санки, которые он мне показал, относились к XIX веку. Воспроизвести такие было гораздо труднее, чем воображал Пьер. Я захватил книгу с собой, пообещав тщательно изучить изображения.

– Послушай, я тебя знаю как облупленного. Брось молоть вздор, выкладывай, что с тобой приключилось.

Я замер на пороге. Обманывать его было выше моих сил.

– Я получил странное письмо, Пьер.

– Судя по твоей гримасе, оно невеселое. Пойдем заморим червячка, а заодно поговорим.

У матушки Денизы я развернул письмо и дал прочесть Пьеру.

– Кто этот любитель рыться в чужих делах?

– Понятия не имею. Сам видишь, подписи нет.

– Однако ему удалось навести тебя на грустные мысли.

– Мне осточертели недомолвки, хочу узнать наконец, кто мой отец.

– Тебе не кажется, что если бы ему захотелось с тобой познакомиться, то он бы уже объявился?

– Все не так просто. Я побывал у матери.

– Не стану спрашивать, идет ли она на поправку.

– Она то выходит из своего мирка, то снова в нем скрывается. Это очень тяжело. Но она кое в чем мне создалась, и теперь я постоянно об этом думаю.

И я повторил Пьеру то, что сказала мать.

– Она была в себе, когда это говорила?

– Думаю, да.

Пьер, глядя на меня, глубоко вздохнул.

– Мне не поздоровится, если жена узнает, что я обсуждал с тобой это, но я тоже должен кое-что тебе рассказать, это давно меня гнетет. Когда твоя мать объявилась с Магоге, у нее в печке был хлебушек, как у нас в Квебеке говорят о будущих матерях. Хлебушком тем был ты. Нелегко ей было у нас прижиться. Неместная, тем более незамужняя с ребенком – в те времена такое нечасто встречалось, не то что нынче. Она была хороша собой, и подозревали, что она ищет приключений. О ревности наших женщин я и не говорю. Но она была не робкого десятка и держалась всегда любезно. В считанные месяцы сумела добиться уважения. А потом и ты сыграл в этом роль. Было видно, что она правильно тебя воспитывает. Ты всегда был вежливым парнем – а много ты знаешь вежливых уличных мальчишек? И тут в городе появляется этот верзила. Всех расспрашивает, где найти твою маму. С виду – лопоухий добряк. Кто-то его надоумил, где ее искать, вот он к вам и явился. Узнав об этом, я поспешил к вам, чтобы убедиться, что он не причинит вам зла. Жена советовала мне не совать нос в чужие дела, но я ее не слушал. Прибежал. Вижу в окне твою мать и его, беседуют. Все спокойно. Постоял я там немного и ушел домой. Он тоже поутру уехал, и больше его никогда не видели. Где это видано, чтобы человек отмахал столько километров, скоротал вечерок – и ищи-свищи? Бессмыслица какая-то! Нет, у него наверняка была серьезная причина, чтобы здесь появиться. В твоём доме, не считая кое-какой обстановки, которую я продал твоей матери, да дешевой посуды, было шаром покати. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что ему там понадобилось. Вернее, кто: она и ты. Я почему все это тебе рассказываю? Потому что не перестаю ломать голову, встречался он с тобой или нет.

– Откуда ты знаешь, что он приехал издалека?

– А номерные знаки на машинах на что? Я его, конечно, уже не назову, но тогда я записал цифры в своей кассовой книге. Можно попробовать найти, но я и без этого помню, что номер был штата Мэриленд. Рад был бы рассказать тебе больше, но это все, что я знаю.

– Какой он был?

– Говорю же, верзила, хорош собой. Я видел его в окне, особо не разглядел. Но к твоей матери он был равнодушен, это уж точно. И не переставал стрелять туда-сюда глазами. Хотел было подняться на второй этаж, но твоя мать не позволила, загородила дорогу. Я был готов вмешаться, если бы что-то пошло не так, но он оказался человеком воспитанным, снова сел в кресло. После этого я видел только его плечи и ботинки.

– Ты попробуешь найти номер его машины?

– Попробую, но все-таки тридцать четыре года прошло... И вообще, вряд ли это поможет. Хотя мало ли что...

Я пригласил Пьера поужинать. Перед рестораном он попросил прощения за то, что не рассказал мне все это раньше. Надо было ему обо всем мне поведать, пока мать еще была в своем уме. Я пообещал вернуть ему книгу, как только зарисую санки. Так я давал ему понять, что мы расстаемся друзьями.

Возвращаюсь домой – а под дверью меня ждет письмецо. Почерк уже знакомый. На вырванном из блокнота листке написано: «22 октября, 19 часов, кафе “Сейлорс”, Балтимор».

Было уже 11 часов вечера 21 октября.

Апрель 1944 г., окрестности Монтобана

Роберт ждал, пока его познакомят с командиром отряда. Каждый день партизаны придумывали новую отговорку: то готовится важная операция и отряд затаился, то перемещения неприятеля создают ненужный риск, то командир занят, то работает с другими связными...

В Лондоне он замечал отсутствие координации действий между французскими и английскими службами. Указания одних часто вступали в противоречие с приказами других. Понять, кто кому подчиняется за Ла-Маншем, часто оказывалось невозможно. С самого начала у него начались трудности с выполнением задания. Как-то вечером его потащили через лес, чтобы показать, где спрятан ящик пистолет-пулеметов «Стен», в другой вечер устроили ему знакомство с отрядом маки – тремя фермерами с двумя револьверами. О том, чтобы сообщить что-то внятное начальству о вооружении партизан, не приходилось даже мечтать, так что Роберт все сильнее недоумевал, зачем он здесь прохлаждается. За две недели он отметил на карте в лучшем случае три пулемета. Один из них хранился на том самом складе, над которым Роберт ночевал с тех пор, как здесь оказался: оружие прятали в подземном тоннеле, вход в который находился в подвале охотничьей сторожки.

Развеять скуку ему помогали Голдштейны. Сэм был человеком начитанным и пылким, но его дочь упорно отказывалась общаться с Робертом. Попривыкнув друг к другу, Роберт и Сэм стали неразлучны: дни напролет они толковали о своем прошлом и о том, что сулит им будущее. Отец Ханны был оптимистом – не по убеждению, а ради дочери: хотел, чтобы она не падала духом. Каждый вечер лондонское радио передавало закодированные сообщения, подготавливавшее население к тому, что скоро произойдет высадка. Мир уже не за горами, подбадривал Сэм самого себя и молодых людей.

Роберт первым пошел на откровенность: поведал Сэму о своей семье, о том, как записался на военную службу вопреки ее воле и как улетел, даже не попрощавшись.

Однажды вечером Роберт попробовал завязать разговор с Ханной, но

та продолжила читать, сидя на своем табурете, и не ответила. Сэм поманил его наружу – покурить. Роберт пошел за ним. Они уселись на облюбованный ими пенёк, и Сэм наконец-то откровенно рассказал о себе.

– Ханна ничего против тебя не имеет, просто она приняла обет молчания. Я объясню почему. Не то что это мой долг, просто мне надо с кем-то об этом поговорить, иначе я с ума сойду. У нас поддельные документы. Я отвалил за них целое состояние. В деревне никто не знал, что мы евреи. Нас считали просто жителями Лиона, покинувшими город. Мы жили скромно, старались не отличаться от соседей. Я всегда говорил Ханне: лучший способ оставаться незаметными – мозолить всем глаза. Потом один отряд Сопротивления ограбил почтовое отделение, другой разобрал рельсы. Неподалеку от места диверсии на железнодорожном полотне проезжал немецкий патруль. Партизаны, засевшие за насыпью, закидали его гранатами и перебили всех солдат. Акции были несогласованными, просто произошли в один день, вот немецкое командование и решило уже на следующий день устроить показательную акцию устрашения. В деревню вошла колонна СС, с ней местные пособники фашистов. Они хватали прохожих, одних убивали на месте, других расстреливали на школьном дворе. Жена как раз пошла на соседнюю ферму за яйцами. Ее вместе с еще десятком горожан повесили на телеграфном столбе. Мы с Ханной уцелели, потому что не выходили из дому. Когда немцы убралась, милиция разрешила нам забрать тела. Эти подонки не возражали помочь нам снять их со столба. Мы похоронили мать Ханны. Партизаны боялись новых казней. После наступления темноты они пришли за нами и увели сюда. С тех пор мы прячемся здесь.

Когда Сэм все это рассказывал, его трясло.

– Расскажи мне про Балтимор, – попросил он, зажигая потухшую сигарету. – Про этот город я ничего не знаю. В тридцатых мы часто бывали в Нью-Йорке, Ханне так нравился Эмпайр-стейт-билдинг. Когда ей было три года, нас пригласили на церемонию открытия небоскреба.

– Невероятно! – воскликнул Роберт. – Я тоже приходил туда с родителями. Мне было десять. Мы вполне могли встретиться. Что вы делали в Нью-Йорке? Работали в сфере недвижимости?

– Нет, я торгую предметами искусства, то есть торговал... Среди моих клиентов были крупные американские коллекционеры, в основном ньюйоркцы, – гордо ответил Сэм. – Крах 1929 года подорвал мои дела, но мне повезло: я был поставщиком галерей Финдли, Уайлденштейна, Перла. В последнюю поездку, летом тридцать седьмого, я продал картину Моне Ротшильду. Посредником выступил Уайлденштейн, мне удалось купить у

него Хоппера – сколько же я за него отвалил! Влюбился в картину, лишь только ее увидел. Молодая женщина сидит на стуле и смотрит в окно. Вылитая Ханна! Купил и поклялся: никогда ее не продам! Когда придет время, подарю ее дочери, а она когда-нибудь передаст ее своим детям. Картина никогда не покинет нашу семью. Этот Хоппер – мой пропуск в бессмертие. Как же я гордился тем, что вернул его во Францию! Вот идиот! Знали бы мы, какое нам уготовано будущее, остались бы в Нью-Йорке.

– Значит, вы были богатым коммерсантом.

– То-то и оно, что был.

– Что стало с этими полотнами? К началу войны они еще были у вас?

– Вернемся к этому разговору потом, Ханна не любит надолго оставаться одна.

* * *

Шли недели. Роберта в конце концов признали в отряде своим. Ему уже поручали отвозить на мотоцикле донесения. Как-то ночью, когда на перекличке недосчитались одного из партизан, Роберт сел за руль грузовика и доставил, куда требовалось, два ящика гранат. В другую ночь он присоединился к группе, обеспечивавшей освещение импровизированной посадочной полосы. Прилетели два самолета, доставившие двоих – англичанина и американца. Пожимая руку соотечественнику, Роберт испытал тоску по родине; им едва удалось перекинуться парой слов. Соотечественника поспешно увели незнакомые Роберту люди, и он так и не узнал, с каким заданием тот прибыл.

Тем не менее большую часть времени он бездельничал, расхаживая для разминки по охотничьей сторожке. По вечерам он устраивался на пне, к нему подсаживался Сэм. Продавец живописи угощал его сигареткой и расспрашивал об операциях, в которых ему посчастливилось принять участие. Сэм чувствовал себя должником этого молодого американца, заброшенного судьбой в такую даль, на чужую для него войну.

Завязалась дружба. Роберт обрел в лице Сэма внимательного слушателя, каким никогда не был его отец.

– В Балтиморе тебя кто-нибудь ждет? – как-то спросил его Сэм.

От Роберта не ускользнул подтекст вопроса.

– Не робей, ты наверняка нравишься женщинам!

– Я не большой знаток женщин, Сэм. Никогда не был покорителем сердец и не могу похвастаться рекордным числом побед.

– Расскажи о последней. У тебя есть ее фотография?

Роберт достал из кармана бумажник. Оттуда выпало удостоверение личности. Сэм, подобрав его, присвистнул:

– Что я вижу? Робер Маршан! Ну, при твоём акценте я бы не советовал тебе предъявлять эти документы при контроле. В крайнем случае притворись глухонемым.

– Я так плохо говорю?

– Хуже некуда. Ну что, покажешь мне ее фотографию?

Роберт отобрал у него свое удостоверение и показал фотографию.

– До чего хорошенькая! Как ее зовут?

– Если бы я знал! Я подобрал эту фотокарточку в корабельном коридоре и сунул себе в бумажник – сам не знаю зачем. Захотелось, наверное, вообразить, что за океаном меня кто-то ждет. Банальнее некуда, верно?

Сэм взгляделся в улыбающееся личико на фотографии.

– Что скажешь о таком варианте: Люси Толливер, двадцать два года, доброволец-медсестра, единственная дочка электрика и домохозяйки?

– То и скажу, что по части банальности вы заткнули меня за пояс.

– Не привязывайся к этому лицу, это небезопасно. Иллюзии до добра не доводят, тем более когда лжешь самому себе. Школьником, желая отомстить родителям, которые, как я считал, были со мной слишком строги, я придумал себе лучшего друга. Ясное дело, дома ему все позволялось: болтать за столом, читать допоздна в постели, даже делать уроки, когда заблагорассудится. Он у меня был католиком – так я еще больше злил свою мать, – и, естественно, для него не существовало ограничений шаббата. Короче, все, что мне запрещалось, Макс у позволялось. Свобода делала его сильным и умным, он преуспевал во всем. Сам-то я считал, что во всех моих неудачах виноват семейный авторитаризм. Мама недолго мне верила, но даже когда раскрыла мой обман, позволила мне оставаться у него в плену. Воображаемый друг прожил со мной целый учебный год. Мать регулярно спрашивала меня, как у него дела. Однажды, когда он у меня заболел сильной ангиной, она положила мне в ранец молочные леденцы – для него, бедняжки. Бывало, она давала мне с собой двойной обед – чтобы я поделился с Максом. Однажды – уже не вспомню, на что я тогда жаловался, – я в очередной раз принялся рассказывать, как все здорово устроено в семье Макса, и мама велела мне пригласить его к нам на обед. Как же иначе? Она столько слышала о лучшем друге сына, о замечательном Максе!

– Как же вы поступили?

- Пришлось Максy попасть под трамвай.
- Радикально вы с ним обошлись! – с сожалением протянул Роберт.
- Не буду спорить. Я не знал, что еще придумать, чтобы выйти из затруднительного положения. Самое смешное, я в тот день действительно лишился друга и много месяцев потом по нему горевал. Много месяцев чувствовал огромную пустоту. Я и сейчас иногда о нем думаю. Когда сам поверишь в ложь, от нее уже никогда не удастся полностью избавиться. Ну, уже поздно, вернемся к этому разговору завтра.
- Сэм, завтра меня здесь не будет, меня отправляют на задание – кажется, в этот раз оно уже будет серьезным.
- Что за задание?
- Мне нельзя о нем рассказывать. Если я не вернусь, не откажетесь выполнить одну просьбу?
- Никаких просьб! Ты вернешься живым и невредимым.
- Пожалуйста, Сэм! Если со мной что-то случится, то я хочу, чтобы меня похоронили на родине.
- Как же мне выполнить эту твою просьбу? – воскликнул торговец живописью.
- Уверен, когда наступит мир, вы найдете способ это сделать.
- Что, если я не доживу до мира?
- Тогда вы будете свободны от вашего обещания.
- Я ничего тебе не обещал!
- Обещали, я вижу это по вашим глазам.
- погоди! Думаешь, я ничего не захочу взамен? Ты еще не знаешь Сэма Голдштейна, мой мальчик! Предлагаю договор: если беда случится со мной, ты заберешь к себе в Балтимор Ханну. И не смей мне говорить, что я грубо веду дела: это условие тебе еще как выгодно! Подняться на корабль с моей дочерью приятнее, чем с твоим гробом!
- И они скрепили договор крепким рукопожатием.

Роберт вернулся с задания живым и невредимым. Миновал май 1944 года, но самолеты больше не прилетали, и Роберта оставили в маки.

В начале июня боевые действия разгорелись с небывалой силой. Роберт, предоставленный сам себе, уже считал себя таким же партизаном, как все остальные.

Близились высадка, и они вышли из тени. Появилось много вооруженных людей, готовых драться с врагом. Но Юг был далеко от берегов Нормандии, и наступление союзников еще не означало, что наступил мир, которого так ждал Сэм. Немцы, попав в отчаянное

положение, свирепствовали сильнее прежнего. Местные фанатики-коллаборационисты все еще верили в немецкий порядок и без устали выслеживали бойцов Сопротивления.

Как-то ночью патруль коллаборационистов чуть не наткнулся на охотничью сторожку. Сэм и Ханна спрятались в подвале, партизаны притаились у окон, готовые отстреливаться.

Сэм попросил Роберта о помощи и утащил его за собой в подвал. Там громоздились два десятка деревянных ящиков – маскировка входа в тоннель, где было спрятано оружие и боеприпасы. Роберт стал помогать Сэму их передвигать. Когда появилась щель, в которую можно было протиснуться, торговец живописью схватил дочь за руку и велел ей спрятаться. Тоннель имел десяток метров в длину, там Ханна могла чувствовать себя в безопасности.

– Только с тобой, я не заруюсь там без тебя! – заупрямилась она.

– Делай, как тебе сказано, Ханна, не спорь, ты знаешь свой долг.

Сэм поцеловал дочь и стал баррикадировать щель ящиками. Роберт впервые услышал голос Ханны и не мог оправиться от изумления.

– Будешь стоять столбом или поможешь?! – прикрикнул на него Сэм.

– Лезьте туда следом за дочерью, я вас спрячу.

– Нет уж, с меня хватит, надоело жить как испуганный зверь. Если те, кто спас нам жизнь, будут драться, я не стану здесь отсиживаться.

Закрыв тоннель ящиками, Сэм и Роберт вылезли из подвала, взяли автоматы и встали к окнам.

– Вы хоть знаете, как пользоваться этой штуковиной? – осведомился Роберт.

– Я не полный идиот. Наверное, надо жать на курок?

– Схватитесь за магазин – пули уйдут в потолок, – подсказал партизан от соседнего окна. – Держите тверже, а то выпустите случайную очередь и всех здесь перебьете.

Коллаборационисты подошли совсем близко, в сторожке было слышно, как они идут по лесу. Партизаны затаили дыхание, готовые открыть огонь, но враги, не дойдя до них считанных шагов, развернулись и скрылись в лесу.

Сэм и Роберт, облегченно переведя дух, поспешили вызволить Ханну из ее темницы. Она сразу закрылась в своей комнате. Сэм попросил своего американского друга немного побыть с ним внизу, поманил его в тоннель и щелкнул зажигалкой.

– Я смотрел, как партизаны роют тоннель, и меня осенила идея... – заговорил он. – Там, в глубине, они поставили свои ящики с оружием, а вот

тут, за этим брусом, – он погладил ладонью балку под сводом, – я устроил свой тайник.

Он немного сместил брус, и открылось глубокое отверстие в грунте. Огонек зажигалки отразился в металле длинного тубуса.

– Я спрятал их в этот цилиндр. Что бы с нами ни случилось, нацистам их не видать.

Остолбеневший Роберт смотрел, как Сэм возвращает на место брус.

– Там Мане, Сезанн, Делакруа, Фрагонар, Ренуар, Энгр, Дега, Коро, Рембрандт и, главное, мой Хоппер. Десять жемчужин моей коллекции, плод целой жизни, проведенной в труде, – бесценные шедевры. Надеюсь, они обеспечат Ханне достойное будущее.

– Партизаны в курсе?

– Они нет, а ты теперь – да. Не забудь про наше соглашение.

Октябрь 2016 г., на пути в Балтимор

Самолет летел над Шотландией. Я любовалась в иллюминатор берегом, подточенным волнами океана, потом его заслонило крылом. С момента взлета я держала на коленях кожаный мешочек, сжимая его в руках, как драгоценную реликвию. Кожа вся потрескалась, пряжка не застегивалась. Я внимательно его осмотрела, но внутрь не заглядывала, потому что, должна признаться, боялась читать лежавшее внутри письмо. Я думала о Мишеле, представляя себе, как трудно ему было подсунуть мне записку, опустить этот мешочек в карман моего пальто, ничего не сказав. Он все-таки сделал шаг в сторону от своей обычной прямоты, и это позволяло надеяться, что он идет на поправку. С ума сойти: надеяться, что твой брат становится нормальным человеком, потому что он проявил способность скрытничать и обманывать!

От конверта пахло мамиными духами. Сколько времени она носила его при себе? Закрывая глаза, я представляла, как она его открывает и читает, как я:

Моя милая,

начну вот с чего: имей в виду, это мое последнее письмо. Дело не в том, что я больше не испытываю удовольствия или желания писать тебе: это свидание длиною в год станет для меня временем погружения в одиночество, такого же беспредельного, как твое.

Неужели за мимолетную ошибку, пусть даже приведшую к драме, приходится потом расплачиваться двумя исковерканными жизнями? Думаешь, подобная предопределенность передается по наследству другим поколениям, словно проклятие?

Ты, наверное, думаешь, что я заговариваюсь, а я тебе скажу: ты, как всегда, проницательна. Я теряю голову, милая. Нож гильотины упал вчера в кабинете врача, изучавшего томограмму моего мозга. Вид у него был сочувственный, он избегал смотреть мне в глаза. Не знал, мерзавец такой, как мне

сказать, сколько времени я еще буду узнавать его и помнить его имя. Самое большая нелепость в том, что от этой болезни я не умру, просто погружусь в забытие; не пойму, кара это или благословение. Я, как всегда, принимаю гордый и независимый вид, но на самом деле мне очень страшно. Во что бы я ни превратилась, хочу, чтобы ты запомнила меня такой, какой знала, а не старой душой, которая будет корябать тебе бессмысленные письма. Поэтому ты сейчас держишь в руках последние мои слова, адресованные тебе.

Но пока память моя еще не помутилась, меня одолевают воспоминания. Наши гонки на твоём мотоцикле, наши безумные дни и вечера, наша газета и лофт, где я прожила чудеснейшие мгновения молодости. Бог ведает, до чего сильно я тебя любила. Ты единственная, кого я всю жизнь боготворила. Может быть, если бы мы шли по жизни рядом, то я бы тебя возненавидела, как часто случается между супругами, которых не пощадило время. Мы такого не испытали, и за это надо благодарить судьбу, смилостивившуюся над нами.

Ты сделала свой выбор и подвела под прошлым черту. Я всегда это уважала. Но и ты когда-нибудь уйдешь. И я все время думаю о том, что мы украли. Умоляю, не позволяй этому сокровищу прозябать в забвении. Чего бы это тебе ни стоило, вынеси его на свет, верни тому, кому оно по праву принадлежит, ты же знаешь, что Сэм хотел бы, чтобы это было так.

Пора простить мертвых, моя любовь. В злопамятстве нет никакого смысла. Месть обошлась бы нам слишком дорого.

Завтра я войду в дом, из которого уже не выйду. Я могла бы еще немного попользоваться предоставленной мне свободой, но не хочу портить жизнь сыну. Чтобы он не чувствовал себя виноватым, я прикинусь еще более безумной, чем я есть на самом деле. Это невеликая жертва по сравнению с тем, что ему пришлось из-за меня пережить.

Мы наплодили столько страдания! Никогда не смогла бы представить себе, что любовь может быть настолько жестокой. И все же я люблю тебя и всегда любила.

Думай время от времени обо мне – не о той, кто подписывается под этим письмом, а о молодой женщине, с которой ты делила свои мечты. Ибо мы мечтали и посягали на невозможное. «Независимая», самая верная твоя сообщница

Мэй.

Я перечитала письмо. Первые кусочки причудливой головоломки вставали на свои места у меня на глазах. Мама действительно участвовала в создании еженедельника, но не в Англии.

Кем была эта женщина, которая писала маме и называла ее «моя любовь»? Почему мама никогда и словом не обмолвилась о ее существовании? От какого одиночества она страдала и чем мама испортила ей жизнь? О каком сокровище она пишет, кем был Сэм, о каких мучениях идет речь, о какой драме, о какой мести? Каких мертвецов следовало простить и в чем состояло их прегрешение?

Кем бы ни была ныне эта незнакомка, я дала себе слово ее отыскать, эгоистично надеясь, что ее болезнь не особенно прогрессировала с тех пор, как... Я опасливо перевернула конверт – и дала себе слово впредь всегда обращать внимание на марку: она оказалась такой же, как на анонимном письме. У меня на мгновение вспыхнула надежда, что мне писала она, в приступе безумия забыв поставить свою подпись, но нет, почерк был совсем другой.

Это письмо было отправлено три года назад. Если ее память с тех пор ослабла, то память ее сына осталась в целости, так какой же жертвы она от него потребовала? Не держала ли она его в неведении относительно прошлого? Какой он, на кого похож? Сколько ему лет?

Я взглянула на часы. Мне не терпелось приземлиться в Балтиморе, но впереди было еще целых шесть часов полета.

* * *

Сотрудник иммиграционной службы спросил о причине моего приезда. Я предъявила журналистское удостоверение и объяснила, что намерена прославить его город в престижном журнале, где работаю. Сотрудник, уроженец Чарлстона, работавший в аэропорту уже два года, не считал Балтимор достойным прославления. Он угрюмо шлепнул мне в паспорт печать и пожелал удачи.

Час спустя я ввалилась с чемоданом в маленький дешевый отель в двух кварталах от кафе «Сейлорс». В Кройдоне было уже слишком поздно, чтобы звонить брату, но мне срочно требовалось взглянуть на другие письма, о которых он говорил: вдруг я найду в них ответы хотя бы на некоторые вопросы, из-за которых во время перелета не сомкнула глаз?

Чтобы как-то скоротать ожидание, я решила прогуляться в окрестностях порта.

Проходя мимо кафе «Сейлорс», я прижалась носом к стеклу, чтобы разглядеть зал. Встреча мне была назначена только на завтра, но во мне проснулась шпионка, которой перед ответственной операцией необходима рекогносцировка.

Вид у заведения был довольно обветшалый: деревянный пол и столы, старые фотографии в рамках на стенах, широкая грифельная доска над стойкой, отделявшей зал от кухни, на ней можно было прочесть меню: устрицы, креветки, крабы, омары и соус дня.

Посетители за длинными столами смотрелись, в отличие от антуража, вполне современно: это были по большей части молодые горожане. Я решила зайти, после отъезда из Лондона я почти ничего не ела, а желудок не обманешь. Официантка предложила мне место у стены.

В какую бы страну меня ни занесло, я видела одно и то же: в ресторанах не любят посетителей-одиночек. Отсюда и такое незавидное место... Я задрала голову, разглядывая развешенные по стенам фотоснимки – свидетели былых времен. На них были запечатлены люди моего возраста, чокавшиеся бокалами на праздничном ужине, – нетрезвые, радующиеся свободе, которой страшно позавидовала, вследствие чего внушила себе, что они смешны. Что за ужасные одеяния? Мужчины потешно выглядели в брюках с широченными штанинами, прически девушек тоже не отличались сдержанностью. Ясное дело, в их времена умеренность была не в моде, у каждого в одной руке была рюмка, в другой сигарета; судя по их очумелому виду, курили они не только табак. Скользя взглядом по фотографиям, я остановилась на одной и привстала, чтобы лучше ее разглядеть. На ней обнимались две женщины. Лицо одной было мне смутно знакомо, зато лицо другой знакомо, как никакое другое.

Мое сердце забилось непривычно быстро. Никогда не видела свою мать тридцатилетней!

Сентябрь 1980 г., Балтимор

Праздник был в разгаре. Салли-Энн расхаживала по кафе «Сейлорс» с полуторалитровой бутылкой шампанского в руках и ловко наполняла протянутые ей бокалы. Мэй подмигнула ей из-за стойки, послала воздушный поцелуй и направилась к ней.

– Ты поосторожнее с шампанским, этот вечер влетит нам в копеечку, – предостерегла она подругу.

– Банк дал нам займы, у нас есть на что веселиться.

Они уже зарегистрировали свой еженедельник и заключили от его имени арендный договор с собственником лофта. Была набрана отличная команда профессионалов, и теперь они собрались все вместе, чтобы отпраздновать крестины своей «Индепендент». Верстальщица Джоан предложила комплект шрифтов, пришедшийся всем по душе. Шапку решили набирать шрифтом «каслон», курсивом. Выход первого номера намечался через месяц, за это время Мэй должна была успеть накопать много информации по тому расследованию, которое зарубил ее прежний босс.

Салли-Энн нацелилась на другой скандал – историю с мошенничеством, благодаря которому одна уважаемая семья вернула себе сразу после войны утраченное состояние. Поднося к губам бокал, она наслаждалась мыслью о кульминации мести, которую задумала еще в двенадцатилетнем возрасте.

За ночь обе так напились, что возвращаться в лофт на мотоцикле было бы равносильно самоубийству. Их отвез домой Кит.

* * *

Через день уже в восемь утра в лофте собрался весь коллектив. Предстояло первое редакционное совещание. Все уселись поудобнее, а Кит, прежде чем уехать в свою мастерскую, любовался законченной работой.

Сотрудники выступали с предложениями, Мэй все записывала на

доске.

По городу поползли слухи: чиновники предоставили некой компании за взятку контракт на общественные работы в соседнем штате. Просто слухи Салли-Энн не устраивали, следовало получить доказательства и только потом публиковать материал. «Индепендент» – не скандальный листок, а газета, строго следующая принципам этики.

Другой сотрудник предложил написать статью о несоблюдении справедливости при финансировании образовательных учреждений. Школам в бедных районах год от года доставалось все меньше, тогда как в богатые «белые» кварталы деньги текли рекой.

– Какая это сенсация! – махнула рукой Салли-Энн. – Об этом всем известно, избиратели плевать на это хотели.

– Только не те из них, кого обируют, – возразила Мэй. – Во время следующей избирательной кампании мэр собирается акцентировать внимание на безопасности горожан, будет раздавать обещания положить конец разъедающей город гангрене преступности – но не он ли первый создает настоящие гетто?

– Под этим углом и надо нанести удар: мы разоблачим противоречие между объявленной политикой и ее последствиями.

Тему включили в состав первого номера. Совещание затянулось до полудня, но и после его завершения в газете остались пустые страницы. Салли-Энн помчалась на мотоцикле в банк. В конце недели ей предстояло выплатить первые зарплаты.

Банковский клерк перебрал все чеки, но не нашел ни одного, предназначенного для «Индепендент». Салли-Энн потребовала начальника, но тот, как ей объяснили, был очень занят. Не желая никого слушать, она ворвалась в кабинет Кларка без стука.

На этот раз муж Ронды выглядел не добродушным, а скорее сконфуженным. Возникла проблема, сообщил он.

– Что еще за проблема? – шепотом спросила Салли-Энн.

– Мне очень жаль. Поверьте, я сделал все, что мог, но комиссия отказалась вас кредитовать.

– Мы говорим об одном и том же – о деньгах, которые вы мне обещали?

– Решение зависит не от меня одного. У нас есть администраторы, которые...

– Не отворачивайтесь! Лучше скажите, имеет ли моя семейка какие-то отношения с вашим банком, потому что если имеет, то вы можете из-за нашей газеты лишиться крупных клиентов!

Кларк жестом велел Салли-Энн закрыть дверь и пригласил ее сесть в кресло напротив него.

– Надеюсь на ваше молчание, иначе я рискую лишиться работы. Моя жена потратила много сил на ваш проект, только поэтому я с вами и решился поговорить. Но она так или иначе узнала бы, что вам отказали в займе, и если бы я хотел, как обычно, возвращаться домой по вечерам, то вынужден был бы объяснить ей, почему так случилось. Вы бы все узнали от нее, поэтому мне нет смысла отмалчиваться. Члены комиссии не желают раздражать вашу матушку.

Салли-Энн выпрямилась в кресле и вытаращила глаза:

– Вы хотите сказать, что под ее давлением мне отказали в средствах, необходимых для запуска газеты? Кто ей проболтался?

– Не я, уверяю вас. Очень может быть, что виноват тот самый менеджер, который на заседании кредитной комиссии твердил, что ваш запрос необходимо отклонить.

– А как же банковская тайна? Выходит, в вашем чертовом банке не имеют ни малейшего представления о морали?

– Умоляю, не повышайте голос! Я сам очень огорчен, можете не сомневаться. Но вы ведь лучше меня знаете свою мать. Не нам с вами с нею тягаться.

– Вам это, может, и не под силу, но я еще не сказала последнего слова, вот увидите!

Салли-Энн резко поднялась и выскочила из кабинета Кларка, не попрощавшись.

Выбежав из дверей банка, она метнулась к мотоциклу, но запрыгнула на него не сразу – пришлось дожидаться, когда пройдет приступ тошноты. Успокоившись и оседлав своего коня, она сорвалась с места.

Через четверть часа она оставила мотоцикл на стоянке загородного клуба, решительно прошагала по коридору и вошла в обеденный зал.

Ханна Стэнфилд обедала в обществе двух подруг. Салли-Энн подошла к столу и негодуя уставилась на мать:

– Отправь своих трещоток сплетничать куда-нибудь еще, у меня к тебе срочный разговор.

Ханна Стэнфилд огорченно вздохнула:

– Прошу извинить мою дочь. У нее еще не закончился подростковый кризис, и грубость – оружие из ее бунтарского арсенала.

Женщины послушно встали и небрежно попрощались, демонстрируя понимание и снисхождение. Лучше ирония, чем скандал!

Метрдотель, бросившийся было следом за Салли-Энн, усадил их за

соседний столик. Все присутствующие смотрели на эту четверку, и бедняга чувствовал себя не в своей тарелке.

– Что ж, садись, – обратилась Ханна к дочери. – Смени тон, иначе я уйду.

– Как ты могла такое сделать? Мало тебе было моего изгнания?

– Прибереги громкие слова для более подходящего случая. Мы дали тебе образование, и как ты с ним обошлась? Раз уж ты об этом завела речь, то, как мне казалось, мы договорились, что ты возвращаешься, и мы живем в мире и тишине. Это было условие, на котором мы с твоим отцом согласились тебе помогать. Если ты его нарушаешь, то не жалуйся на последствия.

– В чем заключалась ваша помощь? В том, чтобы не пускать меня в семью?

– Ты, наверное, думаешь, что тебя взяли в «Сан» за твои красивые глаза? Ты вернулась из Лондона без диплома. Мисс восемь лет куролесила, развлекалась за родительский счет. А чем ты занималась потом? Болталась по вечеринкам и разъезжала по городу на своем чудовищном мотоцикле в этом вульгарном одеянии? Я уж не говорю о том, что говорят о тех, с кем ты водишь компанию... Хоть немного постыдилась бы! Твой брат рассказал мне, что тебе хватило наглости притащить свою подружку сюда, в клуб!

– Ее зовут Мэй, если ты намекаешь на его последнюю победу.

– Чья это победа – его или твоя? К твоему сведению, я была только рада, когда он забрал ее у тебя. Согласись, если бы я попросила тебя положить конец этим непристойным отношениям, ты бы, как всегда, и ухом не повела.

– Я тебе не верю! Неужели Эдвард выполнял твое задание? Как он мог опуститься до такой мерзости?

– Я бы назвала это ответственностью, у него есть эта похвальная черта, в отличие от его сестры. Тебе когда-нибудь надоест позорить семью? Как я погляжу, теперь тебе захотелось втянуть нас в череду скандалов. Ты сошла с ума!

– А ты считаешь людей марионетками, которых можешь дергать за ниточки, как тебе заблагорассудится.

– Люди делают то, что хотят.

– В тебе осталось хоть чуть-чуть от той женщины, какой ты была в моем возрасте, или все улетучилось, кроме горечи и злобы?

– В твоем возрасте я была счастлива, что уцелела и могу восстановить славу и наследие моего отца. А что сделала со своим наследием ты? Чего

ты достигла, чтобы присвоить себе право меня судить? Ты хоть раз сделала что-то хорошее для окружающих? От тебя одни проблемы и неприятности.

– Ошибаешься, я люблю и любима за то, кто я есть, а не за то, кем притворяюсь.

– Кого ты любишь? Мужа? Детей, которых вырастила? Семью, которую создала? Кого ты любишь, кроме тех, кто вокруг тебя крутится? Ты не имеешь никакого представления о морали.

– Очень тебя прошу, не заговаривай о морали, вся твоя жизнь зиждется на лжи. Как ты смеешь упоминать моего деда? Я единственная из его потомства, кто не предал его память.

Ханна расхохоталась:

– Ты страшно далека от истины. В отличие от нас ты, Салли-Энн, никогда к ней не стремилась. Я тебе не враг, во всяком случае, до тех пор, пока ты сама не начинаешь со мной враждовать. Но не надейся, что я позволю тебе разрушить то, что я строила всю жизнь.

Ханна открыла сумочку, достала ручку и чековую книжку.

– Раз тебе нужны деньги, нечего брать их займы у банка, – проговорила она, заполняя чек. Вырвав чек из книжки, она протянула его дочери. – Не советую тратить эти деньги на вашу ужасную газету, это будет напрасный труд: она все равно не увидит свет. Я знаю, что ты замышляла. Хоть раз в жизни не будь эгоисткой. Своим упрямством ты поставишь подножку не хозяевам города, а нашим клиентам. Ты хотела двадцать пять тысяч долларов? Здесь половина, этого вполне достаточно. Теперь оставь нас в покое. Тебе надо уехать из страны. Это было бы лучше всего. Попутешествуй по свету, длительная поездка раскроет тебе глаза, от нее тебе будет большая польза. Если хочешь, можешь даже вернуться в Лондон, только не смей вмешиваться в наши дела. Мы с твоим отцом готовим крупную сделку, она состоится через два месяца. Прибыль пойдет на финансирование его кампании. Если ты не в курсе – а ты мало интересуешься нашей жизнью, – друзья уговаривают твоего отца баллотироваться в губернаторы штата. Я надеюсь, что ты будешь держать язык за зубами, пока он сам не объявит о своем решении. Не хочу, чтобы ты нам вредила. Я ясно выражаюсь?

Салли-Энн схватила чек и спрятала его в карман куртки.

– И, бога ради, начни с покупки приличной одежды!

Салли-Энн оттолкнула кресло и вскочила:

– Что подумал бы мой дед, если бы увидел тебя сегодняшнюю? Я повторяю свой вопрос: в тебе осталось хоть что-то от той, какой ты была в моем возрасте? Скажи, что она однажды в тебе проснется – ведь нельзя

ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ ВО ЛЖИ.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Я всю ночь ехал под проливным дождем, добрался до Балтимора совершенно измотанным и поселился в отеле у порта. Из окна моего номера открывался вид на сбегające вниз улочки. Глядя на них, я волновался: что сулит мне вечерняя встреча? Чтобы не мучиться неизвестностью, я решил несколько часов поспать.

Днем я пошел гулять по городу, жалея, что некому привезти отсюда местный сувенир. Иногда я скучаю по Мелани, так было и в этот день: я много думал о ней, пока не вернулся в отель.

Там, у стойки администратора, молодая женщина просила ключ от своего номера. Ее хрипловатый голос привлек мое внимание, как и британский акцент, не лишенный очарования. Дожидаясь своей очереди, я гадал, кто она, – обожаю эту игру. Что привело эту иностранку в Балтимор? Город совершенно не туристический, в октябре и подавно. Видимо, цель ее приезда сюда была связана с ее профессией. Участие в каком-нибудь симпозиуме? Неподалеку находится конгресс-центр, хотя, если я угадал правильно, в этом случае она выбрала бы отель для деловой публики. Может, она просто приехала навестить родню?

– Когда телефонный номер занят, это нормально, – объясняла ей дежурная. – Сначала надо набрать 9, потом 011 для звонка за границу.

Она приехала одна и, наверное, решила сообщить, как у нее дела, своему мужу или скорее приятелю – я не заметил у нее обручального кольца. Потом она спросила, сколько стоит доехать на такси до университета Джонса Хопкинса. Бинго! Не иначе она преподаватель, я бы поставил на английскую литературу; поселилась в отеле и ждет, когда освободится предназначенная для нее служебная квартира.

Она вдруг обернулась и внимательно посмотрела на меня:

– Извините, еще минута – и я уйду.

– Не спешите, у меня полно времени, – ответил я.

– Вот, значит, почему вы меня разглядываете? Имейте в виду, вон там на стене висит зеркало, вас в нем отлично видно.

– Значит, теперь мой черед просить прощения. Не сердитесь, у меня

дурная привычка гадать, чем занимается в жизни тот или иной незнакомый мне человек.

– Чем же занимаюсь я?

– Вы преподаете английскую литературу. Недавно вам досталось место в университете Балтимора.

– Вот и не угадали! Элино́р-Ригби, репортер журнала «Нэшнл джиографик», – представилась она, протягивая мне руку.

– Джордж-Харрисон.

– Смешно... Реакция у вас быстрая.

– Не понимаю.

– Элино́р-Ригби, Джордж-Харрисон... Ничего не напоминает?

– Не напоминает. И тем более не понимаю, что тут смешного.

– Я – одна из песен «Битлз», вы – их гитарист!

– Не знаю этой песни, никогда не был их поклонником, как и моя мать, она предпочитала «Роллинг стоунз».

– Вам повезло. Что ж, рада знакомству с самим Джорджем Харрисоном. Моя мать упала бы от такого совпадения в обморок. Однако меня долг зовет!

И с этими словами она удалилась.

Я забрал ключ от номера под насмешливым взглядом дежурной, не упустившей ни одного нашего слова, и поднялся к себе. Настроение у меня было хорошее – давненько со мной такого не случалось.

Элино́р-Ригби

Я тоже была не прочь поиграть в его игру те четверть часа, которые проведу в такси.

Что привело его в этот город? Джинсы, старые кожаные башмаки, свитер, который ему явно велик, – деловые люди так не одеваются, да и наш отель как будто не для них. Может, музыкант? Джордж-Харрисон все-таки... Ему не мешало бы сменить имя: нельзя, например, представить себе современного художника по имени Рембрандт. Или он надо мной подшутил? Тогда ему не откажешь в чувстве юмора. Художник? Но какой художник вздумает выставлять свои картины в Балтиморе? К тому же я не заметила у него на одежде ни пятнышка краски. Для киношника он слишком уравновешенный. Почему мне так хочется, чтобы он оказался художником?

Будь он журналистом, отреагировал бы более живо, когда я представилась. Репортер – пожалуй, это слишком... Но мне не хотелось говорить ему правду. Кстати, почему? Может, он попросту приехал навестить матушку, недаром же он ее упомянул. Но это оставляет открытым вопрос, чем он занимается. Зачем мне вообще отгадывать эту загадку? Просто чтобы заткнуть ему рот при следующей встрече в гостиничном лобби? Допустим. Но зачем затыкать ему рот? Просто так! Почему бы нет?

Я отправилась в университет, получила кое-какие документы, сделала несколько снимков и, пользуясь тем, что еще было светло, вернулась в центр города, чтобы пофотографировать. Все-таки нужно было выполнить работу, которую я должна была предъявить в оправдание поездки.

В отель я вернулась взвинченная. Как я узнаю того – или ту, – с кем у меня встреча? Если это, конечно, будет именно встреча, а не новый раунд игры, в которую я так охотно ввязалась.

Кто знает, не заманил ли меня сюда анонимный автор письма только для того, чтобы я увидела ту фотографию своей матери и убедилась в обоснованности его утверждений? Но зачем в таком случае назначать точное время, тем более заказывать столик под фотографией – только ли для того, чтобы я непременно ее заметила? Вполне мог бы просто мне ее прислать и на этом успокоиться, хотя, конечно, тогда потерялся бы весь драматический эффект.

Мне надоело без конца мусолить одни и те же вопросы, надоел

собственный внутренний голос, твердивший, что мне страшно.

Я решила прийти в кафе «Сейлорс» заранее. Лучше будет, если тот – или та, – кто толкнет дверь в назначенное время, застанет меня уже на месте.

* * *

На месте я гордо предупредила официантку, что нас будет двое.

– У вас заказано?

Всякий раз, когда при полупустом зале меня спрашивают о заказе, меня тянет улыбнуться, но я щажу самолюбие персонала.

– Насколько я знаю, нет, – осторожно ответила я.

– Как вас зовут?

– Элинон-Ригби.

– Ваш столик вас ждет, – был ответ.

У меня кровь застыла в жилах.

Она заглянула в схему зала и повела меня на мое место. Я предпочла ему другое, на одной линии с дверью. Так я путала карты тому, кто с некоторых пор слишком настырно управлял моей жизнью. Теперь мне оставалось только дожидаться появления своего соседа по заранее заказанному столику. Я решила положиться на свою интуицию и пока что расслабиться.

Усевшись, я попросила принести мне «Пиммс». Всюду, куда бы меня ни занесло, я остаюсь англичанкой.

В 18.55 в кафе вошла пара. Наверное, это было их первое свидание – уж очень неуверенно они оба себя вели. В 18.57 у стойки сели две молодые женщины, ни капли не похожие на заговорщиц. В 19 часов не вошел никто... В 19.10 в дверь влетел запыхавшийся мужчина – тот самый, с которым я познакомилась в лобби отеля. В этот раз он постарался быть элегантным: заправил в штаны рубашку, отдернул полы пиджака, пригладил ладонью всклокоченные волосы. На меня ноль внимания.

Как ни странно, меня его присутствие приободрило. Наверное, так всегда бывает, когда видишь в незнакомом месте знакомое лицо. Я проводила его взглядом, жалея, что не захватила с собой газету, которую можно было бы развернуть: шпионы всегда так делают, не зря же! Хотя это было бы смешно, недаром Мэгги упрекает меня в чрезмерном интересе к телевизору.

Произошло невероятное: его вели к «моему» столику! Внутренний

голос подсказывал мне: сперва хорошенько подумай и только потом действуй.

Я видела всего два решения. Самое вероятное: он и есть аноним. Тогда понятно, почему он выбрал тот же отель. Каков актер! До чего удачно притворился, что знать меня не знает! Надо было учесть и такой вариант, когда я, сидя в такси, ломала голову, кто он такой. Но мой внутренний голос не унимался: что, если он попросту выбрал единственный ресторан в округе, достойный так называться, а за этот столик его усадили, потому что он свободен? Потом появится мой аноним, и его подведут ко мне. Я не могла определить, какой из двух вариантов больше меня беспокоит.

Десять минут я не спускала с него глаз, а он все это время смотрел на часы, вздыхал и не проявлял интереса к меню. Кого-то ждет, и этот кто-то – я!

Он вдруг встал и подошел ко мне:

– В этот раз зеркало ни к чему. Вы меня разглядываете с тех пор, как я вошел.

Жалкое «угу» – вот и все, что я смогла выдать в ответ.

– Вы кого-то ждете? – спросил он.

Я упорно хранила молчание.

– В моем вопросе нет подвоха, – весело сказал он.

– Все зависит от обстоятельств! – выпалила я. Так я ему и поверила!

– Вот оно что... – Он перестал улыбаться. – Понимаю.

– Что вы понимаете?

– Вас подвели и не пришли.

– А вы кого ждете?

– Сам не знаю. Боюсь, меня не дождались.

Он почесал лоб. Мужчины часто так делают, когда чем-то озадачены. Я в таких случаях кручу на указательном пальце прядь волос. У каждого свои причуды, я никого не осуждаю.

– Я гнал всю ночь, чтобы успеть на эту встречу. Так устал, что задремал в номере, вот и опоздал, – огорченно произнес он.

– Позвоните ей и попросите прощения.

– Так бы и сделал, если бы знал, кому звонить.

– Понимаю.

– Что вы понимаете?

– Опоздать на свидание вслепую – что может быть досаднее? Но я вас утешу: вы пришли первым. Я торчу здесь уже полчаса и не видела ни одной женщины, которая пришла бы сюда одна. Разве что вы предпочитаете парочки: одна такая парочка сидит вон там, у стойки.

Простите, я над вами подшучиваю, это нехорошо. Ваша визави запаздывает – или она вас подвела и не собирается приходить.

– Поскольку не я один в этом положении, можно мне к вам подсесть и подождать еще немного в вашей компании?

Я посмотрела на часы: 19.30.

– Можно, подсядьте.

Ему было так же беспокойно, как мне. Он подозвал официантку и поинтересовался, что я пью.

– «Пиммс».

– Вкусный?

– Горький.

– Тогда я остановлюсь на пиве. Что вам?

– То же самое.

– Пиво?

– Нет, «Пиммс».

– Каким ветром вас занесло в Балтимор?

– Задайте более оригинальный вопрос, на который не знаете ответа.

– В прошлый раз вы похвалили меня за находчивость, но на самом деле выиграли вы.

– Это потому, что ваше настоящее имя не Джордж-Харрисон? Признайтесь, вы актер?

У него оказался приятный смех: очко в его пользу.

– Актер? Вот уж нет! Вы, часом, не заразились моей любимой игрой?

– Может, и заразилась.

– Что еще вы про меня насочиняли?

– Что вы художник, музыкант и кинорежиссер!

– Многовато для одного человека. Воображение вас подвело: я столяр. Меня и вправду зовут Джордж-Харрисон. Похоже, вас это огорчает.

– Нет, но если вас действительно зовут Джордж-Харрисон, значит, у вас нет чувства юмора, на которое я надеялась.

– Спасибо за комплимент.

– Я совсем не это хотела сказать...

– Вы дадите мне еще один шанс?

– Вы его уже упустили. У вас было назначено любовное свидание, а вы заигрываете со мной! Я что, похожа на «план Б»?

– Кто вам сказал, что я пришел на любовное свидание?

– Одно очко вы отыграли.

– Предлагаю прекратить эту игру, будем считать, что у нас счет ноль – ноль. Учтите, я с вами не заигрываю. Но раз имена так много значат, то как

звали того, кто не соизволил встретиться с вами? Кое в чем «планы Б» могут быть друг с другом откровенны.

– Хорошо, ноль – ноль.

– Попробуем начать сначала. Что привело вас в Балтимор?

– Статья для моего журнала. А вас?

– Мой отец.

– Вы должны были встретиться с отцом?

– Была такая надежда.

– Плохо дело. Отец не должен подводить сына. Мой бы так никогда не поступил. Может, ваш просто сильно опаздывает?

– На целых тридцать пять лет... По-моему, это уже не назовешь опозданием.

– Мне искренне жаль, раз так.

– С какой стати? Вы здесь ни при чем.

– Ни при чем, но все равно я вам сочувствую. В прошлом году я лишилась матери и знаю, как пусто в душе без одного из родителей.

– Лучше сменим тему. Жизнь слишком коротка, чтобы отягощать ее бесполезной печалью.

– Красиво сказано!

– Это выражение моей матери. Все, довольно обо мне, перейдем к вам. Что вы напишете о Балтиморе?

Настал момент истины, Элби. Доверяешь ты ему или нет?

– У вас шевелились губы, но я не расслышал вашего ответа.

– Говорите, вы гнали всю ночь? Откуда вы приехали?

– Из Магога, есть такой городок в ста километрах от Монреаля, в Восточных кантонах Квебека.

– Я знаю, где находится Магог, – сухо ответила я.

– Ах да, конечно, ваш журнал... Вы, наверное, объехали весь свет, – продолжал он, не замечая, что я замкнулась. – Чудесный край, правда? Не знаю, в какое время года вы у нас побывали, но в каждое там особый пейзаж, настолько неповторимый, что можно вообразить, будто живешь в разных местах!

– Но все они в Канаде.

Он посмотрел на меня как на полную идиотку.

– Что да, то да, – пробормотал он. – С этим не поспоришь.

– Канадская почта хорошо работает?

– Думаю, неплохо, хотя лично я... хм... получаю одни счета.

– А как насчет писем, которые вы отправляете?

– Простите, я что-то не совсем понимаю...

– Я вот пытаюсь понять вашу игру. Придет время, и вы все мне объясните.

– Я сказал что-то для вас обидное? Не стану вам надоедать. Вернусь-ка я за свой столик.

Либо он был лучшим на свете лицедеем, либо я столкнулась с настоящим Макиавелли.

– Прекрасная мысль, перейдем за этот столик вместе, хочу кое-что вам показать.

Я вскочила, не дав ему времени на размышление, и перешла на то место, которое раньше занимал он. Он, недоуменно на меня глядя, подошел и сел рядом.

– Ваш рассказ о беглом отце меня растрогал, – заговорила я. – Надо иметь каменное сердце, чтобы остаться бесчувственной, услышав такое, и еще более каменное, чтобы такое придумать. Ну а теперь поднимите глаза, посмотрите на эту фотографию и скажите мне, что наша встреча в отеле, а потом здесь, в ресторане, – чистая случайность. Эта женщина – моя мать!

Он задрал голову – и побелел. Подойдя к фотографии, он лишился дара речи.

– Ну?! – прикрикнула я.

– Рядом с ней... – пробормотал он. – Рядом с ней моя мать.

Он обернулся и уставился на меня тревожно и подозрительно:

– Кто вы такая? Чего от меня хотите?

– Хотела задать вам тот же вопрос.

Он запустил руку во внутренний карман пиджака, достал конверт и положил передо мной. Я сразу узнала почерк.

– Не знаю, в чем вы меня обвиняете. Прочтите, я получил это вчера. Вы поймете, почему я гнал всю ночь.

Я развернула письмо, затаив дыхание. Прочла, вытащила свое письмо и отдала ему. У него на лице появилось в этот момент то же выражение, что у меня минуту назад. Когда он прочел письмо, выражение стало еще хуже.

Мы молча смотрели друг на друга. В конце концов к нам подошла официантка с вопросом, ужинаем ли мы вместе и определились ли наконец со столиком.

– Когда вы получили ваше письмо? – спросил он меня.

– Это – дней десять назад, другое, назначавшее мне встречу здесь, – еще через неделю.

– Я тоже, с разницей всего в несколько дней.

– Я по-прежнему не знаю, кто вы, Джордж-Харрисон.

– Зато я теперь знаю, кто вы такая, Элинор-Ригби, хотя моя мать так

вас не называла, когда говорила мне о вас.

– Мать говорила вам обо мне?

– Не о вас самой, а о вашей семье. Всякий раз, когда нужно было меня в чем-то упрекнуть, она повторяла: «Дети моей английской подруги никогда бы так не ответили своей маме». Все мое детство она приводила их как пример хорошего поведения за столом, соблюдения порядка в комнате; эти дети не спорили, когда мать чего-то от них требовала, они отлично учились... Короче, все, что я делал плохо, вы делали хорошо.

– Значит, ваша мать совершенно нас не знала.

– Кто сыграл с нами эту дурную шутку и с какой целью?

– Кто докажет, что не вы сами?

– То же самое я мог бы сказать о вас.

– Это как посмотреть, – подытожила я. – Вы не можете знать, что происходит у меня в голове, я – что творится в вашей. У обоих есть причины друг другу не доверять.

– А по-моему, нас здесь свели с противоположной целью.

– То есть?

– Наши матери были знакомы, говорю же, я постоянно слышал о вашей...

– А я о вашей – нет.

– Жаль, но дело не в этом. Судя по этой фотографии, они отлично ладили, их взгляд сразу все выдает. Наш аноним хотел, чтобы мы сделали этот вывод вместе.

– Ему нужно, чтобы мы друг другу доверяли? Вы немного торопитесь, но допустим, что вы правы. Зачем ему это?

– Думаю, чтобы выиграть время.

– Ваша склонность к столь странным выводам не свидетельствует в пользу вашей невиновности.

– Возможно, она показывает мой ум, – парировал он.

– А заодно и скромность.

– Кто-то нами манипулирует – не пойму зачем. Объединив усилия, мы сумеем с большей вероятностью его разоблачить.

– Может, он и это предусмотрел?

– Несомненно, но он сознательно пошел на этот риск.

– Почему «он», а не «она»?

– Верно, я тоже задаю себе этот вопрос.

– Думаю, мы должны друг другу доверять. Поскольку доверие – мое предложение, то...

– Это говорит в пользу вашей искренности, если только вы не более

изворотливы...

– Чем вы?

Мы уставились друг на друга и замерли. Из ступора нас вывела официантка, уставшая ждать, пока мы что-нибудь закажем. Джордж-Харрисон выбрал сэндвич с омаром, и я, так и не сумев оторвать взгляд от его глаз, проявила позорную несамостоятельность и заказала то же самое.

Октябрь 1980 г., Балтимор

Она трижды пыталась растормошить Эдварда. Они провели вместе чудесный вечер. Нравилось это Салли-Энн или нет, Мэй была готова влюбиться, и деликатность его обращения с ней свидетельствовала, что их чувства взаимны. Она втягивала его в свой мир, и он начинал его принимать. Он, баловень судьбы, понемногу узнавал изнанку жизни, и она, нищая девчонка, стала его пигмалионом.

Салли-Энн могла негодовать сколько влезет. Собственно, с некоторых пор она негодовала вообще на весь свет. На редакционном совещании она устроила сотрудникам разнос, отвергла все предложенные ими сюжеты, со всеми перессорилась. Совещание пришлось свернуть.

Что ее не устраивало? Ей понадобился Кит, и она его получила – всего целиком. Нет, Мэй видела подругу насквозь: та бесилась из-за того, что ее братец увлекся Мэй и, главное, осыпал ее знаками внимания, тогда как к родной сестре оставался равнодушен. Мэй не видела причин чувствовать себя виноватой. Не она его соблазнила, он сам стал за ней ухаживать. Салли ошиблась, когда предрекла, что он выбросит ее, как старый носок, добившись желаемого. В тот вечер, когда они впервые поцеловались, он повел себя как истинный джентльмен: проводил ее домой и остался за дверью. Спустя два дня последовало приглашение в изысканный ресторан.

– Всеу свое время, – сказал он, когда она уставилась на серебряные приборы.

На следующий день они отправились на прогулку по маленьким магазинчикам. Эдвард подарил ей замечательный платок, она ему – кожаный бумажник.

– Буду носить его у сердца, – пообещал он, пряча ее подарок во внутренний карман пиджака.

На уик-энд он повез ее на остров Кент. Они устроились в апартаментах особняка на дюне, окна выходили на море. Все время там они посвятили любви. Ни один мужчина еще так с ней не обращался, так не баловал, об одном она жалела – что нельзя поделиться радостью с подругой. Но вместо того, чтобы упрекать ее в подростковом эгоизме,

добросердечная Мэй проявляла понимание. Салли-Энн страшно ее ревновала. Мэй надеялась, что это продлится недолго, потому что зародившаяся между ней и Эдвардом любовь не будет ни скоротечной, ни эгоистичной. Она должна была примирить брата с сестрой, родные люди обязаны найти общий язык. Мэй, так мечтавшая о брате, и мысли не допускала, что может быть по-другому.

Чтобы Эдвард полностью ей доверился, она должна была сделать первый шаг. В Кенте она заговорила о газете.

Они гуляли по пляжу, взявшись за руки.

– Это еще только проект, – соврала она. – В «Сан» у нас нет будущего. Там нами помышляют мужчины-фаллократы: по их мнению, женщины годятся только для того, чтобы собирать информацию или варить кофе.

Эдвард как будто удивился и стал расспрашивать ее о направлении будущей «Индепендент». Она отвечала в общих чертах. Он поздравил ее и похвалил за смелое намерение отстаивать истину. А потом заговорил об осторожности. Разоблачение коррупции, злоупотреблений властью и политической предвзятости – рискованный путь. Те, кто на него ступает, рано или поздно навлекают на себя гнев сильных мира сего.

– Я вырос среди них и знаю, на что они способны, – предупредил он ее.

Эдвард был вхож в светские круги, и Мэй прикинула, что, действуя там с должным умением, он мог бы принести им пользу. У него были неоспоримые достоинства, однако присутствовала и свойственная многим мужчинам слабость – склонность пускать пыль в глаза. Чтобы он дал слабину, достаточно было задать ему правильный вопрос в подходящий момент.

– Очень надеюсь, что ты не позволишь моей сестре манипулировать тобой. Ее желание пуститься в подобную авантюру совсем меня не удивляет.

– Что за кошка между вами пробежала? – спросила Мэй.

– Она упрекает меня в том, что я за нее не вступаюсь. С ранней юности она страшно враждебно настроена к нашим родителям. По-моему, ее поведение несправедливо и нетерпимо. Согласен, с мамой бывает нелегко. Порой она проявляет излишнюю суровость, но в молодости она так страдала! Рискну показаться старомодным, но скажу: я восхищаюсь своими родителями! Дело не только в их успешности. Обоим пришлось пройти через ужасные испытания. Мама никогда не была балованным ребенком. Она попала в Америку сиротой, у нее не было буквально ничего. Своих деда и бабу по материнской линии я не знал: их убили немцы. Они

были евреями и прятались от нацистов. Мама обязана своим спасением только храбрости и героизму моего отца. Поэтому я не могу смириться с тем, как жестоко их судит Салли. Я всегда пытался сгладить между ними углы, защитить ее – чаще всего от нее самой, от ее несдержанности, вспышек злобы, но она в ответ только дулась, и у меня в конце концов опустились руки.

– Она в тебе души не чает, – сказала Мэй на всякий случай.

– Позволь мне в этом усомниться.

– Когда она говорит о брате, в ее голосе всегда звучит восхищение.

– Ты очень великодушна, но я тебе не верю. Салли – эгоистка, она интересуется только собой. От ненависти к своим родным она озлобилась, стала невыносимой.

– Как ты можешь так говорить? Выходит, ты ее совсем не знаешь. Ты называешь великодушной меня, но ведь твоя сестра в сто раз великодушнее меня! Она думает только о других; в отличие от своей матери, она росла в богатстве и могла бы наслаждаться беззаботной жизнью. Но нет, это Салли-Энн не подходит. Конечно, она бунтарка, но она бунтует ради благородных целей, потому что не выносит несправедливости.

– Ты говоришь так, словно влюблена в нее.

– Прошу тебя, Эдвард, не изображай святую невинность.

– Что ж, я понял намек: не критиковать сестру в твоем присутствии, иначе мне не поздоровится.

Мэй крепче взяла Эдварда за руку и повела его в особняк.

– Вернемся скорее, меня мучает жажда, хочу напиться. Терпеть не могу воскресенья. Как бы мне хотелось, чтобы этот уик-энд никогда не кончался!

– После этого будут другие.

– Возможно. Давай не будем торопиться. Я помню твои слова про... как ты ее называл? Дочь Циммеров! Я с ней не знакома, но не хочу, чтобы у нас все кончилось так же. Кстати, ты иногда ее вспоминаешь?

– Думаешь, я попадусь в эту женскую ловушку? Отвечу «нет» – заслужу прозвище грубияна, ответить «да» и подавно будет грубостью. Но ты права, давай насладимся тем, что дарит нам жизнь, не задавая лишних вопросов, особенно о прежних историях. Хотя о твоей я ничего не знаю.

– Потому что и знать нечего.

Они вернулись в особняк и устроились в курительной комнате. В камине теплился огонь. Мэй попросила бокал шампанского, Эдвард предпочел бурбон.

На закате они поднялись в свою спальню, чтобы собрать вещи. Мэй, с

сожалением собираясь, оглядела комнату: большую кровать под балдахином, на которой они провели волшебную ночь, шелковую обивку стен, которой она любовалась ранним утром, когда Эдвард еще спал, тяжелые шторы на окнах, которые она раздвинула поутру, пока им несли завтрак, персидский ковер, по которому она ходила босиком, – всю эту непривычную, заморозившую ее роскошь. Оглянувшись, она стала наблюдать, как аккуратно складывает свои вещи Эдвард.

– Мы не можем остаться здесь до завтра? Ужас как не хочется возвращаться сегодня вечером в лофт!

– Мне завтра рано утром на работу. Мы вернемся поздно, почему не переночевать у меня?

– Под крышей твоих родителей?

– Это большой дом, у меня своя территория. Уверю тебя, мы с ними не столкнемся.

– А завтра что?

– Выйдем через служебную дверь. Тебе совершенно не о чем тревожиться.

«Астон-мартин» шустро наматывал километры. В салоне пахло дорогой кожей, Мэй наслаждалась звуком мотора.

– Обещаешь мне одну вещь?

– Сначала скажи, о чем речь. Я – человек слова, я ничего не обещаю просто так.

– Хочу, чтобы вы помирились.

– Мы с сестрой? Мы с ней плохо ладим, но мы и не ссорились.

– Твоя сестра и вы, остальные Стэнфилды. Миротворцем можешь выступить только ты. Ни она, ни твоя мать не сделают первого шага.

Эдвард сбавил скорость и с улыбкой повернулся к Мэй:

– Успеха не обещаю, но даю слово сделать все возможное.

Мэй потянулась к нему, чтобы поцеловать, и попросила смотреть на дорогу. Потом опустила стекло, чтобы подышать воздухом. Ее волосы развевались на ветру, она была счастлива.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Мы пожелали друг другу спокойной ночи в коридоре, стоя у дверей своих номеров. Я упала на кровать, и стоило закрыть глаза, как мне почудился голос Мэгги: «Ну, старушка, что ты будешь делать теперь?» И поскольку я не могла ей ответить, то решила опередить ее. Дежурная говорила, кажется, так: 9, потом 011... Можно подумать, я впервые отправилась путешествовать!

– Ты в курсе, который час? – недовольно пробурчала моя сестрица.

– Я не могла больше ждать. Прости, что разбудила вас.

– Фред остался в Примроуз-Хилл, – ответила она, протяжно зевнув. – Вчера у него было много посетителей, он закрылся позже обычного и не успел ко мне.

– Рада за него, хорошо, что его ресторан процветает!

– Да, класс! Приходится спать одной, когда мой дружок вне себя от радости, потому что в ресторане нет свободных мест. Зато когда дела идут неважно, он тут как тут, и на лице тоска. Скажи, что я делаю не так? Хотя ты, конечно, звонишь мне в пять утра не для того, чтобы послушать про Фреда...

Я не стала ее разубеждать. Я вытащила ее из постели, чтобы поговорить о нашей семье, о письме, которое мне отдал Мишель, о фотографии на стене кафе, о женщине, сфотографированной вместе с нашей мамой тридцать пять лет назад, а главное, о своем новом знакомстве и о том, что я узнала за этот вечер. В кои-то веки Мэгги слушала меня, не перебивая.

– Ну и как он тебе?

– Только не говори, что это первый пришедший тебе в голову вопрос.

– Не первый, но это не мешает тебе на него ответить.

Я скупыми мазками обрисовала человека, с которым провела вечер.

– Выходит, он тебе скорее понравился. Его и правда зовут Джордж-Харрисон?

– Я не просила его показать водительское удостоверение, поверила на слово.

– Раз наши матери были так хорошо знакомы, разве можно считать его имя совпадением?

– Мы с ним примерно ровесники. Может быть, здесь существует какая-то связь.

– Наверняка существует! Если ты не обратила внимания, она называла нашу маму «моя любовь». В то же время она признает, что потеряла голову, наверное, этим все и объясняется... Не могу поверить, что наша мама гоняла на мотоцикле. Помнишь, как тщательно она пристегивалась в «остине»? Скажи, ты можешь вообразить ее байкершей?

– Если честно, этим вечером меня сильнее всего заинтриговало не это. Еще труднее мне представить ее налетчицей. Крайне любопытно узнать, что именно они украли. И вообще, что там за драма у них разыгралась?

– Это подтверждает обвинения из анонимного письма.

– Все его содержание обретает теперь смысл. Темные места в мамином прошлом, ее по меньшей мере странные отношения с матерью Джорджа Харрисона, состояние, которого она не унаследовала, и «Индепендент».

– Это еще что такое?

– Так называлась газета, основанная мамой вместе с Мэй. Папа расскажет тебе об этом подробнее.

– Послушай, мы говорим о нашей матери или о ком-то другом?

– Я тоже так отреагировала, когда все узнала.

– Это бесценное сокровище, твой Джордж-Харрисон, он-то хоть знает, о чем речь?

– Нет, он впервые прочел об этом в письме своей матери, которое я ему отдала. Есть другие: они переписывались.

– Что, если он с самого начала тобой манипулировал? Ваша встреча – результат целой цепочки совпадений. Вдруг он и есть твой аноним?

– Зачем ему такие сложности?

– Чтобы собрать кусочки головоломки! Ты сама говоришь о переписке. У него наверняка есть письма нашей матери, и ему нужны мы, чтобы завладеть письмами своей. Разве аноним не предлагал нам поискать доказательства его слов? Махинация, ясное дело!

– Уверяю тебя, он лишился дара речи, увидев фотографию в кафе. И потом, он тоже получил анонимное письмо.

– Которое сам и написал. Почему, скажи на милость, он так удивился той фотографии, если знал о том, что наши матери переписывались?

– Он не знал, о переписке мне сказал Мишель. Ничего ему не говори, Мэгги, я обещала хранить тайну. Я уже десять раз звонила ему из Балтимора, просила прислать другие письма.

– В какие еще семейные тайны меня не желают посвящать? Папа тебе сообщает, что мама выпускала в Балтиморе газету, Мишель – о письме, о котором мне даже не заикнулся... Вы все обходите меня стороной, словно я заразная!

– Папа ничего не собирался мне сообщать, просто мы с ним лакомились мороженым, и вдруг всплыла эта тема...

– Скажи еще, что он водил тебя в «Бен энд Джерри»! Я сразу брошу трубку!

– А к Мишелю я заглянула накануне отъезда, и он по непонятной причине тайком сунул мне в карман это письмо.

– Ты заглянула к Мишелю накануне отъезда, а со мной попрощалась через папу? Час от часу не легче! Раз я так мало значу, то не знаю, чем могу тебе помочь.

– Ты уже мне помогла: посоветовала быть с Джорджем-Харрисоном поосторожнее.

– Бойся его как огня! Если наши матери действительно припрятали где-то клад, то ты должна найти его раньше своего нового знакомого. Я на тебя рассчитываю! Банк отказался увеличить мне сумму разрешенного овердрафта.

– Устроилась бы на работу. Тоже способ добывать средства на жизнь, не хуже любого другого.

– Я возобновляю учебу, мне что, разорваться?

– В тридцать пять лет?

– Мне тридцать четыре, зануда! Ты еще с ним увидишься?

– Завтра утром, за завтраком.

– Смотри, Элби, не смей в него влюбляться!

– Во-первых, он совершенно не в моем вкусе, во-вторых, он еще не заслужил моего доверия.

– Во-первых, я тебе не верю, во-вторых, ты доверяешь первому встречному, поэтому повторяю: не вздумай им увлечься, по крайней мере до того, как прояснится вся эта история!

Мэгги взяла с меня обещание звонить каждый день и держать ее в курсе событий, дала слово не выдавать меня Мишелю и повесила трубку. В конце концов я уснула, только очень поздно.

* * *

Утром я встретила Джорджа-Харрисона в холле отеля. Столовая

выглядела слишком уныло, и он повез меня в своем пикапе завтракать в город.

– Вы сказали, что работаете столяром, – начала я, чтобы сломать лед. – Можно поточнее?

– Не думаю, что бывает много разновидностей этой профессии.

– Бывает: плотники строят дома, краснодеревщики делают мебель...

– Нет, я не плотник. Наверное, у меня просто нет отца.

– Не вижу связи.

– С вашим вопросом мои слова никак не связаны, но я всю ночь думал о письме моей матери. Раз она называла вашу мать «моя любовь», наверное, прибегла к услугам безымянного донора спермы. Тогда «драма» – я сам.

– Драма не драма, но вы явно склонны все драматизировать. Вы, конечно, симпатичный мужчина, но давайте все же ограничимся разговорами о сокровище, которое нам предстоит найти...

И я расхохоталась. Мне, конечно, нужно было сдержаться, потому что получилось обидно. Машина затормозила перед светофором, и Джордж-Харрисон с серьезным видом повернулся ко мне:

– Вас не шокирует мое предположение, что наших матерей могли связывать особые отношения?

– Вас смущают не чувства, которые они могли друг к другу испытывать, и вы отлично это знаете. Все дело в слове, которое вы прочли в письме, это оно вас смутило. Что ж, раз это для вас так важно, вспомните, что ваша мать писала это...

– ...будучи уже не в своем уме?

– У вас какая-то мания за меня договаривать! В преклонном возрасте – вот и все, что я имела в виду! Этому возрасту свойственна особая лексика. Любовь, дружба – так ли уж велика разница?

– Почему вы пытаетесь все упростить?

– Вы вообще ехать собираетесь? Сзади уже гудят! Знаю, мужчинам трудно делать несколько дел сразу, но постарайтесь слушать меня и при этом вести машину. Даже у моего отца это получается, а вы вряд ли более рассеянны, чем он.

Пикап проехал еще несколько метров и остановился у обочины.

– Сколько вам лет? – спросила я.

– Тридцать пять.

– Дата рождения?

– Четвертое июля 1981 года.

– В таком случае ваши измышления теряют смысл. Моя мать

вернулась в Англию до того, как ваша забеременела.

– Трудно делать два дела одновременно? Неужели? Поделитесь другими вашими предубеждениями по поводу мужчин.

– Почему вы остановились? Кажется, даже заглушили мотор.

– Потому что мы уже приехали. Вот место, где я предлагаю вам позавтракать. Кофе пойдет вам на пользу.

* * *

Джордж-Харрисон заказал яйца «бенедикт», бекон, тосты и большой стакан апельсинового сока, даже не заглянув в меню. Мне это почему-то очень понравилось. Я сама ограничилась чашкой чаю, считая, что ему одному всю эту гору не умять и он поделится со мной тостом.

– Раз упомянутая моей матерью драма – это не я, – начал он, пряча улыбку, – то что она могла иметь в виду? Ваша мать когда-нибудь упоминала...

– Она не распространялась об этом периоде своей жизни, а мы не задавали ей вопросов, потому что щадили ее: она была сиротой, и мы знали, что в прошлом ей пришлось несладко. Если честно, с нашей стороны это была не столько деликатность, сколько страх.

– Чего вы боялись?

– Отдернуть занавес и обнаружить, что сцена занята не только нами.

– Какая еще сцена?

– Та, на которой мы росли. А вы знаете что-нибудь о прошлом своей матери?

– Она родилась в Оклахоме, ее отец был механиком, мать домохозяйкой. Мой дед был человек неотесанный, скупой на проявление чувств. Мама мне рассказывала, что он никогда не брал ее на руки, не целовал: отговаривался тем, что у него руки в смазке и он боится ее испачкать. Жизнь в Оклахоме была еще суровее, чем он сам, и вообще, думаю, в те времена родители не умели проявлять свои чувства. Она сбежала из дому совсем юной. Добралась до Нью-Йорка. Голова у нее была полна идей, почерпнутых из книжек, которые она читала в детстве и юности. Она устроилась секретарем в издательство. По вечерам готовилась к занятиям, потому что одновременно училась журналистике в Нью-Йоркском университете. Потом разослала свое резюме во все газеты Восточного побережья и была принята в одну из них, в архив. Когда родился я, она уехала из Штатов и поселилась в Монреале.

– Вы знали, что в конце семидесятых годов она жила в Балтиморе?

– Нет, не знал. Я слышал от нее только о Нью-Йорке. Стоило мне заговорить о том времени, когда она ждала меня, как она закрывалась, словно устрица, мы даже ссорились из-за этого. Зачем вы сюда приехали? Что ищете?

– Сама не знаю, примчалась сюда, и всё.

– Вас привлекает сокровище, клад?

– О его существовании я узнала только на борту самолета. Знаю, в это трудно поверить, но я нашла письмо вашей матери в кармане своего пальто, только когда проходила контроль в аэропорту.

– В таком случае вам придется вернуться, потому что аноним, как вы его называете, должен находиться в Англии, раз он проделал с вами этот трюк.

– А что ищете вы?

– Я вам уже говорил: своего отца.

– Где хранятся письма моей матери?

– Понятия не имею. Не знаю даже, сохранились ли они. Вы хотите вернуть мне письма моей матери?

– Я не знаю, где они находятся и существуют ли вообще. А еще я не знаю, что нам теперь делать.

Мы оба надолго замолчали, глядя каждый в свою тарелку. Джордж-Харрисон попросил подождать его и убежал. Я видела через стекло витрины, как он открывает дверцу своего пикапа. Если бы он не оставил на спинке стула свою куртку, то я бы решила, что он сейчас укатит – только его и видели. Вернувшись, он подсел ко мне и положил на стол фотографию из кафе «Сейлорс».

– Хозяин кафе не знает историю фотографий, которые висят на стенах. Они там уже были, когда он его купил. Кухню с тех пор переоборудовали, но с обеденным залом ничего не делали, разве что разок перекрасили.

– Грандиозный прорыв!

Джордж-Харрисон показал мне еще две фотографии.

– Они сделаны в тот же вечер. На них хорошо видны лица еще двух людей.

– Как вы умудрились их стащить? Я ничего не заметила.

– Какие подозрения! Вчера вечером я туда вернулся. Не знаю, как вам, а мне не спалось. Хозяин уже закрывал свое заведение, но я объяснил ему, что на фотографии моя мать.

– После чего он снял ее и просто презентовал вам, а вместе с ней еще две, просто так, из расположения к вам? Вы неотразимы!

– Благодарю за комплимент. Я предложил ему двадцать долларов, и за эту сумму он охотно с ними расстался. Все равно зимой он планировал отремонтировать зал. Как, говорите, называлась их газета?

– «Индепендент».

– В таком случае мы на верном пути. Если она издавалась в Балтиморе, то мы обязательно найдем ее следы.

– Я уже искала в интернете и ничего не нашла.

– Должно существовать специальное место, какой-то архив, где собирают старые газеты. Вы же репортер, вам ли этого не знать!

Я тут же подумала о Мишеле.

– Муниципальная библиотека! Если сохранился хотя бы один экземпляр, там мы его обязательно отыщем. Рамка – кладезь информации!

– Что за рамка?

– Это такая вставка на газетной странице с выходными данными и перечислением членов редколлегии.

Мы снова сели в пикап Джорджа-Харрисона. Он ждал, пока я скажу, куда ехать.

– Кафедрал-стрит, четыреста, – сказала я, найдя в айфоне адрес.

– Можно поинтересоваться, что так внезапно и радикально улучшило вам настроение?

– В библиотеке, куда мы едем, хранится коллекция первых экземпляров книг, пожертвованная семьей Эдгара По.

– Это хорошая новость?

– Вам от нее никакого толку, а я в восторге. Едем!

Мы пристали к библиотекарше, но бедняжка никак не могла помочь нам разобраться во всей этой путанице книг и документов. Я посмотрела на часы. В Кройдоне было три часа дня. Я вспомнила, что один человек может нам помочь.

Дисциплинированная Вера оказалась на месте и сразу ответила на звонок. Выслушав меня, она предложила сходить за Мишелем. Но мне была нужна она сама. Ей польстило, когда я попросила рассказать, как устроены архивы таких же, как у нее, библиотек, только немного побольше. Я уточнила, что ищу экземпляр еженедельного издания, выходившего в конце 70-х годов.

– Вам нужен отдел микрофиш, – уверенно сказала она. – В те времена газеты сохраняли этим способом.

Будь она рядом, я бы на радостях бросилась ей на шею.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы я позвала Мишеля? Он был бы счастлив с вами поговорить. Он сейчас тут, рядом, не вешайте трубку.

Я услышала шепот, потом в трубке раздался голос моего брата:

– Ты ничего мне не сообщила, но я знал, что ты долетела успешно. Я изучал информацию, после твоего отлета не разбился ни один самолет.

– Неплохой способ проверить, жива ли я. Я несколько раз тебе звонила, ты не отвечал.

– Это логично. Здесь мобильные телефоны запрещены, а дома я свой выключаю.

Мне хотелось поболтать с братом наедине, поэтому я отошла от Джорджа-Харрисона, чтобы он не слышал наш разговор.

– Мишель, я прочла письмо, адресованное нашей маме.

– Не хочу, чтобы ты обсуждала его со мной, мы договорились.

– Я не собираюсь нарушать наш договор, но ты говорил мне о шкапулке, где лежат другие письма.

– Всего их тридцать.

– Если не хочешь мне их прочесть, то, может, перешлешь сюда?

– Нет, мама велела мне постоянно держать их у себя.

– Брось, Мишель, мама умерла. Мне нужны эти письма.

– Зачем?

– Ты упрекал меня, что я интересуюсь чужими людьми, а не своими близкими. Я решила исправиться.

Я услышала прерывистый вздох. По моей вине мой брат впал в величайшее смятение. Его мозг нуждается в логике, без нее он не способен принять решение. Течение его мысли отторгает всякую иррациональность, а мое требование поставило его перед невыносимым противоречием: чтобы позволить сестре исправить то, что он считал несправедливостью, он должен был предать мать.

Я испугалась и замерла. Издалека, из-за океана, я могла спровоцировать приступ: он опять затрясется, забормочет, сожмет ладонями голову... Я не имела права доводить его до этого, тем более прямо на его рабочем месте, на глазах единственной женщины, с которой он, по его словам, достиг взаимопонимания. Я уже была готова пойти на попятную, попросить прощения за то, что зашла слишком далеко, но было уже поздно: трубку опять взяла Вера.

– Надеюсь, вы извините меня за то, что я прерываю вашу беседу, но Мишелю нужно сходить за книгами в большой зал.

Она проявила больше проницательности и здравомыслия, чем я, и мне стало стыдно. Я сбивчиво поблагодарила ее и попросила прощения.

– Не волнуйтесь, – зашептала она в трубку, – все будет хорошо. Буду очень рада хоть как-то вам помочь, не стесняйтесь!

Не могла же я просить ее уговорить моего брата переслать мне письма, а тем более мне их прочесть! Я уже собралась дать это неприятное поручение Мэгги, только еще не придумала, как это провернуть, чтобы Мишель не догадался, что я его предала.

Я распрощалась с Верой и пошла за Джорджем-Харрисоном. Он дожидался меня у входа.

– Мы можем поработать в зале микрофиш? – спросила я библиотекаря.

– Только по документу, удостоверяющему вашу профессию. Вы учительница, преподаватель университета, ученая?

Я достала свое журналистское удостоверение, надеясь, что подойдет и оно. Библиотекаря задумчиво на него уставилась. Вмешался Джордж-Харрисон: похвалил ее наряд и со сногшибательным нахальством пригласил с ним выпить, когда она вечером освободится.

– Разве вы не вместе? – спросила она, краснея.

– Вовсе нет, – заверил ее Джордж-Харрисон.

Она посмотрела на меня с сочувствием, оторвала два пропуска и протянула нам:

– Помещение, которое вы ищете, находится на нижнем этаже. Спуститесь туда по лестнице в глубине, только не шумите. Внизу вы отдадите эти пропуска сотруднику, который там распоряжается.

Мы пересекли библиотеку. Она значительно превосходила кройдонскую размерами и оснащением. Вера извелась бы от зависти, а Мишелью здесь попросту не нашлось бы работы. Большинство мест было занято просто читателями, студентами, учеными, прилипшими к мониторам на столах. Стук клавиш стоял такой, словно гигантская стая грызунов дружно клацала зубами.

Нас усадили перед допотопным читальным аппаратом с черным экраном и прозрачной рамкой. Я видела такие в старых фильмах, но в жизни с ними не сталкивалась. Служащий порылся в картотечных ящиках и явился с пластиковым конвертом, где лежали восемь крохотных диапозитивов, умещавшихся у него на ладони.

– Похоже, газета была не очень успешной, был издан единственный номер, – сообщил он.

Он вставил диапозитивы в рамку, экран зажегся. Перед моими глазами появилась любовно набранная первая страница номера «Индепендент» от 15 октября 1980 года. Я с замиранием сердца перелистала все восемь страниц.

Еженедельник открывался материалами об избирательной кампании,

которая была в те дни в самом разгаре. Вот уже несколько недель президент и его соперник сталкивались в словесном поединке неслыханного накала. Рейган высмеивал миролюбие Картера, Картер клеймил Рейгана как опасного правого экстремиста, чьи речи разжигают ненависть и расизм. Лозунг губернатора Калифорнии «Америка возвращается», его посулы военно-промышленному комплексу, намерение вернуть штатам присвоенные Вашингтоном полномочия – все это делало вероятным завоевание республиканцами одновременно и Белого дома, и конгресса – впервые за тридцать лет!

– Если сработают прежние рецепты, мы вскоре станем свидетелями победы Трампа! – проворчала я.

– У него нет никаких шансов, он не внушает доверия, – возразил Джордж-Харрисон.

Я продолжала изучать страницы. Полемические статьи были написаны занимательно. В одной перечислялись неминуемые последствия снижения социальной помощи, начиная с взрывного роста нищеты в стране, где ниже уровня бедности живут тридцать процентов населения. В другой осуждалось упорное отрицание командованием ВВС его причастности к отравлению населения небольшого городка после взрыва в шахте баллистической ракеты. В третьей рассказывалось об аресте журналистки, отказавшейся выдать свои источники, благодаря которым она собрала материал для статьи о на шумевшем деле об опекунстве. Последняя страница была посвящена культуре. Событием того года стала рок-опера «Эвита», Коппола презентовал в Нью-Йорке фильм Годара, список книжных бестселлеров возглавлял роман Кена Фоллетта, 47-летняя Элизабет Тейлор впервые выступила на Бродвее.

Но где же выходные данные? Я просмотрела все восемь страниц в обратном порядке, проверила их нумерацию и убедилась, что все на месте. Вставки не было. Видно, создатели газеты не пожелали раскрыть свои имена. Все статьи были подписаны инициалами.

– Какая у вас фамилия?

– Коллинз, – ответил Джордж-Харрисон.

– В таком случае, – сказала я, тыча пальцем в экран, – вот эту статью про фабрику, отравившую реку и резервуары с питьевой водой, написала ваша мать.

Джордж подался к экрану и прочел инициалы: «М.К.»

– Не вижу ни одной статьи моей матери, – продолжала я разочарованно. – Разве что вот эта, о проделках знатной семейки, остроумно подписанная «ее светлость»...

– Что, если она не была журналисткой? Можно же руководить клиникой, не будучи врачом.

– Действительно... – растерянно пробормотала я.

Я сфотографировала своим айфоном все страницы. Хотелось перечитать в тиши гостиничного номера газету – детище моей матери. Странно, но я ощущала ее присутствие, как будто она лично благословила мои поиски.

– Ну, что теперь? – спросил Джордж-Харрисон.

– Мы ничего не нашли, кроме доказательства существования «Индепендент». Теперь придется покорпеть над поисками ниточек, которые привели бы нас к их знакомым, к кому-то из сотрудников газеты.

– Ни одна статья не подписана. Как их опознать?

Мне пришла в голову вздорная мысль, а поскольку моя голова всегда пухнет от вздорных мыслей, то еще одна там без проблем поместилась. Краткое знакомство с материалами «Индепенденет» давало представление о ее издательской политике: ангажированные расследования – вот чем она намеревалась заниматься!

Я сказала сотруднику отдела диапозитивов, что от работы в подвале он стал слишком бледным, как его диапозитивы, и попросила найти для нас номера «Балтимор сан» за 12–19 октября 1980 года.

– Это еще зачем? – удивился Джордж-Харрисон.

– Знаете поговорку «В Риме поступай как римлянин»?

Лично я не способна настроить статью, не побывав в том месте, которое должна описать, потому и решила залезть в шкуру журналистов «Индепендент». Где им было искать материал, как не у тогдашних властителей жизни – политиков, людей из высшего общества, профессоров? А что занимало эти выдающиеся умы? Официальные церемонии, светские мероприятия. Статьи и фотографии в «Балтимор Сан», связанные со светскими событиями тех дней, могли познакомить меня с кое-какими лицами. Немного везения – и я узнаю, кто участвовал в тех мероприятиях, явившись туда с журналистскими целями. По моим представлениям, у них попросту не было другого способа добывать информацию.

Октябрь 2016 г., Кройдон

Вера открыла дверцу холодильника. Все было разложено, как по инструкции: овощи – в специальном ящике, молочные продукты – в прозрачном контейнере наверху, мясное филе – на средней полке. Она со вздохом взглянула на свое отражение в зеркальной дверце микроволновки, сняла очки, распустила волосы – раньше она собирала их в пучок – и вышла из кухни. В гостиной Мишель накрывал низкий столик перед телевизором.

– Что-то не так? – спросил он.

Вера опустила на подлокотник кресла и снова вздохнула:

– Зачем было подсовывать ей это письмо, раз остальные остались у тебя?

– Чтобы помочь, но не предать.

– Тогда почему сейчас не помог? Я знаю, ты сделал это не просто так. У тебя случайности исключены.

– Потому что я не нахожу доказательств существования случайностей. Я не хотел, чтобы она отказалась от своих поисков. Уверен, Мэгги пыталась ее отговорить. Как Элби ни отнекивается, наша младшая сестра имеет на нее влияние.

– Не проще ли было бы все ей выложить?

– Это было бы нелогично. Допустим, я найду способ освободиться от своего обещания. Это только предположение, слишком смелое допущение, но предположим... Все, что бы я ни рассказал, воспринималось бы искаженно.

– Не понимаю почему, – простила Вера.

– Когда при чтении биографии у меня вызывают сомнение какие-то факты, я стараюсь проверить их по другим источникам. Так я устанавливаю достоверность той или иной истории. Но если кто-то рассказывает мне ту же историю, употребляя собственные слова и интонации, вкладывая в рассказ свои чувства, то это уже его интерпретация, и какой бы ни была обоснованность его слов, отвечает за них он сам. Элби должна нащупать свою собственную правду, а не мою. Я

хочу предоставить ей все шансы открыть ее самостоятельно. И потом, на то, чтобы освоиться с такими вещами, необходимо время. Считая, что она сама стоит у руля, она лучше с этим справится.

- Ты действительно в это веришь?
- Обнаружить, что тебе всегда врал, – тяжелое испытание.
- Ты-то сумел простить.
- Я не простил, а принял – это разные вещи.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Мы провели день в библиотеке. Я купила там издание с факсимиле документов, пожертвованных семейством Эдгара По, и уже предвкушала восторг моего главного редактора.

Джордж-Харрисон помог мне проштудировать колонки «Балтимор сан». Мы высматривали хоть что-нибудь, любую мелочь, которая сдвинула бы с мертвой точки наше расследование.

В одной статье прославлялась политика мэра, запустившего проект возрождения доков: он собирался превратить их в курорт, чтобы привлечь туристов, построил новый дворец конгрессов, распахнувший двери для деловых людей. Двадцать первого октября там намечались дебаты между двумя кандидатами в президенты. В «Сан» сообщалось о противостоянии между мэром и хозяином футбольной команды Colts, возмущенным тем, какие скудные средства были выделены на восстановление ее обветшавшего стадиона. Хозяин грозил переездом команды в другой город. Семнадцатого октября в старом городе вспыхнул пожар, пострадали колледж и пресвитерианская церковь.

Я читала раздел культуры, там меня позабавили фотографии с концерта группы The Who – мой отец называл ее «недо-Битлз». Балтимор превращался в излюбленную площадку для выступлений музыкантов стилей панк, хард-рок и метал. Как же мне хотелось перенестись в ту эпоху! Мне казалось, что все тогда дышало свободой.

– Подождите! – крикнула я вдруг Джорджу-Харрисону. – Отмотайте назад.

Джордж-Харрисон подчинился. Я велела ему задержаться на фотографии, занимавшей полполосы. На ней красовались участники костюмированного музыкального бала. Мое внимание привлекла подпись под фотографией: «Великолепный вечер по случаю помолвки Эдварда Стэнфилда».

– Стэнфилд... – пробормотала я, указывая на экран. – Его упоминали в «Индепендент».

– Фамилию помню, а про что была та статья – нет, – сказал Джордж,

зевая.

Сотрудник ушел, не сказав, куда он подевал архив «Индепендент». Я не переживала, потому что пересняла страницы газеты и собиралась перечитать их вечером, в номере. Джордж-Харрисон тер глаза, он, как и я, устал таращиться на экран.

Пока мы ужинали в кафе в порту, он отвечал на мои вопросы о своем прошлом. Описал свою мастерскую, похвастался умением старить мебель, а значит, что бы он там ни говорил, ее подделывать. Но о своей матери он упорно не желал рассказывать.

Я не понимала, заигрывает он со мной или нет. Он жадно меня слушал, улыбался любым моим попыткам пошутить, даже признался, что находит мою семью страшно забавной и не прочь с ней познакомиться... Обычно без причины такое не говорят. Но он зря терял время. Во-первых, он был не в моем вкусе, а во-вторых, я была полна решимости следовать советам Мэгги.

Завершение вечера подтвердило мою правоту.

Джордж-Харрисон

Я приуныл. Сколько можно слушать про ее семейку! Я допустил оплошность: задал ей из вежливости несколько вопросов, она тоже кое о чем меня спросила; если бы я не отвечал ей в тон, то она, со своим предубеждением к мужскому полу, сочла бы меня живым подтверждением мужского эгоцентризма. Мне бы проявить сдержанность, а лучше вообще помолчать, потому что ее словно прорвало. На меня хлынул подробнейший рассказ о жизни ее папаши, его диабете, его страстной любви к «Битлз», его старой машине; о ее сестре и о любовнике сестры, владельце ресторана, которые вечно ругаются; об ее брате-библиотекаре, которого она подозревает в тайной связи с коллегой-библиотекаршей. Я и так уже убил день, наблюдая, как она читает старые газеты, – какой мне, спрашивается, от всего этого толк?

– Вам не наскучили мои рассказы? – наконец-то сообразила поинтересоваться она.

– Вовсе нет, наоборот, – учтиво ответил я ей. – Мне бы очень хотелось познакомиться с такой полной жизни семьей, как ваша. Вы не сдаете ее в аренду?

– Знаю, я болтушка, просто я очень по ним скучаю.

– Говорите сколько хотите, прошу вас.

– Если когда-нибудь приедете в Англию, я вас с ними познакомлю.

Уж не заигрывает ли она со мной? За такими предложениями всегда что-то кроется.

– Почему бы нет? – говорю. – Кто знает, куда заведут нас эти поиски.

– Вдруг в Канаду? Как-никак, анонимные письма отправлены оттуда.

– Первые – да, но второе мне прислали уже из Балтимора.

– Зачем их автору было так утруждаться? Он вполне мог отослать их все из одного пункта.

– Может, хотел запутать следы? А может, все просто: он сам тоже путешествует.

– Думаете, он прямо сейчас находится в Балтиморе? Это даже как-то пугает, вы не находите?

– Мы с вами не знаем его намерений, а потому и нет оснований пугаться. А кстати, чего именно нам бояться?

– Как раз того, что мы не знаем его намерений.

Я был вынужден с ней согласиться, но поспешил уточнить:

– Он хотел нас познакомить – и добился своего.
– Он хотел, чтобы мы узнали о дружбе наших матерей, и достиг цели. Хотел, чтобы вы отправились на поиски своего отца – и вы его ищете, – подхватила она.

– Я всегда хотел найти своего отца, – возразил я.
– Не хочется с вами спорить, но ведь вас погнало в дорогу именно его письмо. Но мы забываем о главном. Зачем все это ему самому?

– Это вопрос или вы уже знаете ответ?

Она подалась вперед и посмотрела мне прямо в глаза. Прочь сомнения: заигрывает, да еще как! После расставания с Мелани я живу один, с женщинами никогда не чувствовал себя уверенно, а инициатива с их стороны вообще сбивает меня с толку.

– Деньги! – выпалила она. – Он хочет, чтобы мы нашли украденные ими деньги!

– С чего вы взяли, что речь идет о деньгах?

– Это вопрос или вы уже знаете ответ?

– Откуда же мне знать ответ?

– Вот об этом я и спрашиваю.

– Вы все еще мне не доверяете?

– Признайтесь, разве вас хотя бы разок не посещала мысль, что это я накропала анонимное письмо?

– У меня не такой извращенный ум, чтобы такое предположить. Все, я пошел спать. Если завтра утром вы все еще будете подозревать меня в том, что я негодяй, то нам останется только распрощаться. Продолжим поиски каждый сам по себе.

– Прекрасная мысль! – сказала она, вставая.

Я убедился, что никаких заигрываний с ее стороны не было и в помине. Я расплатился по счету и ушел.

В номере, усталый, раздосадованный, злой, я завалился спать. Вот выплусь хорошенько – и сразу во всем разберусь. Но я ошибался.

Элиноор-Ригби

Грубиян, и чувства юмора никакого. Отшвырнул меня, как рванный носок! Правда, оплатил счет, и это галантно с его стороны. Да и я сама плохо с ним поступила. Но это не помешало мне страшно разозлиться. Мэгги сказала бы, что если бы ему не в чем было себя упрекнуть, то он бы не дал деру, как застигнутый с поличным воришка. Да и эти его махинации с мебелью – доказательство, что он не отличается кристальной честностью. Хотя возможно, что все с точностью наоборот: он сбежал, потому что я его обидела, и на самом деле напрасно я его в чем-то подозреваю.

Я вернулась в отель с надеждой, что сон поставит мои мозги на место. Сидя по-турецки на кровати, я переслала себе на электронную почту с айфона фотографии, сделанные в библиотеке, и включила ноутбук. Я собиралась погрузиться в чтение «Индепендент», но вдруг вспомнила, что записала на листочке одну фамилию. Нашла листочек в кармане пальто и стала читать статью о человеке с этой фамилией.

Клан Стэнфилдов, возглавляемый Ханной, женой Роберта Стэнфилда, принадлежит к числу самых влиятельных в Балтиморе.

Роберт Стэнфилд, герой Второй мировой войны, обязан жене своим нынешним положением: он один из известнейших в стране торговцев предметами искусства.

Через несколько дней под их эгидой состоится престижный аукцион, где покупателям со всего мира будут предложены полотна Фрагонара (оценочная цена 300 тысяч долларов), Латура (600 тысяч), Дега (450 тысяч), Вермеера (1 млн долларов).

Роберт Стэнфилд познакомился с Ханной во Франции в 1944 году.

Стэнфилд вернулся домой на корабле, вместе с невестой, спустя два года ставшей его женой. Находясь в натянутых отношениях с отцом, сначала он поселился с женой в Нью-Йорке.

В 1948 году на Мэдисон-авеню открылась галерея Ханны Голдштейн. Преследуемая тогда многочисленными кредиторами, семья Стэнфилдов, прикрывшись девичьей фамилией Ханны,

приступила к распродаже унаследованной ею коллекции живописи, что позволило молодой чете утвердиться на этом рынке. Ханна Голдштейн имела представление об этом мире. Ее отец, павший жертвой нацизма, в период между двумя мировыми войнами успешно торговал предметами искусства и пользовался прекрасной репутацией. Среди его клиентов были Рокфеллеры и Уайлденштейны. Галерея Ханны Голдштейн быстро стала процветающим предприятием. В 1950 году, выплатив долги родителей Роберта Стэнфилда, трагически погибших в автокатастрофе, Роберт с супругой поселились в Балтиморе. Ханна выкупила у банков закладные на семейную недвижимость и взяла управление ею в свои руки.

В 1951 году открылся филиал галереи в Вашингтоне, в 1952-м – в Бостоне.

Торговля картинами продолжалась, состояние Стэнфилдов значительно выросло.

Помимо продажи предметов искусства Стэнфилды также занялись недвижимостью. Они приняли участие в оборудовании у нас в городе поля для гольфа и открытии клуба; один из корпусов городской больницы носит имя Сэма Голдштейна в благодарность за вклад его дочери в модернизацию лечебного заведения. Клан участвует в обширной программе обновления доков, которую поддерживает мэрия. Известно о финансировании ими строительства нового Дворца конгрессов – гордости Балтимора.

Но вернемся к их истории. Пусть даже личная жизнь и нравственность этих людей мало занимает читателей нашей газеты, однако мы вправе поставить под сомнение надежность их репутации в тот момент, когда они начинают борьбу за пост губернатора штата. Например, нас интересуют героические подвиги Роберта Стэнфилда, о коих ничего не может сказать военное ведомство, а также обстоятельства наследования Ханной отцовской коллекции.

Как столь ценные произведения искусства попали в США? Где они хранились в годы войны? Как коллекцию Сэма Голдштейна удалось уберечь от нацистов, которые, как известно, систематически присваивали собственность еврейских семей? Кто прятал его картины? Кто выступал посредником? Как они снова оказались у Ханны Стэнфилд? Все

эти секреты тщательно охраняются семьей, которая решила распространить свое влияния с города на целый штат.

S.A.S. [\[5\]](#)

Я не знала, кто распорядился поставить эту статью в номер, но достаточно разбиралась в этой профессии, чтобы не сомневаться, что она была написана с намерением причинить вред. В наши дни подозрения, на которые она наводила, вряд ли многих насторожили бы, но я представляла себе, что в 80-е годы реакция могла быть совсем другой. Поиск в интернете привел меня на архивный сайт с коротким текстом. Из него следовало, что Роберт Стэнфилд снял свою кандидатуру с губернаторских выборов после несчастья, постигшего его семью. В тексте не приводилось подробностей. Я записала себе, что с этим надо будет разобраться.

Июнь 1944 г.

Солнце еще не взошло, но уже светало. Два партизана, несшие караул, боролись со сном. В лесу было тихо, вокруг охотничьей сторожки – ни души.

Сама она была совсем невелика, но жильцы устроились там вполне удобно. На первом этаже находилась жилая комната, за каменным очагом – кухня, люк в полу вел в подвал. За дверью справа – комната Сэма и его дочери, слева – жилище Роберта. Наверху, на чердаке, приспособленном под общую спальню, разместились пятеро партизан. Было пять часов утра. Роберт проснулся, поспешно побрился в кухне перед зеркальцем и собрал рюкзак.

– Не бери револьвер, – посоветовал ему итальянец Титон. – Если наткнемся на патруль, нас обыщут. Надо, чтобы нас приняли за местных крестьян.

– Крестьяне, как же, с вашим-то выговором! – прыснул Морис. – Отдадите патрулю документы – и молчок.

– Поторопитесь, – подал голос их третий товарищ, – ворота фабрики открываются в шесть, единственный способ не попасться – войти вместе с остальными рабочими.

Задачей Титона и Роберта было проникнуть в патронный цех.

– Скажете мастеру в цеху пароль: «Сегодня утром голуби взлетели в небо». Получите у него все необходимое.

– Что потом? – спросил Титон.

– Потом смешаетесь с остальными и незаметно подложите под линию сборки наших малышей.

«Малышки» представляли собой куски тайком отпиленной водосточной трубы, плотно заткнутые с двух сторон. В одной из пробок было отверстие и торчал фитиль. Отрезки трубы были начинены взрывчаткой: ею снабдили подпольщиков работавшие в каменоломнях шахтеры, сочувствовавшие Соппротивлению.

– В полдень у рабочих перекур, они выходят во двор. Вы поджигаете фитили и считаете: сантиметр в секунду. В общей сложности у вас две

минуты, чтобы скрыться. После взрыва воспользуетесь всеобщей суматохой и убежите.

Над неостывшими углями висел котелок, Роберт и Титон налили себе из него по миске супа. Надо было подкрепиться, возвращение в сторожку намечалось только с наступлением темноты.

Из своей комнаты вышли Голдштейны. Сэм пожал Роберту руку, потом обнял и прошептал ему на ухо:

– Будь осторожен, у меня нет никакого желания выполнять обещание.

Ханна молча наблюдала за ними, опершись о дверь. Роберт помахал ей, взял свое снаряжение и вышел следом за Титоном.

Они спустились по тропинке и нашли под деревом на лужайке дожидавшийся их двухместный велосипед. Роберт сел на заднее седло, Титон крутил педали. Он спросил, есть ли у Роберта что-то с еврейской девушкой. Все видели, как она смотрела на него, когда провожала.

– Она слишком молода, – сказал Роберт.

– Il cuore pien di dibolesses, – пробормотал Титон.

– Не понимаю.

– Так говорят у нас в Тревизо. Жаль, что у этого ребенка сердце полно печали... Зачем ты, американец, воюешь здесь, так далеко от своего дома? – спросил Титон.

– Сам не знаю. Наверное, это бунт против отца. Мое сердце было полно романтических идеалов.

– Дурак ты, коли так. В войне ни на грош романтики.

– Ты тоже воюешь вдали от своего дома.

– Я здесь родился, мои родители приехали сюда в 1925 году. Но для французов я всегда останусь иностранцем. Они нас не жалуют. Я тоже всегда находил их странными. Наши родители вечно нас обнимали и целовали, а французы к своим детям не притрагиваются. В детстве я думал, что они их не любят, а на самом деле они просто не умеют проявлять свои чувства.

– Раз у них столько недостатков, зачем ты за них сражаешься?

– Я воюю с фашистами, где бы они ни были. Если кто-нибудь еще спросит тебя, каким ветром тебя сюда занесло, ты тоже так отвечай, тебе же лучше будет.

Через десять километров их остановили на перекрестке жандармы.

Титон и Роберт предъявили документы. Как они условились, говорил один Титон. Дескать, они рабочие, идут на патронный завод. Пропустите, мол, а то мы опоздаем, бригадир задаст нам жару и урежет получку.

Один из жандармов, подойдя к Роберту, спросил, не проглотил ли тот

язык.

– Он глухонемой, – объяснил Титон.

Старший патруля приказал им слезть с велосипеда и грубо толкнул Роберта, тот сгоряча выругался и выдал себя.

Двое на четверых жандармов – силы были неравными, но исход драки еще не был ясен. Титон так врезал старшему, что тот рухнул. Роберт набросился на другого патрульного и повалил его на землю. Третий со всей силы пнул Роберта ногой в бок, и у него перехватило дыхание, затем ударил ногой в скулу и подбородок, и Роберт потерял сознание. Итальянец повалил жандарма, но тут четвертый выхватил оружие и трижды выстрелил.

Титон погиб на месте. Жандармы оттащили его тело на обочину, на земле остался длинный кровавый след. Роберта заковали в наручники и забросили в кузов грузовичка.

В комиссариате его раздели догола и привязали к стулу. В комнате было трое коллаборационистов. Перед этим они пытали женщину, теперь та извивалась от боли на полу. Роберту еще не приходилось подвергаться насилию, он не знал, что такое страдание, как пахнет кровь вперемешку с мочой. Сначала ему отвесили пару оплеух, от которых он опрокинулся вместе со стулом. Двое подручных подняли его, и мучитель снова принялся за дело. Так прошел час, вопросов ему не задавали. Дважды Роберт терял сознание, оба раза его приводили в чувство, окатывая ледяной водой из ведра.

Потом его повели в камеру. В коридоре он чуть не наступил на израненного человека, лежавшего на соломе. Роберт задержал на нем взгляд, и конвоир крикнул:

– Знаешь его, что ли?!

Партизан взглядом подсказал Роберту, чтобы тот отрицательно помотал головой.

В полдень его вернули в пыточную и снова принялись бить. В самый разгар избиения вошедший полицейский приказал подчиненным прекратить экзекуцию и выйти.

– Инспектор Валье. Сожалею, что вы подверглись такому обращению, – начал он. – Мы приняли вас за англичанина, но вы ведь американец? Ничего не имею против ваших соотечественников, наоборот. Гэри Купер, Джон Уэйн – парни что надо! Моя жена без ума от Фреда Астера. По мне, он немного женственный, но должен признать, он умеет вытворять ногами нечто невероятное.

И Валье исполнил в подтверждение своих слов чечетку – вероятно, желая разрядить обстановку.

– Я человек любопытный, такая уж профессия. Вот и спрашиваю себя: зачем американцу понадобилось куда-то ехать на велосипеде в компании террориста? Прежде чем вы ответите, позвольте, я поделюсь с вами двумя предположениями, пришедшими мне на ум. Первое: он вас просто подвозил, вы знать не знали, что оказались в лапах у изменника. Второе: вы его сопровождали. Разумеется, у этих двух версий совершенно разные последствия. Дайте еще подумать, прежде чем я продолжу... Если он вас подвозил, то почему выехал один на велосипеде-тандеме? Сами понимаете, как-то не сходится, увы. Ведь если мое начальство задастся этим же вопросом, то я никак не сумею вырвать вас из их когтей. Пока старшие по званию не закончили обедать, я поделюсь с вами маленьким секретом. Есть две двери, ведущие из комиссариата. Одна открывается в маленький дворик: там вас расстреляют. Наши суды и так завалены делами террористов-французов, да и американец, примкнувший к ним на нашей территории, не имеет права на судебное разбирательство. Иностранных агентов судит военный трибунал, а у него приговор короткий: расстрел. Вот и соображайте теперь, что вы мне ответите. Вы молоды, у вас вся жизнь впереди, жаль, если она прервется уже через час. Ах да, что это я? Чуть было не забыл про вторую дверь. Вообразим: вы называете мне несколько имен и место, где прятались с товарищами по несчастью. В этом случае я с радостью снимаю с вас наручники и выпроваживаю на улицу. Ваши документы я сочту подлинными, после чего молодой Робер Маршан сможет вернуться восвояси. Представьте себе, как счастливы будут ваши родители, когда снова вас увидят! Может быть, у вас даже есть очаровательная невеста?

Инспектор Валье поднял глаза на стенные часы.

– Слышите? Тик-так, тик-так! – Он потрогал себя за ухо. – Мое начальство вот-вот покончит с едой. Жандармы поймали вас в западню, патрули стояли на всех перекрестках этой дороги. Нам известно, что вы скрываетесь где-то в чаще. Наши люди уже не одну неделю прочесывают лес, так что с вашей помощью или без нее всю группу схватят, не пройдет и пары дней. Умереть, чтобы ненадолго отсрочить неизбежное, неразумно, нет, просто глупо. А главное, доверившись мне, вы спасете жизнь своим друзьям. Если мы узнаем, где они засели, то их арестуют, не применяя насилия. Их окружают, и они сдадутся. А вот если отряд на них напорется, завяжется перестрелка, прольется кровь. Результат все равно будет тем же: арест и... Поступите с умом, спасете свою шкуру – спасете и своих товарищей. Позовите меня, когда примете решение. В вашем распоряжении не больше четверти часа.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Утром, лишь только Джордж-Харрисон вошел в столовую, я заговорила с ним о Стэнфилдах. Я полночи посвятила поиску следов их присутствия в городе, но ничего не нашла, даже адреса их знаменитой резиденции. Вспомнив, как моя мама отыскиала в Кройдоне моего отца, я сходила к дежурному за телефонным справочником. Дежурный прореагировал на мою просьбу так, как будто мне понадобилось что-то неприличное.

Когда Джордж допил кофе, я спросила, согласен ли он отправиться со мной в мэрию.

– Сначала вы опуститесь на одно колено и честь по чести попросите моей руки, – весело ответил он.

Я натянуто улыбнулась и заверила его, что если он очень постарается, то в следующий раз, когда он пошутит, я, возможно, сумею рассмеяться.

В мэрии мы распределили задачи. Мне достался архив актов гражданского состояния, где я собиралась выяснить, живы ли еще Ханна и Роберт, ему – отдел кадастра, чтобы узнать адрес их дома.

– Впрочем, если их уже нет в живых, то поиск завершится на кладбище, – заявил он.

– Если вы продолжите острить, то, боюсь, поиск прервется не начавшись.

* * *

Дом под номером 100 по Норт-Холидей-стрит оказался сооружением в стиле Второй империи, тщательно копирующим барочную архитектуру, с мансардой и внушительным куполом. Бывая в Штатах, я часто посещала официальные учреждения, размещавшиеся в подобных зданиях. Внутри нас встретил замысловатый лабиринт. Роберт на своей стороне и я на своей стучались в разные двери, но раз за разом не туда. Трижды мы сталкивались в центральном зале, откуда расходились коридоры, и в итоге

решили дальше ходить вместе. Мы блуждали по коридорам третьего этажа, пока какая-то женщина, увидев, что мы в который раз, охваченные унынием, возвращаемся на одно и то же место, не сжалась над нами и не вызвалась нас проводить.

Она хорошо ориентировалась в этом гиблом месте и указала нам с балюстрады коридор этажом ниже.

– Держите курс на юг, – подсказала она. – Упретесь в стену, повернете направо, потом налево – и вы у цели.

– Где именно мы тогда окажемся? – поинтересовался Джордж-Харрисон.

– В департаменте актов гражданского состояния. Только скорее, в полдень он закрывается.

– Как попасть на лестницу?

– Для этого надо двигаться на север, – подсказала она, оглядываясь на ходу. – Спуститесь на первый этаж и пойдете обратно, обойдете зал и продолжите движение в ту же сторону.

– А кадастр? – пискнула я.

– Вы, случайно, не слышали о старом балтиморском клане Стэнфилдов? – наудачу спросил Джордж-Харрисон.

Женщина приподняла бровь и поманила нас за собой. Мы спустились в центральный зал, откуда начались наши блуждания. В шести нишах по его периметру стояли шесть статуй. Наша провожатая указала на горделивого господина в сюртуке и алебастровом цилиндре, важно положившего руку на набалдашник трости.

– Фредерик Стэнфилд, 1842–1924, – весело заговорила она. – Если вы ищете его, то вам хватит этой дощечки, департамент можно не искать. Он был одним из основателей города и архитектором этого здания. Проект был представлен перед самым началом Гражданской войны, строительство началось в 1867 году и длилось восемь лет. Оно стоило всего ничего, восемь миллионов долларов – правда, тогдашних. Чтобы представить себе, сколько это в сегодняшних ценах, придется умножить сумму на сто. Мне бы хоть четверть от этих денег, и я свела бы бюджет без дефицита.

– Простите мое любопытство: вы кто? – спросила я.

– Стефани Роулингс-Блейк, – ответила мэр Балтимора. – Рада вас приветствовать. Только не приписывайте мне больше познаний, чем у меня есть, просто я каждый день прохожу мимо этих скульптур.

Мы горячо ее поблагодарили и, прежде чем отпустить, спросили, остался ли в Балтиморе кто-нибудь из Стэнфилдов.

– Понятия не имею, – ответила она. – Зато знаю кое-кого, кто может

удовлетворить ваше любопытство.

Она достала свой мобильный, подождала, пока я сделаю то же самое, и продиктовала номер телефона.

– Профессор Шейлок – наш ходячий справочник, непревзойденный знаток истории Балтимора. Он преподает в университете Джонса Хопкинса. Он чрезвычайно занят, но вы сошлитесь на меня, и тогда, уверена, он вам поможет. Он – автор всех нудных речей, которые я произношу по торжественным случаям. Но это строго между нами. Все, вынуждена с вами проститься, меня ждет муниципальный советник.

И она исчезла так же незаметно, как появилась.

– Не надо меня благодарить, – буркнул Джордж-Харрисон.

– Благодарить за что?

– За то, что я сообразил расспросить мэра. Так я сэкономил нам целый день.

– Можно подумать, вы знали, что она мэр! Надо же было такое придумать! Между прочим, если бы мы не отправились в библиотеку, то вообще не узнали бы о существовании Стэнфилдов.

– Первое: вы невероятно изворотливы. Второе: к вашему сведению, от того, что вы лишний раз скажете спасибо, язык у вас не отсохнет. Третье: зачем нам эти ваши Стэнфилды?

– Если бы вы выслушали меня сегодня утром, то не задали бы этого вопроса. Стэнфилды, Ханна и Роберт, были крупными коллекционерами живописи. Кроме того, они занимались торговлей недвижимостью в городе, были щедрыми благотворителями. Теперь о них никто даже не упоминает. О них можно прочесть только в двух статьях: одна – в «Индепендент», другая – в «Сан». Есть еще заметка про то, что Роберт Стэнфилд отказался баллотироваться в губернаторы из-за какого-то несчастья в семье, но о том, что это за несчастье, не сказано ни слова. В политике молчание стоит дорого. Так что можно не сомневаться: они были могущественны.

– Ладно, Стэнфилды могущественные люди. Нам-то какое до этого дело?

– В письме вашей матери говорится о некой драме... Перечитайте это место. Неужели оно не кажется вам подозрительным? Впрочем, если у вас есть версия поинтереснее, я готова вас выслушать.

Джордж-Харрисон позвенел у меня перед носом ключами от своего пикапа.

– Поедем в университет Джонса Хопкинса. По пути позвоните профессору Шмолеку.

– Шейлоку! А вы признайте, что я хороший журналист – язык небось

не отсохнет!

* * *

Профессор принял нас в разгар дня. Рекомендация мэра распахнула перед нами двери его кабинета, хоть и не сразу. Сначала его секретарь швырнула трубку, но Джордж-Харрисон отнял у меня мобильный и добился встречи.

Шейлок собирал после лекции свои записи; немногочисленные студенты беззвучно покидали аудиторию. Почесывая шею и недовольно морщась, профессор спустился с кафедры. Редкие седые волосы едва прикрывали затылок, зато густая борода была едва тронута серебром. Несмотря на изрядно поношенный костюм, старый профессор выглядел элегантно. Мы представились, он выразил явное неудовольствие, однако, помахав в воздухе очками, пригласил нас следовать за ним.

В своем кабинете, пропахшем воском и пылью, он указал на два пустых кресла и уселся за стол. Выдвинул ящик, достал коробочку болеутоляющего и проглотил две таблетки.

– Чертов радикулит! – простонал он. – Если вам нужен совет преподавателя на будущее, то вот он: умереть, не успев состариться!

– Очень великодушно с вашей стороны, но, увы, мы уже не совсем в студенческом возрасте, – ответил Джордж-Харрисон.

– Говорите за себя! – одернула его я.

Шейлок водрузил на нос очки и стал по очереди рассматривать нас обоих.

– Вообще-то он прав, – заключил Шейлок, почесывая подбородок. – Если вы пришли приставать ко мне не как к университетскому профессору, то чем я могу быть вам полезен?

– Расскажите нам про Стэнфилдов.

– Понятно. – Он выпрямился в кресле и скорчил чудовищную гримасу. – Чем мельче фрагмент истории, тем больше усилий он требует от историка. Его работа начинается с книг. Я не устаю повторять это своим студентам. Если вас занимает жизнь Фредерика Стэнфилда, то, прежде чем отнимать у меня время, загляните в библиотеку.

– Нет, Ханна и Роберт, последние в роду – вот кто нас интересует. Ничего не могу о них отыскать. Я долго рылась в интернете, целую ночь этому посвятила!

– Замечательно, передо мной будущий великий историк! Она целую

ночь копалась в энциклопедии нелепостей. Какая глупость! Неведомо кто сваливает неведомо что в этот ваш виртуальный чулан. Первый попавшийся болван выкладывает свои измышления, любые бредни, какие придут ему в голову, не имеющие ничего общего с правдой. Никто уже не удивляется тому, сколько там набралось небылиц и попросту вранья. Завтра вы прочете, что Джордж Вашингтон неподражаемо танцевал танго – и сотня кретинов поверит в это, как в истину в последней инстанции. Скоро в Гугле будут искать совета, когда лучше мочиться, чтобы избежать рака простаты. Что ж, вас направил ко мне человек, перед которым я в долгу, и я должен вам помочь. Давайте не тратить время попусту. Что вы хотите узнать о Стэнфилдах?

– Что с ними стало.

– То же самое, что происходит с любым человеком в определенном возрасте: они умерли. С вами это тоже в свое время случится.

– Давно? – спросил Джордж-Харрисон.

– Роберт Стэнфилд скончался в восьмидесятих годах, точной даты не знаю, его жена – несколько позже. Ее машину выудили из воды неподалеку от доков. Она была вне себя от горя, нет сомнения, что это было самоубийство.

– Вы прочли это в интернете или располагаете доказательствами? – уточнил Джордж-Харрисон.

Он нисколько не боялся этого старого ворчуна и грубияна, а потому заработал в моих глазах сразу десять баллов.

Шейлок вскинул голову и впился в него прокурорским взглядом:

– Скажите пожалуйста! И как вам хватает наглости говорить со мной таким тоном?

– Действительно, странно, тем более что у вас в кабинете даже воздуха не хватает, – невозмутимо произнес мой друг.

Еще десять баллов!

– Верно, я обошелся с вами не очень вежливо. Когда вы будете мучиться болями в пояснице так же, как я, посмотрим, в какое вы придете настроение. Нет, доказательствами я не располагаю. Никто не снимал на видео конгресс в Филадельфии в 1774 году, что не мешает нам знать, что совершили отцы-основатели. История базируется на умозаключениях, сопоставлении фактов и событий. Вернемся к женщине, о которой идет речь. Мне известно, что утром она собрала слуг, рассчиталась с ними, покинула дом и больше туда не возвращалась. Вы верите, что человек ее положения мог отправиться в путешествие по стране автостопом?

– Что за драма произошла в их семействе? – спросила я.

– Не драма, а драмы. Сначала война с ее несчастьями, потом гибель их старшей дочери и сына Эдварда, а с ним и их династии. Ханна, как многие матери, бесконечно любила сына. Он был для нее всем. Величие Стэнфилдов угасло за несколько месяцев. Их негласно обвиняли в попытке мошенничества со страховкой, замаскированной под ограбление, которому они якобы подверглись. Поговаривали, что несчастный случай с Эдвардом, приключившийся за несколько недель до его объявленной женитьбы, был подстроен. Наконец, об аукционе, отмененном в последний момент, ходили слухи, будто в его каталоге фигурировали завышенные цены. Многовато сплетен для провинциального города. Стэнфилды жили на широкую ногу – и вдруг люди их уровня отказались иметь с ними дело. Их дела пришли в упадок, и я уверен, что Ханна Стэнфилд предпочла смерть одиночеству и бесчестию. Роберт умер от сердечного приступа, но это не мешало злым языкам утверждать, будто она его отравила. Какая низость! Известно же, что он скончался в объятиях любовницы.

– Почему о них никогда ничего не писала пресса?

– Повторяю, Балтимор – провинциальный город. У миссис Стэнфилд хватало недругов-клеветников, но были и влиятельные друзья. Полагаю, главным редакторам нашей местной прессы хватило великодушия не усугублять ее горе. Она достаточно их поддерживала, пока была в силе.

– Что они могли бы написать, но не написали? – спросила я.

– С тех пор прошло более тридцати лет. Почему вы заинтересовались Стэнфилдами?

– Это долгая история, – сказала я со вздохом. – Вы говорите, что История базируется на умозаклчениях, сопоставлении фактов и свидетельств. Вот я и пытаюсь их сопоставить.

Шейлок подошел к окну и стал глядеть на улицу с отсутствующим видом, словно погрузился в недалекое прошлое.

– Я несколько раз сталкивался с ними на светских раутах. Университетский профессор, пекущийся о своей карьере, должен время от времени показываться в свете. Личная встреча была всего одна. Мне взбрело в голову издать биографию основателей Балтимора. Я так ее и не закончил. Роберт был единственным потомком Фредерика Стэнфилда. Я к нему обратился, он принял меня у себя дома. Это был человек сдержанный, но великодушный. Он вел себя со мной предупредительно, впустил в свою библиотеку, угостил потрясающим виски «Макаллан Файн» 1926 года. Даже в те годы в мире вряд ли оставалось больше десятка таких бутылок. Когда тебе выпадает шанс хоть раз в жизни попробовать нечто подобное, это вызывает незабываемые ощущения. Мы долго говорили, и

любопытство заставило меня задать ему вопросы о его прошлом, о том, как он служил добровольцем во время Второй мировой войны. Роберт отправился сражаться во Францию еще до высадки – редкий случай, достойный внимания. Большинство наших соотечественников, отправленных в Европу в начале 1944 года, находились в Англии. Я знал, что именно тогда он познакомился со своей будущей женой, и тайно надеялся пересказать их историю в своей книге, протянув тем самым ниточку между славным прошлым его предка и его собственным. Когда я об этом заговорил, вошла его жена. Роберт тут же умолк и свернул нашу беседу. За свою жизнь я собрал немало свидетельств и умею вытягивать из людей правду, как вы делаете сейчас со мной, но объяснить скрытность Стэнфилдов мне не под силу. Одно несомненно: Ханна оказывала на своих близких сильное влияние. Мне хватило нескольких минут в этом кабинете в присутствии их обоих, чтобы почувствовать ее власть. Она всем заправляла, принимала все решения. Тогда она проводила меня до двери вежливо, но твердо, дав понять, что мое присутствие более нежелательно. Что еще сказать? Все остальное – сплетни, а это не по моей части.

– Раз вы там побывали, то, может, скажете, где находится этот дом?

– Не просто дом – целый замок. Я состою в обществе охраны исторического наследия. Мы с коллегами решительно протестовали, когда один из бесстыжих застройщиков добился разрешения его снести и построить на его месте роскошный кондоминиум. Из-за этих махинаций гибнет наше историческое достояние. Купоны с этого стришет привилегированная кучка негодяев. Коррупция и алчность – вот главные недуги этого города. Прежний мэр обжег на этом крылышки, но та, что его сменила, – особа не робкого десятка. В противном случае ее рекомендация на меня не подействовала бы, и я не стал бы с вами разговаривать после окончания лекции. Кстати, время бежит, у меня скоро следующая лекция.

– Какой он был, их дом? – не отставала я.

– Благополучный, богато обставленный, увешанный шедеврами живописи. Увы, все это великолепие теперь в прошлом.

– Что стало с коллекцией картин?

– Миссис Стэнфилд избавилась от нее, думаю, по необходимости. Не без трудностей, о причинах которых я уже говорил. Жаль вас разочаровывать, но от коллекции не осталось и следа, все поглотило безжалостное время.

Шейлок проводил нас до двери кабинета и пожелал попутного ветра.

Джордж-Харрисон долго молчал, сидя за рулем пикапа, прежде чем тронуться с места. Я терпела минут десять, а потом все-таки спросила, куда

мы едем.

– Не спорю, на долю Стэнфилдов выпало немало бед, но они не одни такие, отсюда вывод, что...

– Все, ваша взяла, я подумала о том же. Я запуталась. Хуже всего то, что я не знаю, в какую сторону идти дальше.

– Тем не менее, – продолжал Джордж-Харрисон, останавливаясь перед полицейским участком, – одна фраза вашего профессора Шейлока навела меня на интересную мысль.

– Кража, о которой он упомянул? Я тоже об этом подумала. Но в городе такой величины каждый день происходит по несколько событий такого рода, включая мошенничества со страховками.

– Кто бы спорил! Но я не об этом, а о виски «Макаллан Файн» 1926 года.

– Вы любитель крепких напитков?

– Нет, так же как и моя мать. Тем не менее у нее была такая же бутылка. Я все детство на нее смотрел. Она стояла на полке в буфете. Каждый год, в октябре, мать наливала себе из нее крохотный наперсток. Теперь я знаю, какая это драгоценность, и лучше понимаю почему. В конце концов я не выдержал и потребовал у нее объяснить, что все это значит, но она не пожелала.

– Возможно, я выступлю адвокатом дьявола, но бутылок такого виски наверняка насчитывается не меньше, чем несчастий и краж.

– Только не 1926 года. Таких во всем мире осталось не больше десятка, как поведал нам профессор, а он, похоже, знает, о чем говорит. В совпадение я не верю. «Макаллан» моей матери наверняка был из винного погреба Роберта Стэнфилда.

– Думаете, это то самое сокровище, о котором говорится в письме?

– Можно было бы узнать, сколько стоит эта марка, но я сомневаюсь, что это и есть сокровище. Вот смехота! Уверяю вас, она выпила все, до последней капли. У меня ощущение, что мы следуем по заранее намеченному для нас пути. Хотелось бы знать, кто его проложил.

– Думаете, встреча в мэрии тоже не была случайной?

– Так далеко я бы не заходил, а вот встреча со Шмилеком...

– Шейлоком!

– С ходячим справочником, как выразилась госпожа мэр. Сначала анонимные письма заставляют нас встретиться под фотографией наших мамаш. Эта фотография приводит нас в архив «Индепендент». «Индепендент» натолкнула нас на мысли о Стэнфилдах. Рано или поздно мы обнаружили бы и статую. Все вместе приводит нас к вашему

профессору.

– Вы его подозреваете?

– А что, нельзя? Кому, как ни ему, знать, что на самом деле произошло в доме Стэнфилдов?

– Он с трудом передвигается, это могло заставить его сделать так, чтобы мы сами к нему пожаловали. Но как ему было установить между нами связь, как добыть наши адреса? Откуда ему знать о ваших поисках отца и еще много всего о нас, вплоть до имени моей сестры?

– Предположим, он знает несколько больше, чем притворяется, о той краже. А еще предположим, что он подозревает в ее совершении наших с вами матерей. Отсюда содержание письма. Вот вам и связь! Кроме того, он может быть вовсе не таким ярым противником интернета, каким прикидывается. Кстати, он ведь похвастался, что много чего вытянул из разных людей, такое уж у него ремесло...

– Думаете, он покушается на сокровище? У меня не создалось впечатления, что его интересуют деньги. Костюм его знал лучшие времена, не говоря уж о шевелюре...

– Для человека, обуреваемого истинной страстью, деньги не главное. Недаром профессор кичится членством в обществе охраны исторического достояния, или как там оно называется. Возможно, был похищен предмет колоссальной исторической ценности, и он считает своей миссией его найти.

– Браво, из вас получился бы прекрасный журналист-расследователь!

– Это, случайно, не комплимент?

Ирония во взгляде делала его невероятно привлекательным. И, честно говоря, уже не в первый раз. Мне захотелось его поцеловать, но я сдержалась.

Меня преследовала грозная тень Мэгги, только я не доверяла уже не Джорджу-Харрисону, а самой себе. Я не знала, куда меня заведет это приключение, каким будет его завершение. Я прилетела в Балтимор на короткий срок, редакция не позволит, чтобы я здесь долго прохлаждалась. Завести роман с Джорджем-Харрисоном, пусть даже мимолетный, – значит, все только осложнить.

– О чем думаете? – поинтересовался он.

– Ни о чем, просто недоумеваю, чего ради вы остановились у полицейского участка.

– Сейчас вы помашете своим журналистским удостоверением и очаруете копа, он нас примет с распростертыми объятиями и откроет нам полицейский архив. Если повезет, мы познакомимся с заявлением о краже,

а главное, с описанием того, что пропало.

– А если коп окажется женщиной?

– Тогда этим займусь я.

– Я уже видела вас в деле, для человека, заявляющего, что он не умеет обращаться с женщинами, вы действуете удивительно ловко.

Октябрь 1980 г., Балтимор

Войдя в лофт, Салли-Энн остолбенела. Дорожка из мерцающих огоньков – маленьких свечек в стаканчиках – вела в спальню. Она закатила глаза и вздохнула: Мэй трогательно романтична. Салли-Энн усматривала в этих знаках внимания докучливое принуждение к счастью, избыток сентиментальности, которая ей претила. И тут она заметила, что пол усеян стеклянными осколками. Она осторожно прошла в спальню, стараясь не пораниться, и толкнула дверь.

Мэй сидела по-турецки на кровати. На коленях была разложена газета, по щекам растеклись черные ручейки туши.

– Я так тебе доверяла! Как ты могла так со мной поступить? – проговорила она не то с вызовом, не то с тоской.

Салли-Энн догадалась, что Мэй узнала об отказе в кредите и роли Ханны в этом деле. Салли-Энн никому не говорила о случившемся не потому, что была слишком горда или слишком лжива: она мечтала о мести, то есть о публикации по крайней мере первого номера «Индепендент». После этого она сообщила бы сотрудникам, что первый номер станет последним и что все они отныне безработные. Ставить людей перед фактом не очень-то красиво, но в гневе не думаешь о приличиях.

– Ты перебила посуду от злости?
– Хотела успокоиться, но не вышло.
– Ты все узнала от Эдварда?
– Твой брат слишком труслив, он просто подонок.
– Ты не сообщила мне ничего нового, – заметила Салли-Энн, подходя к кровати.

Присев рядом с Мэй и глядя на ее грудь, обтянутую футболкой, она почувствовала прилив желания – наверное, от почти осязаемого напряжения, висевшего в воздухе.

– Почему ты ничего не сказала мне? – спросила Мэй.
– Хотела тебя защитить.
– От чего – от унижения? Или ты хотела доказать, что не напрасно

меня предостерегала? Тщеславие делает тебя настолько жестокой? Ты его презираешь, так почему решила защищать его мне во вред?

Засомневавшись в правильности своих догадок, Салли-Энн убрала с колен Мэй «Балтимор сан» и погладила ее колено:

– Ты, собственно, о чем?

– Прошу тебя, хватит врать. Ты и так натворила дел, не делай из меня дуру! – взмолилась Мэй.

– Хочешь правду? У нас осталось денег только на бумагу и на типографию, а на аренду и на зарплаты уже ничего нет, потому я и молчала. Ты, с твоей честностью, не позволила бы мне тянуть до последнего и уже всех распустила бы. К тому же забавы с моим братцем делали тебя такой счастливой, я не хотела портить тебе жизнь, хотя он меня бесит. Я была неправа, прости, только умоляю, давай останемся заодно до конца этой истории! Мы обязаны выпустить первый номер. Не сможешь меня просить – разойдемся в разные стороны, как только он выйдет в свет.

Мэй резко выпрямилась и вытаращила глаза:

– Теперь уже мне интересно, о чем, собственно, ты...

Они уставились друг на друга с недоверием и непониманием. Салли-Энн первой перешла в наступление:

– О последнем по времени подвохе, устроенном моей мамочкой: она сделала так, чтобы нам отказали в кредите. О чем еще мне говорить? Мы по уши в долгах, и чек, который она швырнула мне в лицо, беде не поможет. Напрасно ты колотила посуду, нам будет нечем ее заменить. Это все, у меня нет от тебя других секретов.

Мэй подняла с пола «Балтимор сан» и протянула Салли-Энн, показывая пальцем обведенное карандашом место: «На бале-маскараде, который состоится в замке Роберта Стэнфилда и его жены Ханны в конце месяца, будет отпразднована помолвка их сына Эдварда и мисс Дженнифер Циммер, дочери и единственной наследницы Фицджеральда и Кэрол Циммеров, владельцев банка, носящего их имя».

– Меня не пригласили, – поперхнувшись, с трудом проговорила Салли-Энн. – Никто не сообщил мне о помолвке родного брата! Ты узнала об этом из газеты? – удрученно спросила она, обнимая Мэй. – Клянусь, я ничего не знала!

Мэй тоскливо подвывала, прижавшись щекой к ее щеке.

– Не знаю, кого из нас унизили больше – тебя или меня, – продолжала Салли-Энн.

– Меня вышвырнули, как жалкую шлюху!

Мэй встала и поманила Салли-Энн пальцем. Из двери спальни можно

было любоваться фарфоровой посудой, отражавшей мерцание свечей.

– Я приготовила твоему брату ужин. Трижды ему звонила, и трижды ваш дворецкий отвечал мне, что у мистера Эдварда встреча, и обещал передать ему то, что я сказала. Я ждала его, читая газету. Из нее и узнала, что он не придет. Ты можешь себе представить такую жестокость? Думаю, его трусость злит меня еще сильнее, чем вранье. Затащил меня на свой остров, клялся в любви! Какая же я дура! Не смей напоминать, что ты меня предупреждала.

– Все еще хуже, чем ты думаешь. Тут не просто трусость, тут заговор моей матери и брата. Ты от меня отдалялась, а они тем временем воткнули мне нож в спину. Дочь ударили в спину, потом тебя – прямо в сердце.

Мысли о пагубном влиянии Ханны Стэнфилд погрузили обеих в молчание.

– Давай-ка сядем, – наконец заговорила Мэй. – Я приготовила вкусный ужин и накрыла свой письменный стол.

Они взяли табуретки и уселись друг против друга.

– Мы этого так не оставим! – прошипела негодующая Салли-Энн.

– Нас предали, разорили. Что ты предлагаешь?

Мэй вспоминала свой уик-энд на острове Кент. Несколько дней назад она была счастлива, но Эдвард отнял у нее счастье. Салли-Энн разглядывала ту часть лофта, которую Кит переоборудовал под редакцию. Несколько дней назад здесь родилась газета «Индепендент», но мать отняла у нее любимое детище.

– Мы вернем то, что нам принадлежит, – бросила она.

– Нет, негодяя братца оставь себе.

– Я не о нем, а о газете.

– Как это сделать без денег? – спросила Мэй, подходя к газовой плите и зажигая конфорку, чтобы разогреть суп из кресс-салата.

– Отец хранит в сейфе целое состояние, облигации казначейства. Это излюбленное средство платежа у любителей живописи, так они уходят от налогов. Официально картину перепродают по той цене, за которую прежде приобретали, а разницу получают таким способом. Никто ничего не видел и не знает. Облигации анонимны и обмениваются на живые деньги в любом банке, а там не требуют отчета об их происхождении.

– Вот только они лежат в сейфе твоего отца, а мы не грабительницы.

Мэй со вздохом поставила на стол супницу. Не об этом она мечтала, когда возилась на кухне...

– Кто говорит об ограблении? Стэнфилды обязаны своим состоянием тому, что им оставил мой дед: картинам и репутации. Но его моральный

дух унаследовала одна я. Если бы он видел, как поступает сейчас его дочь, он бы возмутился и первым захотел бы мне помочь.

– Прекрасно, – сказала Мэй, наполняя тарелки, – если бы ты получила причитающуюся тебе часть наследства, то это не было бы грабежом, но я бы удивилась, если бы родители отдали ее тебе.

– Вот поэтому мы и заберем ее сами.

– Салли, если родители не соизволили пригласить тебя на помолвку брата, я очень сомневаюсь, что они распахнут перед тобой дверцу сейфа.

– Ключ от сейфа в сигарном ящике, который отец держит в мини-баре своего кабинета.

– Ты что же, вздумала лазить по крышам под покровом ночи? Хочешь залезть в кабинет и стащить облигации казначейства, пока твои родители и их слуги спят? Слушай, это же не кино!

– Насчет ночи ты права, только мы войдем и выйдем через парадную дверь, с гордо поднятой головой, у всех на виду!

Мэй схватила бутылку вина. Это было «Шато-Малартик-Лагравьер». Салли-Энн присвистнула:

– Семидесятый год! Ты серьезно подготовилась! Слабое утешение, но я хотя бы выпью этот нектар вместо него.

– Ты и так кипишь от злости, может, не стоит поднимать градус?

Салли-Энн с упрямым видом плеснула вина себе в бокал и подняла его, чтобы чокнуться. Мэй выпила свое вино молча.

– Ну все! А теперь к делу. Когда ты собираешься сообщить всем нашим, что мы не сможем им платить?

– Этого не случится. Мы заплатим им и за первый номер, и за остальные.

– Брось, это смешно, тебе не выйти оттуда с отцовскими облигациями. Сначала надо, чтобы тебя туда впустили.

– Они не будут знать, что это мы. Не в этом ли смысл бала-маскарада?

– Извини за занудство, но мне кажется, что тебя туда не приглашали.

– Нет, но я знаю, как это исправить. Мы обе туда пойдем.

И Салли-Энн объяснила свой план. Для Мэй он был рискованным: ей предстояло проникнуть в дом Стэнфилдов и подделать список приглашенных.

Она категорически отказалась соваться в логово Эдварда. С ней обошлись там как со шлюхой: в ту ночь, которую она провела с ним, он выпустил ее через дверь для прислуги. Однако Салли-Энн проявила сокрушительную способность убеждать, ничуть не меньшую, чем у матери, частенько пускавшей ее в ход.

Под конец ужина Мэй разлила по бокалам остатки бордо. Подруги чокнулись, лукаво переглянувшись.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Я предъявила журналистское удостоверение, но ожидаемого эффекта оно не произвело. Полицейский, общавшийся с нами, не понимал, с какой стати журнал, специализирующийся на красотах природы и путешествиях, интересуется уголовным делом давнего 1980 года. Я пыталась что-то объяснить, но неудачно. Ему наскучило мое мычание, и он посоветовал обратиться с составленным по всем правилам заявлением в соответствующие инстанции. Сколько нам придется дожидаться хоть какого-то результата?

– Понадобится время, – заявил он. – У нас не хватает людей.

И полицейский снова погрузился в чтение романа, от которого мы его оторвали.

Поняв, что я сейчас взорвусь, Джордж-Харрисон положил руку мне на плечо.

– Не печальтесь, мы что-нибудь придумаем, обещаю, – сказал он.

– Печаль, – пробурчал полицейский, – это когда утром не хочется идти на работу, а вечером – домой. Я знаю, о чем говорю.

– Это вы верно подметили, – подхватил Джордж-Харрисон, – мне такое тоже знакомо. Зато вы наверняка не знаете, каково это – писать книгу и внезапно застопориться. Полицейский поднял глаза.

– Мы здесь не как журналисты, мы пишем роман, и это дело – сердцевина всей интриги. Нам нельзя отступать от правды. Поймите, протокол того времени придал бы нашему роману необходимый оттенок подлинности.

– Что за роман-то?

– Детективный.

– Детективы – мое любимое развлечение. Моя жена читает только про любовь, но сколько ни читает, никакой любви от нее не дождешься.

Смущенный собственной откровенностью, полицейский поманил нас пальцем и, наклонившись над столом, зашептал:

– Если вы назовете какого-нибудь героя моим именем, я вам, так и быть, помогу. Необязательно главного героя, но кого-то из первого ряда,

положительного! Представляю себе, как жена вытаращит глаза, когда прочтет обо мне в книге!

Полицейский и Джордж-Харрисон скрепили сделку рукопожатием, после чего мы ответили на вопросы о том, что конкретно хотим разыскать.

Спустя полчаса полицейский принес пыльную бежевую папку, раскрыл ее и стал читать, поглаживая подбородок, словно уже представлял себя соавтором шедевра.

– Ваше ограбление произошло 21 октября 1980 года, примерно в девятнадцать часов. Дело закрыто, виновный не найден. Потерпевшие – некие миссис и миссис Роберт Стэнфилд, дававшие в тот вечер прием. Видимо, грабитель вошел с толпой приглашенных. Из сейфа пропали облигации казначейства на общую сумму в сто пятьдесят тысяч долларов, что в нынешних ценах равно полутора миллионам. Это кем надо быть, чтобы держать дома такую кучу денег? Правда, тогда еще не вошли в оборот кредитные карточки. Тут еще сказано, что сейф не был взломан. По моему мнению – а я дока в таких делах, – тот, кто это провернул, был в доме не чужой. Или имел там сообщника. Как я погляжу, допросили весь персонал, включая сотрудников службы кейтеринга. В деле три десятка показаний. Как водится, никто ничего не видел и не слышал. Фокус проделали незаметно.

Полицейский продолжал читать, иногда качая головой, как будто влез в шкуру сыщика, расследующего дело.

– Пропажу обнаружили около полуночи, когда хозяйка пришла запереть в сейф свои драгоценности. Без пятнадцати час вызвали полицию. За это время они, видимо, успели прийти в себя и определить ущерб.

– Не могла же она щеголять вечером во всех своих драгоценностях! Грабитель не прихватил ничего другого?

– Ничего, – ответил полицейский, помотав для пущей убедительности головой. – О драгоценностях в заявлении нет ни слова.

– По-вашему, это нормально? – спросил Джордж-Харрисон.

– За всю свою карьеру я ни разу не сталкивался ни с чем нормальным. Там поработал профессионал, нисколько в этом не сомневаюсь. Он не стал брать того, что было бы трудно сбыть. Я поделюсь с вами профессиональным трюком и буду вам признателен, если о нем в вашем романе расскажу я, ну, тот, кто будет меня изображать... Хороший сыщик пользуется дедукцией. По протоколам допросов я насчитал человек пятнадцать слуг, работавших в хозяйском доме: горничные, повара, дворецкий, домоправитель, секретарша, даже гладильщица. С ума сойти, не знал, что и такие бывают... Получается, что эти, как их... Ага,

Стэнфилды... О чем это я? В общем, эти Стэнфилды были, мягко говоря, люди не бедные. Вы следите за моей мыслью? Тогда продолжу. Такие богатые люди редко носят вместо драгоценностей бижутерию. Грабитель попадает в сложное положение. «Ролекс», жемчужное кольцо, даже крупный солитер сбывать нетрудно. Но попробуй продать изящную штучку с шестизначной ценой! Тут нужен скупщик со специфической сетью. Камушки вынимают из оправы и чаще всего обрабатывают до неузнаваемости, прежде чем они поступят в продажу. Если у вас нет доступа к особым людям, то к вещцам такого рода лучше вообще не прикасаться.

– Вам доводилось расследовать подобные случаи? – спросила я.

– Нет, но я тоннами глотаю детективы. Я о чем? Если грабитель забрал только деньги, значит, он не знал, что делать с остальным.

– Что еще могло храниться в таком сейфе? – спросил Джордж-Харрисон.

– Например, огнестрельное оружие. Когда оно не зарегистрировано, человек предпочитает о нем не упоминать. Дорогие часы? Их нетрудно толкнуть за бесценок, но в заявлении о них ни слова. Золотые слитки? Бывает, но они объемные и весят килограммов по десять, попробуй улизни с ними незамеченным... Будь Стэнфилды помоложе или принадлежи они к миру шоу-бизнеса, я бы не исключал наркотики, но мне трудно их вообразить с белым порошком на ноздрях...

– Что еще, помимо огнестрельного оружия и наркотиков, потерпевшие опасаются заносить в список похищенного?

– Ничего, тут чаще бывает наоборот. Некоторые, пользуясь кражей, записывают то, чего там отродясь не бывало, и добиваются выплаты страховки. Но это уже не наша епархия, для разоблачения махинаторов страховые компании нанимают частных детективов, а те – люди терпеливые. Рано или поздно хитрецы совершают ошибку. Мадам надевает на ужин в ресторане якобы украденное у нее кольцо, или в объектив телекамеры попадает висящая на стене картиной якобы украденная картина.

– Здесь не тот случай?

– На этот вопрос я не могу ответить. Когда махинаторов разоблачают, они договариваются со страховщиком полюбовно: платят отступное, чтобы избежать тюрьмы. Все остаются при своих, тот, кто раньше выигрывал, теряет, и наоборот. Бывает и так, что потерпевшие не включают в список похищенного незастрахованные ценности.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что для могущественных людей ограбление – это унижение. Как ни странно, многие воспринимают это как признак слабости. Поэтому они предпочитают не выглядеть вдвойне лузерами.

– Получается, в тот вечер могло быть похищено что-то еще? – спросил Джордж-Харрисон.

– Если это годится для вашего романа, то можно предположить и такое, но что бы вы ни придумали, не забывайте: похищенное должно быть нетяжелым и незаметным. С другой стороны, если в доме у грабителей был сообщник, то он мог выйти с добычей через кухню или служебную дверь. Решайте сами, что вам больше нравится.

Мы поблагодарили полицейского и уже собирались уйти, но он нас окликнул:

– Минутку, писатели, как вы сдержите обещание, если я не назову вам свое имя?

Я поспешно попросила у него бумагу и ручку.

– Фрэнк Галаггер, два «г». Как будет называться ваш роман?

– Может быть, «Дело Галаггера», – польстил ему Джордж-Харрисон.

– Серьезно? – Полицейский напрасно пытался скрыть свое ликование.

– Еще как серьезно! – ответил мой партнер так убедительно, что я, прощаясь с полицейским, едва не рассмеялась.

* * *

Я наблюдала, как Джордж-Харрисон управляет пикапом, и молчала. У него была такая же привычка, как у моего отца: он опускал стекло и высовывал в окно локоть, вертя руль одной левой рукой.

– Почему вы так на меня смотрите?

– Откуда вы знаете, что я на вас смотрю, вы же не отрываете глаз от дороги? Просто так.

– Вы сверлите меня взглядом просто так?

– Как вам пришла такая мысль?

– О романе?

– Нет, о моей кухне Берте!

– У него на столе лежали две книжки Джеймса Элроя – «Черная орхидея» и «Секреты Лос-Анджелеса». И я рискнул. У вас действительно есть кухня по имени Берта?

– Вам достаточно увидеть два детектива на столе, чтобы рискнуть? У вас развитое воображение!

– Это недостаток?

– Наоборот.

– Получается, вы сделали мне комплимент?

– Если хотите.

– Ничего не имею против, это первый комплимент за время нашего знакомства.

– Не думаю, что мы по-настоящему знакомы.

– Почему? Я знаю, что вы англичанка, журналистка, у вас есть брат-близнец и младшая сестра, ваш отец очень привязан к своей старой машине, вы сейчас сидите в моей машине и, возможно, имеете кузину Берту. Совсем неплохо!

– Еще как неплохо! Я про вас не знаю даже этого. Как вы догадались, что коп заглотнет наживку?

– Интуиция... Если честно, у меня не было сценария, просто врал напрапую, чтобы не уйти оттуда несолоно хлебавши. Нам с вами повезло: мы наткнулись на человека, которому смертельно скучно.

– И сами превратились в отпетых лгунов. Ужасно не люблю врать! Этот бедняга будет надеяться, что появится в романе, который никогда не выйдет в свет. Уверена, он проболтается: уже сегодня вечером похвастается жене и по нашей вине выставит себя идиотом.

– А вдруг получится наоборот? Вдруг мы дали ему толчок и он сам напишет детектив? Вы утверждаете, что журнал отправил вас в командировку, разве это не вранье?

– Вранье, но небольшое.

– Разумеется, ложь ведь бывает мелкая и крупная.

– Совершенно верно.

– Женщина, с которой я прожил пять лет, однажды утром исчезла, оставив мне записку всего в одну строчку. Еще накануне ничто этого не предвещало, она вела себя так, будто все в порядке. Вы способны поверить, что она приняла решение ночью? Ну, какая здесь ложь – мелкая или крупная?

– Что говорилось в записке?

– Что я – медведь в лесной глуши.

– Это неправда?

– Хочется надеяться, что не вся правда.

– Для начала вы могли бы сбрить бороду. В чем она вас упрекала?

– Во всем, что в начале нашего романа ей нравилось. Наша комната стала ей мала, а моя мастерская слишком разрослась. Я стал ее раздражать, когда что-то делал на кухне, хотя раньше я казался ей сексуальным, когда

повязывал фартук. Моя голова у нее на плече, когда я засыпал перед телевизором, стала слишком тяжела, хотя раньше она любила теревить мои волосы...

– По-моему, вы просто перестали разговаривать друг с другом. Она возненавидела этот телевизор, перед которым вы подолгу просиживали. Возненавидела однообразие жизни. Возможно, возненавидела саму себя в этой жизни, и вы ничего не могли с этим поделать.

– Она упрекала меня в том, что я проводил слишком много времени в своей мастерской.

– Она от этого страдала.

– Дверь мастерской всегда была открыта, ей нужно было только войти – и она была бы со мной. Я обожаю свою работу. Как можно ужиться с человеком, которого не интересует дело вашей жизни?

– Значит, вы так и не поняли, что она хотела, чтобы вы обожали ее?

– Понял, но слишком поздно.

– Вы сожалеете об этом?

– У вас кто-нибудь есть? – вместо ответа спросил Джордж-Харрисон.

– По-моему, копаясь в истории Стэнфилдов, мы свернули куда-то в сторону. Не могу поверить, что моя мать была грабительницей, что она могла вскрыть сейф.

– Я правильно понял, что вы не ответили на мой вопрос?

– Если бы вы были женщиной, вы бы поняли мой ответ.

– Где мне, небритому медведю! – вздохнул Джордж-Харрисон.

– Нет, у меня никого нет, раз вам так важно расставить все точки над i.

– Вам не приходило в голову, что наши с вами матери могли быть... вместе?

– Ни на секунду!

– Боюсь, мы на верном пути и это ограбление совершили они. Хотя я готов вам уступить: сейф открыла, возможно, не ваша мать.

– Почему вы это говорите?

– Мама никогда толком не работала, – продолжал Джордж-Харрисон. – Во всяком случае, постоянно, чтобы вырастить ребенка. Богатыми мы не были, но ни в чем не нуждались.

– Может быть, она отложила деньги до того, как родила вас.

– Потребовалось бы немало средств, чтобы продержаться столько времени. Слова полицейского лишили меня последних иллюзий. Он говорил не о деньгах, а о казначейских облигациях. Так вот, у мамы их была целая пачка. В начале лета и перед Рождеством она регулярно продавала несколько штук.

На это я ничего не сказала, факты говорили сами за себя. Моя мать оказалась не той, за кого я ее принимала, но я никак не могла с этим смириться. Какую еще ложь мне предстояло раскрыть? Джордж-Харрисон молча на меня смотрел, ожидая, что я скажу.

– Вы никогда не спрашивали ее о происхождении этих ценных бумаг?

– В детстве эта тема меня не слишком занимала. Помнится, однажды она мне сказала, что получила их в наследство.

– А нам хватало только на самое необходимое, – сказала я. – Если бы у моей матери оказались облигации, семья пришла бы в сильное возбуждение.

– В таком случае она ни при чем, а моя виновна. Вам стало легче?

– Вообще-то нет. Я не могу смириться с тем, что моя мать, преподаватель химии, жестко следовавшая своим принципам воспитания детей, когда-то вдрызг разругалась с родными и пошла на ограбление.

– В вас столько противоречий!

– Непротиворечивые люди – зануды. У вашей матери еще остались казначейские облигации?

– Я продал последние, когда поместил ее в пансионат. Теперь в этом раскаиваюсь. Если бы я знал правду, то распорядился бы ими иначе: поделился бы оставшимися с вами.

– Зачем, если моя мать не имела отношения к ограблению? Рисковала-то ваша.

– Не торопитесь. То, что ваши родители едва сводили концы с концами, наводит на мысль, что ваша мать не взяла свою долю добычи, но это еще не значит, что она не участвовала в ограблении. Не забывайте, что написал аноним.

– Он написал, что она отказалась от крупного состояния. Может, потому, что ваша мать все оставила себе? Бывает ведь, что одна сообщница кидает другую.

– Изящное предположение с вашей стороны, но я вынужден с вами не согласиться: мама всегда была человеком безупречной честности.

– Надеюсь, вы говорите это несерьезно. По-вашему, утащить из сейфа полтора миллиона долларов – это честный поступок?

– Сто пятьдесят тысяч.

– Тогдашних! Или я чего-то не понимаю? Ваша мать совершает ограбление, оставляет себе часть, которая полагалась моей матери, – и вы называете ее святой?

– Думайте, прежде чем говорить гадости! Разве они обращались бы друг к дружке с такой нежностью, если бы одна поступила с другой так

бесчестно?

– Это ваша нежно обращалась к моей, маминых писем я не читала.

– Хорошо, наверное, я неудачно выбрал слово, но готов поклясться, что человека преданнее ее свет не видывал!

– Тем не менее вы не знаете, кто ваш отец.

Джордж-Харрисон наградил меня ледяным взглядом, включил радио и стал смотреть прямо перед собой.

Я дождалась конца песни и вырубил звук.

– Простите, я не должна была так говорить, я даже так не думаю.

– Если бакалейщик давал маме сдачи лишний доллар, она его возвращала! – раздраженно заговорил он. – Когда уборщица сломала ногу, она продолжала платить ей, пока та не вернулась на работу. Однажды я подрался в школе. Сначала она спросила меня, в чем дело, потом пошла к директору и сказала ему, что дает родителям моего одноклассника сутки на то, чтобы извиниться передо мной, а потом надерет им задницы. Могу привести сотню примеров, доказывающих, что она не могла забрать себе долю, причитавшуюся сообщнице. Прошу вас, поверьте мне!

– Почему вы подрались?

– Когда в десять лет тебе говорят, что отца у тебя нет, оттого что мать – потаскуха, слов, чтоб ответить, у вас нет, зато есть кулаки.

– Понимаю.

– Ничего вы не понимаете!

– Хорошо, я дебилка. А теперь послушайте меня, Джордж-Харрисон. Мне нет дела до денег, которые украли наши матушки, хотя я очень хотела бы оплатить своему отцу приятное путешествие, но я вам обещаю, что не вернусь в Лондон, пока мы не выясним, кем был ваш отец.

Он притормозил и повернулся ко мне. Выражение его лица изменилось, и мне вдруг показалось, что рядом сидит тот самый мальчишка, что поколотил в школе своего одноклассника.

– Зачем вам тратить на меня столько времени и сил? Мы ведь едва знакомы.

Я подумала о нежности моего отца, вспомнила слова утешения, которые слышала от него всякий раз, когда у меня неважно шли дела, о том, как ненавязчиво и разумно он помогал мне выходить из сложных ситуаций, как все свое детство я считала его своим соратником и сообщником, как он был терпелив и добр и с готовностью тратил на меня время... Всего этого Джордж-Харрисон был лишен, ему столько пришлось пережить! Но у меня не нашлось слов, чтобы все это ему высказать.

– Верно, мы мало знакомы. Вы так и не ответили на мой вопрос: вы по

ней тоскуете?

– По кому?

– Все, забудьте и смотрите на дорогу.

У меня голова пухла от мыслей, и я догадывалась, что с ним происходит то же самое. Вдруг он воскликнул, словно на него снизошло озарение:

– Это же очевидно! – Он нажал на педаль тормоза и остановился на обочине. – Они поделили украденное, моя мать взяла облигации, ваша – что-то другое.

– Почему вы настаиваете, что они забрали что-то еще, кроме ценных бумаг?

– Вспомните просьбу моей матери. «Не позволяй этому сокровищу прозябать в забвении».

– Я как раз размышляла над этими словами, когда вы посоветовали мне думать, прежде чем говорить гадости. Кстати, напомните мне попозже, чтобы я у вас уточнила, какую именно гадость вам сказала. Итак, имел место дележ. Моя мама, насколько я ее знаю, отказалась бы от своей доли, зная, что это грязные деньги.

– Все понятно, ваша мать – воплощение добродетели, но если вы правы, то аноним поразительно наивен: как можно надеяться, что снова всплывет добыча, наверняка потраченная до последнего цента за истекшие тридцать пять лет? Если только, как подсказал нам коп, часть добычи никак нельзя было превратить в деньги!

Июнь 1944 г., окрестности Монтобана

Был конец дня. Роберт уже несколько часов крутил педали велосипеда, борясь с невыносимой болью. Десять километров назад ему пришлось в очередной раз остановиться из-за сильной тошноты. Присев на насыпь, он расстегнул рубашку. Все тело и все руки были в кровоподтеках, губы распухли, веки набрякли, из носа то и дело начинала сочиться кровь, верхняя губа была рассечена, во рту чувствовался металлический привкус. Только ладони остались целы: когда его били, руки у него были связаны за спиной.

Из всего нескончаемого истязания он помнил только те моменты, когда приходил в сознание. Но это было не важно: у Роберта не было ни времени, ни желания сетовать на судьбу, в голове билась одна мысль: быстрее добраться до сторожки.

Там, где начиналась лесная тропа, он бросил двухместный велосипед в канаву и из последних сил стал карабкаться на поросший лесом холм. Чтобы не съезжать вниз, он хватался за ветки, падал, но всякий раз поднимался.

Наконец впереди появилась охотничья сторожка. Над трубой вился дымок, все было тихо и спокойно – слишком тихо...

Роберт услышал треск, упал на колени и дальше из осторожности стал передвигаться на четвереньках. В нескольких метрах от крыльца он наткнулся на труп Антуана и понял, что опоздал.

Окна не выдержали обстрела, дом был испещрен отметинами от пуль. От двери осталась одна доска на петле.

Внутри его встретил полный разгром и следы бойни. Автоматные очереди оставили от мебели одни щепки, на полу лежали останки трех партизан. У одного был разворочен живот, у другого взрывом гранаты оторвало обе ноги, третьего можно было узнать только по мощной комплекции: лицо было покрыто кровью и землей.

Роберта снова вывернуло наизнанку, хотя по пути его несколько раз рвало и в желудке уже ничего не осталось. Но состояние тошноты не прошло. Сердце неистово заколотилось, и он заорал:

– Сэм! Ханна!

В ответ ни звука. Он бросился в комнату и увидел лежащего поперек кровати старика с остановившимся взглядом. В повисшей руке пистолет, струйка крови на виске.

Роберт упал на колени и, плача, закрыл Сэму глаза. Вынув из мертвой руки пистолет, он засунул его себе за ремень.

Потом он выполз на крыльцо и огляделся, моля небо, чтобы Ханна сумела спрятаться в лесу. Надежда на это была совсем зыбкой.

– Ханна!

Ему в ответ только чирикали воробьи. Его ужасала мысль, что ее могли увести коллаборационисты; о том, что стало бы с ней потом, он старался не думать. На какое-то время он застыл, увидел пень, на котором часто сживал с Сэмом, деля сигарету, судорожно всхлипнул. Торговец живописью рассказывал ему о прожитой жизни, о знакомстве с будущей женой, о любви к дочери, о страсти к своему делу, о гордости своим Хоппером.

Наступил вечер, и домик в лесу поглотила тьма.

Роберт остался совсем один. Он стал думать о том, сколько еще проживет. Он вспоминал Балтимор, родителей, свою удобную комнату в большом родительском доме, роскошные званые ужины, гостиную рядом с библиотекой, где отец упорно проигрывал в покер свое состояние. Вспомнилось, как однажды утром он нашел отца в кабинете пьяным и плачущим от бессильной ярости. Он на всю жизнь запомнил, как они тогда взглянули друг на друга: отец со стыдом, сын – с отчаянием. Из-за одной партии в покер Роберт теперь подышал в тысячах километров от дома.

Злость придала Роберту сил. Сэм покончил с собой, чтобы не попасть в руки врагов, и эта смелость напомнила ему об обещании, данном покойному. Если есть хоть малейший шанс, что Ханна выжила, он обязан ее найти. Вместе с боевыми товарищами он вызволит ее из темницы, даже ценой жизни.

– Какие товарищи? – одернул он себя шепотом. – Те, которых ты знал, погибли, остальные тебя пристрелят на месте.

Но молодость взяла свое: он дал себе слово выжить и выполнить договор, заключенный со старым торговцем живописью. Он вернется на родину героем, вернет былой блеск семейному гербу, многого добьется, как почти все мужчины у него в роду, кроме его отца. Он не мог не думать о картинах, спрятанных в щели, в подвале под сторожкой. Если он сумеет вернуться в Балтимор, с дочерью Сэма или без нее, то эти бесценные полотна не должны сгнить под землей.

В небе поднялась луна, осветив кроны деревьев. Роберт никак не мог собраться с силами, чтобы вернуться в дом. Там лежали мертвецы – Сэм и трое партизан. Роберт глубоко вздохнул и решительно вошел в сторожку.

Увидев на полу треснутую керосиновую лампу, он зажег фитиль и устоял на люк, ведущий в подвал, чтобы больше ничего не видеть. Подняв крышку, он спустился вниз.

В подвале, поставив лампу на ступеньку, он стал ворочать ящики, заслонявшие проход. Когда открылась щель, в которую можно было пролезть, он взял лампу и протиснулся в тоннель.

До балки, которую ему показывал Сэм, оставалось два шага, когда Роберт услышал какой-то звук. Из глубины тоннеля, где стояли ящики с оружием, доносилось прерывистое дыхание. Положив руку на рукоятку револьвера, он приподнял лампу. В желтом свете возникла съежившаяся женская фигурка. Это была Ханна; задрав голову, она в испуге разинула рот.

Он хотел ее обнять, но она безумно закричала и забилась. Он сообразил, что такой, с распухшим от побоев лицом, он неузнаваем; правда, его уговоры, чтобы она успокоилась, образумили ее: она поняла, что он не коллаборационист, намеревающийся над ней надругаться. Прижавшись к нему, она, сотрясаясь всем телом, рассказала, что произошло...

Под вечер к началу тропинки подъехал грузовик с коллаборационистами. Рауль, несший караул, сообразил, что в этот раз прочесыванием леса не обойдется, прибежал в сторожку, предупредил остальных и, схватив автомат, снова убежал, пообещав задержать врагов, насколько сможет, чтобы его товарищи могли скрыться. Сэм бежать отказался, понимая, что на больных ногах далеко не уйдет. Он умолял партизан увести Ханну, но Антуан упал, сраженный очередью: сторожка была окружена. Партизаны отстреливались, великан Альберто приказал Сэму лезть в подвал. Милиция искала партизан и могла пощадить старика с дочерью.

Сэм пропустил Ханну вперед, в узкий проход, и тут же задвинул его ящиками. Ханна тянула к нему руки, умоляя не оставлять ее одну, но Сэм сказал:

– Ты должна жить – ради меня, ради матери, ради всех гонимых, таких, как мы. Преврати свою жизнь в блестящий успех и никогда не забывай, что ты – дочь Сэма Голдштейна. Вспоминай, как мы с тобой колесили по миру, и не растеряй то, чему я тебя учил. Подними факел, переданный тебе отцом, и преврати его в тысячу факелов, которые осветят небо. Рассказывай твоим детям о своих родителях, скажи, что мы с тобой

мамой любим их. Оттуда, куда я уйду, я буду заботиться о них так же, как заботился о тебе.

Замуровывая в подвале дочь, он не переставая убеждал ее в своей любви.

Вскоре его голос заглушила пальба. Он поставил последний ящик, и Ханна оказалась в крошечной темноте.

Стрельба прекратилась, над ее головой зазвучали голоса. Кто-то поднял крышку люка и спустился вниз.

Ханна, забившаяся в дальний угол тоннеля, услышала:

– Все, братцы, больше никого не осталось, здесь какая-то свалка. Хочу до темноты попасть домой.

– Что с трупами-то делать? – спросил второй голос сверху.

– Заберем их документы, – сказал третий голос. – Сообщим родственникам, пускай сами с ними возятся. Слишком грязная работенка!

Тот, кто спустился вниз, со смехом поднялся в кухню и опустил крышку люка. Стало тихо.

Закончив свой рассказ, Ханна тихонько завывала, затряслась и стала звать отца. Она походила на зверька в предсмертной агонии. Роберт испугался, что она лишится рассудка. Нужно было поскорее поднять ее наверх и увести как можно дальше от страшного места. Он взял ее за руку и потянул за собой. Прежде чем подняться вверх по лестнице, он потушил лампу и сказал Ханне:

– Вдруг кто-то из них засел в лесу?

Это была ложь во спасение: Роберт не хотел, чтобы Ханна увидела изуродованные тела людей, пожертвовавших собой ради того, чтобы она выжила.

Они прошли через комнату и вышли на крыльцо. Там Ханна оглянулась и стала умолять Роберта отвести ее к отцу.

– Прошу вас, – произнес он сдавленным голосом. – Не нужно этого видеть, вы не сможете такое забыть.

Они углубились в лес, бредя по тропе. Роберт сомневался, что Ханна сможет сесть на двухместный велосипед и на нем удержаться, к тому же не представлял, куда им ехать.

Потом он вспомнил рассказ Альберто о проводниках, помогавших беженцам преодолевать Пиренейские горы. До Испании всего сотня километров. На велосипеде они могли добраться до границы за три, может, даже за два дня.

Пройдя полкилометра, Роберт усадил Ханну под деревом.

– Я вернусь за одеждой. Моя вся в крови, в таком виде меня остановят

на первом же посту, и вас со мной. Еще нам нужна еда. Главное, я принесу ваши документы.

– Плевать на вашу одежду и на эти фальшивые бумажки! – взвизгнула Ханна. – Не смейте оставлять меня одну!

Роберт зажал ей ладонью рот. Неподалеку проходила дорога, там мог проехать немецкий патруль.

– У меня нет выбора, задание есть задание, я должен забрать карту складов с оружием. Я обещал вашему отцу позаботиться о вас, если с ним случится беда, и намерен сдержать слово. Клянусь, Ханна, я вас не брошу, вы должны мне верить. Я вернусь самое большее через полчаса. Вы тем временем набирайтесь сил, впереди длинный путь. Главное, не шумите!

Ханне пришлось его отпустить. Роберт вернулся в сторожку, переоделся в своей комнате и заглянул в кухню. Все консервные банки были разбиты, кроме одной, закатившейся под стол. Роберт подобрал ее и положил в большую котомку, висевшую на гвозде у очага. Теперь настало время спуститься в подвал и снова побывать в тоннеле.

* * *

Они ехали до рассвета. Потом остановились: Ханна совершенно обессилела. Роберт тоже едва преодолевал усталость. Сквозь окутавший равнину туман уже просачивались солнечные лучи. Вдали темнели амбар и ферма. Роберт съехал с дороги. Они отдохнут несколько часов, а если повезет, на ферме найдут еду и питье.

* * *

Когда Ханна открыла глаза, был уже полдень. Фермер, вскинувший ружье, держал Роберта на мушке.

– Кто такие? – спросил он.

Роберт рывком сел.

– Мы не воры, мы не сделаем вам ничего плохого, – зачастила Ханна. – Прошу вас, опустите ружье.

– Что вам понадобилось в моем амбаре?

– Нам просто нужно было отдохнуть, мы ехали всю ночь, – объяснила Ханна.

– Он чего молчит? Язык проглотил?

- Какая разница? Разговаривайте со мной.
- Раз вы ехали ночью, значит, вы беглецы. Он иностранец, что ли?
- Нет, он немой! – выпалила Ханна.
- Сейчас как врежу ему под зад сапогом, послушаем, какой он немой!

Хотя ясно, кто вы такие, судя по его физиономии. Мне не нужны неприятности ни с жандармами, ни с Соппротивлением. Забирайте свои манатки и проваливайтесь!

– С такой физиономией опасно показываться кому-то на глаза при свете дня, – вмешался Роберт. – Разрешите побыть здесь до темноты, потом мы уедем.

– Американец или англичанин? – спросил фермер.

– Иностранец, как вы сказали. Раз вы не хотите проблем с Соппротивлением, лучше не создавайте их нам.

– Гляди-ка, твой приятель не из робких, – сказал фермер Ханне.

– Мы просим всего лишь оставить нас здесь на несколько часов. Что вам стоит?

– Ружье у меня, значит, мне и решать. Начать с того, что нечего мне угрожать на моей земле. Хотите есть и пить – вежливо попросите, только и всего.

Фермер опустил ружье и стал их рассматривать.

– Как я погляжу, вы люди неопасные, – вновь заговорил он. – Ступайте за мной, жена приготовила обед, только сначала умойтесь у колодца, а то вы в грязи с головы до ног.

Вода была студеной, у Роберта от нее защипало раны и царапины. Из ссадины на подбородке опять пошла кровь. Ханна достала из кармана платок и зажала ссадину.

– Какой неженка! – фыркнула она, видя, как он кривится от боли.

Фермер с женой предложили им переодеться в чистое. Ханна натянула штаны и рубашку и стала похожа на паренька. За столом выяснилось, что хозяева – славные люди. Роберт мигом умял все, что было у него на тарелке, Ханна едва притронулась к рагу.

– Ешь, даже если не голодна, – посоветовал ей фермер. – Куда вы направляетесь?

– В Испанию, – ответил Роберт.

– Долго вы будете туда ползти на своей двухседельной колыхаге!

– Что здесь за дороги?

– В последнее время ни пройти ни проехать. Одни подались на восток, другие на северо-запад, поближе к войскам союзников, третьи, как вы, – на юг. Так что народу хватает.

– Что еще за союзники? – не понял Роберт.

– Откуда вы такие вылезли? Уже четыре дня как на берегу Нормандии идет высадка войск, радио только об этом и талдычит. Немцы пока упираются, но англичане, похоже, уже в Байё, канадцы наступают на Кан. Некоторые даже говорят, что скоро этой чертовой войне конец.

Эта новость заставила Роберта вскочить и стиснуть фермера в объятиях. Ханна не шелохнулась, только глаза ее наполнились слезами. Упав перед ней на колени, Роберт взял ее руку.

– Они погибли, когда цель была уже так близка... – простонала она. – Папа так и не увидит освобождения.

– С тобой я, Ханна. Ты вернешься на родину со мной, – ответил ей Роберт.

Фермерша знаками велела мужу: принеси что-нибудь выпить. Фермер достал из буфета графин и наполнил рюмки.

– Выпейте, это грушевая наливка, мигом возвращает силы. Мне очень жаль, малышка.

Ханна помогла убрать со стола. Фермер попросил Роберта ему подсобить. Сено уже высохло, пора было его стоговать.

До конца дня мужчины пробыли на покосе. Сначала Роберт проклинал свою неумелость, но потом наловчился и даже заслужил похвалу: «А ты молодец, хоть и америкашка».

За работой Роберт поведал фермеру о происшедшем накануне, о положении Ханны и о своем обещании Сэму. Выслушав рассказ, фермер вздохнул и предложил свою помощь:

– У меня грузовик на газогенераторе. Этой ночью мы закинем ваш велосипед в кузов и накроем его сеном. Подвезу вас как можно ближе к границе – до Ориньяка, откуда до границы всего семьдесят километров. Только приготовьтесь, перевалить через Пиренеи – это вам не веселая прогулка, даже в это время года. Что могу, то сделаю, а дальше уж сами.

Сначала известие о высадке союзников, потом это предложение! Роберт совсем было приуныл, а теперь воспрянул духом. На ферме он умыл лицо у колодца и бросился с хорошей новостью к Ханне. Он застал ее одну в кухне.

– Я думал, хозяйка с тобой.

– Ее зовут Жермена, его Жермен. Забавно, да?

Роберт попробовал подыскать американскую аналогию, но не смог: голова была занята другим.

– Это как Джесс и Джесси, – сказала со смехом Ханна.

– Почему бы нет, если люди любят друг друга!

- Что-то я не замечаю в этом доме большой любви.
- Надеюсь, ты заблуждаешься.
- Может быть, но они точно вздохнут с облегчением, когда мы уедем. Жермену мое присутствие явно тяготит. Ушла, даже не попытавшись завязать со мной разговор.
- Может, это наблюдательность? Согласись, ты сама не очень-то болтлива.
- У меня есть другие достоинства, если, конечно, болтливость – достоинство. Когда в дорогу? Здесь мне как-то неуютно.
- Когда стемнеет. Жермен предложил довезти нас в своем грузовике до Ориньяка, это сэкономит нам целую ночь.

* * *

Уезжали, не простившись с Жерменой: она сослалась на головную боль и поднялась к себе. Муж не держал на нее зла, потому что понимал: жена была недовольна, что он так рискует ради чужих людей.

Они спрятали велосипед в сене и залезли в кабину. Подслеповатые фары мало что освещали, зато с ними грузовик был почти незаметен в темноте. «Берлис» с трудом завелся и кое-как выполз на дорогу.

Фермер, крепко вцепившись обеими руками в руль, стал весело насвистывать.

– Ваша жена не зря на нас сердилась, – заговорила Ханна. – Опасно разъезжать в такие времена! Даже не знаю, как вас благодарить...

– Не просто опасно, а строго запрещено, но, на счастье, немцы и их пособники – лакомки, им подавай молочка и яиц, а то и цыпят. Поэтому фермер-работяга имеет аусвайс. Не волнуйтесь, мои бумаги в порядке. Если нас остановят, притворитесь спящими, и все обойдется.

– Передайте нашу благодарность жене, – попросил Роберт.

– Обязательно передам!

Мотор грузовика был страшно шумным, но за Л'Иль-Журденом Ханна умудрилась задремать. Сен-Лис, Сент-Фуа-де-Пейрольер и Рьём они миновали без всяких затруднений. Роберт, убаюканный тряской, тоже уснул.

У Савера его разбудил скрежет коробки передач. Водитель сбросил скорость.

– В чем дело? – испуганно спросил Роберт.

– Кажется, на следующем перекрестке патруль. До него еще далеко, но я заметил свет, а глухой ночью на всех фермах закрыты ставни. Делай, как тебе сказано, и все пройдет гладко. Твоя подружка спит, вот и славно.

Роберт покосился на Ханну. Та прижалась затылком к стеклу, глаза были закрыты. Но ее рука скользнула по его спине. Вытащив у него из-за ремня револьвер, Ханна направила его на Жермена. Тот выключил передачу и отпрянул.

– Погасите фары и сверните на обочину! – приказала она голосом, не позволявшим усомниться в ее решительности.

– Что еще за игры, малышка?

– Сколько за свою игру получите вы? Двадцать франков? Пятьдесят? Или, может, американец потянет на целую сотню? – Ханна прижала дуло пистолета к его щеке.

– Совсем рехнулась! – выдохнул Жермен и нажал на педаль тормоза.

Остановившись на обочине, он испуганно поднял руки:

– Выходит, моя Жермена была права: вздумаешь помочь иностранцам – не оберешься бед. Хороша благодарность! Всё, вылезайте. Забирайте котомку и вон отсюда!

– Ты сможешь вести эту развалюху? – обратилась Ханна к Роберту, изумленно наблюдавшему за происходящим.

– Наверное... В Англии нас учили водить грузовики.

– Сам вылезай! – приказала Ханна фермеру, шевельнув пальцем на курке. – Вчера погиб мой отец. Виноват вот такой негодяй, выдавший нас. Наивысшее наслаждение в моей жизни – вышибить тебе мозги. Даю тебе десять секунд. Либо ты уходишь, либо...

Жермен выругался и открыл дверцу. Роберт сел на его место и без промедления тронулся.

– Грязные воры! – заорал Жермен вслед своему «Берлие». – Мой грузовик! Отдайте грузовик!

– Сворачивай сюда! – приказала Ханна Роберту, указывая на уходящий влево проселок. – Фары не включай.

– Что на тебя нашло? Человек предложил нам помощь, а ты...

– Он жалкий притворщик, коллаборационист! А ты не очень наблюдателен для диверсанта, выполняющего важное задание. У него на ферме нет ни кур, ни коров, только пшеница и свиньи. Как тогда, по-твоему, он обзавелся грузовиком и аусвайсом? Наверняка он крутится на черном рынке. Кто, как ты считаешь, его клиенты?

– Как ты обо всем этом догадалась?

– Я скрываюсь гораздо дольше, чем ты. Чтобы выжить, нужна

наблюдательность, это понимание приходит очень быстро. Мы будем ехать, пока не рассветет. Ночью легко заметить немецкие конвои, днем их замечаешь, когда уже поздно. Дальше мы поедem на велосипеде. С какой скоростью ты можешь вести эту рухлядь?

– Не больше пятидесяти километров в час.

Ханна взяла его руку и взглянула на часы у него на запястье:

– У нас достаточно времени, чтобы преодолеть по меньшей мере сто пятьдесят. А там и граница недалеко. Тебе оставили часы?

– Кто?

– Те, кто тебя избил. Как-нибудь потом расскажешь мне, как тебе удалось от них сбежать.

– Хочешь, чтобы я тоже вылез? В чем ты меня подозреваешь?

– Я не говорила о подозрении, просто задала вопрос, мне интересно, что с тобой произошло.

– Нас сцапала милиция. Потом нас затащили в какой-то дом. Нас с Титоном разлучили. Стали лупцевать, чтобы развязать нам языки, но я молчал, иначе мне бы так не досталось...

Он закатал рукав и показал ожоги от сигарет на предплечье.

– Они решили передать меня немцам, я же американец. Запихнули на заднее сиденье автомобиля. Я был без сознания, поэтому меня повез один человек. На сельской дороге я очухался, этот тип крутил баранку, я сидел прямо сзади него, ну и стал его душить. Мне все равно, говорю, сломаю тебе шею, если не остановишься. Он послушался.

– Как ты поступил потом?

– Проломил ему затылок.

– Одним подонком меньше! Не надо было оставлять в живых этого фермера. Теперь он доберется до патруля и сообщит наши приметы. Все, хватит болтать, сосредоточимся! – велела Ханна.

Они ехали в темноте молча. Ханну мучил вопрос, как Роберт умудрился опять завладеть tandemом. Велосипед был явно тот же самый, она слышала, как партизаны говорили, что другого такого ни у кого нет. Да, велосипед был один, но она не хотела оскорблять единственного человека, который мог спасти ей жизнь, увезя в Америку.

* * *

Они несколько раз сворачивали не туда и, сами того не ведая, проехали Ориньяк. Ханна нашла среди документов на грузовик карту и выданный

коллаборационистской милицией пропуск, подтвердивший ее подозрения. Иногда она зажигала в кабине свет, чтобы свериться с картой. Названия деревень, мимо которых они проезжали, были ей незнакомы, но они ехали в правильном направлении, на юг, им никто не попадался на пути, так что все шло хорошо.

В три часа ночи они проехали Сен-Жирон. При въезде туда, на обочине, стоял мотоцикл с коляской, но патрульные не успели опомниться, как сигнальные красные огни грузовика уже исчезли вдали. Немцы махнули на него рукой: в этот ночной час свободно разъезжать где угодно мог только транспорт со специальным разрешением.

Дорога пошла в гору, коробка передач скрежетала на подъеме все более грозно, и на подъезде к Се мотор, наконец, испустил дух. Роберт взвалил на спину котомку, а от велосипеда отказался: здесь удобнее уже было двигаться пешком. Они столкнули «Берлие» Жермена в пропасть и проводили его взглядом.

На рассвете, после утомительного перехода, показался Се. Ханна заметила сельскую гостиницу.

– У тебя есть деньги? – спросила она Роберта.

– Нет.

Тогда она закатала штанину. Ее икра была обмотана платком.

– Ты ранена?

– Нет, просто папина предусмотрительность.

Размотав платок, она сунула Роберту две бумажки по сто франков:

– Возьми. Спроси, есть ли у них комната.

– Не рискованно ли, с моим акцентом?

– Когда жена говорит вместо мужа, это может оказаться еще рискованнее. Хотя ты, возможно, прав. Нам остается только вместе сунуться в волчью пасть. Будем надеяться, в этот раз нам повезет и мы наткнемся на честных людей.

Мадам Бруэ, содержавшая гостиницу, оказалась честнейшей женщиной, более того, с самого начала войны она прятала у себя беглецов, ждавших проводника. Для всех, кто к ней обращался, у нее находилось местечко. Как того требовал закон, она заносила постояльцев в журнал, но забывала записывать имена тех, кто не хотел о себе заявлять. Для этого требовалась недюжинная смелость: жандармы, регулярно заглядывавшие к ней пропустить рюмочку, всегда проверяли журнал. Ей хватило одного взгляда на Ханну и Роберта – помятых, с одной котомкой вместо багажа, – чтобы догадаться, кто они такие. Она не стала задавать им вопросы, а

просто сняла с доски ключ и повела наверх. Там она отперла дверь комнаты с большой кроватью и умывальником.

– Туалеты и душ в конце коридора. Живо туда, вам обоим нужно срочно привести себя в порядок. В ближайшие дни не выходите из номера до девяти утра и никогда не спускайтесь вниз под вечер. Услышите мое покашливание – мигом прячьтесь. Еда подается в полдень и в половине восьмого вечера.

– Я могу заплатить за несколько дней вперед, – предложила Ханна. – Нас устроит полупансион, обойдемся без ужина.

– Будете и обедать, и ужинать. Там, за горами, вы еще наголодаетесь, так что советую как следует наесться. С деньгами разберемся потом.

И она ушла, затворив за собой дверь. Ханна подошла к кровати, погладила ладонью одеяло и со вздохом на нем растянулась.

– Не помню, когда последний раз спала на хлопковом белье. Попробуй, до чего мягкое!

Она зарылась лицом в подушку и с наслаждением втянула воздух:

– Запах чистоты! Я уже забыла это божественное ощущение!

– Я лягу на полу, – предложил Роберт, как положено джентльмену.

– Тебе отдых нужен не меньше, чем мне, мы можем спать рядом, ты мне не помешаешь.

– А если ты помешаешь мне? – спросил он насмешливо.

Вместо ответа Ханна запустила ему в голову подушкой. Роберт впервые увидел ее улыбку.

– Лучше послушаемся нашу хозяйку и первым делом вымоемся, иначе перепачкаем всю постель, – распорядилась она не терпящим возражений тоном.

Ханна заперлась в ванной первой. Вода оказалась ледяной, но душ все равно доставил ей несказанное удовольствие. Никогда еще ей не доводилось так устать, как за последние сутки. Она хмуро разглядывала свои натертые ступни, исхудавшие ноги. До цели было еще далеко, вокруг – враждебная Франция, и все же эта гостиница казалась ей мирной гаванью, убежищем, где она чувствовала себя почти в безопасности. Мысль о приготовленной для них настоящей кровати окончательно примирила ее с жизнью, к ней вернулась способность надеяться на лучшее. Предстоящий переход через горы ее не пугал, за ними ее ждала свобода, а в конце пути – Америка. С этой страной, по которой она путешествовала с родителями, у нее были связаны самые лучшие воспоминания. При мысли о матери и отце ей снова стало грустно, и она с трудом сдержала слезы. В дверь тихонько постучали.

– Все в порядке? – раздался голос.

– Все отлично!

– Я уже начал беспокоиться, – признался Роберт из-за двери. – Решил, что тебе стало плохо, ты там уже так долго...

– Я так давно не принимала настоящий душ, что никак не могла из-под него выйти. Все, теперь твоя очередь.

Она вышла из ванной, обмотанная полотенцем, которое обрисовывало формы ее тела. Роберт невольно залюбовался ее грудью. Поймав его взгляд, она испытала волнение. Раньше она вызвала желание всего раз – у своего ровесника на выходе из школы: его сердце было разбито, но она осталась к нему равнодушна. Но Роберт – другое дело, он мужчина.

– В чем дело? – спросил он.

– Ни в чем, тут узко, ты не даешь мне пройти.

Она вжался в стену, пропуская ее, и она протиснулась мимо него, коснувшись грудью его груди.

Когда он вернулся в номер, Ханна уже крепко спала. Он долго смотрел на нее, потом растянулся рядом. Она вздохнула, повернулась и, не разжимая век, обняла его.

– Ты уже занималась любовью? – спросил он шепотом.

– Нет, – тихо ответила она, – а ты?

– Можно тебя поцеловать?

Ханна открыла глаза и приняла его поцелуй. Она боялась, что он проявит грубость, но страх оказался напрасным. Ее горячая кожа и желание стать женщиной победили все опасения, и она с удовольствием заключила его в объятия.

* * *

В простенькой столовой не было ничего лишнего: восемь деревянных столов, кружевные занавески на окнах, часы на стене, нарушавшие своим тиканьем тишину. Мадам Бруэ из сил выбивалась, чтобы накормить своих постояльцев досыта. Еду подавала помощница, деревенская девушка. В полдень кормили пиперадой, вечером – картофельной тортильей и песочным пирогом. За четыре дня Ханна и Роберт набрались сил, им очень помогла любовь. Ханна открыла для себя ее удовольствия и требовала еще. Поцелуи Роберта тоже становились все требовательнее. Всякий раз Ханна чувствовала, как в нее врывается дыхание жизни, и своим пылом отгоняла призрак смерти.

Прошла неделя, прежде чем мадам Бруэ, постучав в дверь, попросила их спуститься вниз. В столовой их ждал незнакомец: это был проводник.

Отряд выступил тем же вечером. В него входило десять человек, в основном парижские студенты, направлявшиеся в Алжир, чтобы записаться в армию Французского комитета национального освобождения. Проводник удивился, что Робертом не занялась организация «Комета», помогающая иностранным летчикам. Роберт объяснил, что с момента десантирования потерял связь с командованием.

– Условия более-менее благоприятные, – стал объяснять проводник. – Метеосводка хорошая, но горы порой опаснее бошей. После высадки союзников немецкие патрули уже не так свирепствуют. Они боятся другой высадки, на юге, тогда они окажутся в тисках, поэтому удирают. В прошлом году отловили три тысячи человек, желавших перейти через горы. Теперь патрулей гораздо меньше, однако следует соблюдать осторожность. Вы все люди примерно одного возраста. Это позволит нам двигаться быстро. Выступаем в одиннадцать, всем приготовиться.

Мадам Бруэ дала своим постояльцам теплую одежду. Ханна хотела с ней рассчитаться, но та отказалась взять деньги.

– Вам самим пригодится, чтобы рассчитаться за переход. Обычно это стоит две тысячи с человека, но я договорилась, чтобы с вас взяли только половину. Хосе – хороший проводник, вы можете ему довериться, он доведет вас до Алос-д’Исиль. Увидите маленькую романскую церковь со статуей Евы – считайте, вы уже на свободе. Хотя и в Испании надо быть настороже, пойманных французов запирают в лагере «Миранда».

В тот вечер ужинали как-то по-особому, торжественно. За столами переговаривались шепотом, а когда мадам Бруэ принесла свой песочный пирог, мужчины затянули баскскую песню, от которой у тех, кто уходил в горы, на глаза навернулись слезы.

* * *

Переход через Пиренеи оказался тяжелее, чем можно было ожидать, если верить словам проводника. Беглецы шли до тех пор, пока не вымотались; только когда кто-то валился с ног, звучал приказ остановиться, но ненадолго, лишь пока упавший не соберется с силами. Несмотря на лето, на перевалах стоял лютый холод, усугубляемый ледяным ветром. Гора Ането встретила их вечными снегами, у Ханны замерзли ноги, но она

проявляла завидную отвагу. Студенты растратили почти все силы, пока шли по французской земле, и за это время сильно изголодались. Зато в отряде царила взаимовыручка, к тому же проводник неустанно гнал всех вперед. Когда кто-то спотыкался на крутом склоне, товарищ, шедший рядом, поддерживал его. Утром их ждал подарок – потрясающей красоты рассвет в горах, заставивший всех до одного восхищенно разинуть рот. Это был момент невероятного света и покоя, навеки врезавшийся им в память.

Наконец они увидели маленькую романскую церковь. Проводник показал на тропинку, спускавшуюся в долину:

– Вот мы и в Испании! Желаю всем счастливого пути и долгой жизни!

Он снял с головы берет и пустил его по рукам. В берет полагалось класть деньги. Все вывернули карманы, проводник собрал меньше, чем полагалось, но, довольствуясь этим, повернул назад, во Францию.

Еще через четыре часа двое пастухов увидели странную группу людей, но ничуть не удивились. Они пригласили их к себе, накормили полентой и напоили овечьим молоком, не задавая вопросов.

Утолив голод и отоспавшись, путешественники наутро разошлись в разные стороны. Ханна и Роберт зашагали по залитой гудроном дороге. Испанские рабочие посадили их к себе в грузовик и подвезли до маленькой гостиницы, которую держали надежные люди.

Там был телефон, и Роберту посчастливилось дозвониться до американского консульства. Остаток дня они проспали, а с наступлением вечера за ними приехала машина. Дорога до Мадрида заняла почти всю ночь.

Неделю они провели в американском консульстве, где Роберта тщательно допрашивали. После подтверждения его личности поступило предложение переправить его в Гибралтар. Оттуда его должны были перевезти через пролив в Танжер, чтобы он мог вернуться на родину на торговом судне. Консул напомнил, что Ханна не американка и уехать вместе с ним не сможет. Роберт рассвирепел и отказался уезжать без нее. Консул развел руками: он ничем не может им помочь.

Назавтра их поженили: так Ханна стала гражданкой Соединенных Штатов Америки.

Спустя десять дней, опершись о перила, она провожала взглядом берег. Рядом с ней стоял муж, которому она была бесконечно признательна за спасение ее жизни.

– Это я обязан тебе жизнью, – возразил растроганный Роберт. – Мы вместе прошли через этот кошмар, без тебя у меня давно опустились бы руки.

Он возвращался к себе на родину, она покидала свою, направляясь в неизвестность. У них с собой была одна котомка, с которой Роберт никогда не расставался.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Клиентура гриль-бара удивляла разнообразием: мужчина делового вида не отрывал взгляда от смартфона, студенты увлеченно играли в онлайн-игру, прилипнув к мониторам своих ноутбуков, три беременные женщины перебирали детские вещички и спорили о марках колясок, молодая пара не находила тем для беседы, пожилая чета резво поглощала жирную сладкую выпечку.

Джордж-Харрисон высмотрел два места у стойки. Я заказала многокомпонентный салат и стакан диетической колы.

– Вы все время вертитесь на табурете. Поделитесь, что вас так заинтересовало в зале?

– Люди, – ответила я.

– Куда вы первым делом отправляетесь в незнакомом городе, чтобы ощутить его своеобразие? – спросил он меня.

– Свообразие?.. – переспросила я.

– Я про то, как вы сочиняете свои статьи.

– Рынок под открытым небом – вот неповторимое место, где толкуются люди всех социальных слоев. Вы представить себе не можете, как много можно понять, глядя на прилавки продавцов! Очень важно, что они считают ценным, что у них покупают...

– Прекрасно могу себе представить, – возразил он, ставя на стойку стакан.

Он выпил пиво почти залпом и мгновенно проглотил сэндвич. Когда люди так торопливо поглощают еду, они кажутся мне вульгарными и вызывают отвращение, а он никаких неприятных чувств не вызвал.

Джорджу-Харрисону была присуща врожденная, чуждая всякому расчету элегантность, умиротворяющая безмятежность и – особенно поразительное свойство – обескураживающая откровенность. Даже когда он раздражался, как совсем недавно, его голос звучал спокойно. Мой друг, журналист из «Вашингтон пост», всеми этими достоинствами не обладал, он никогда не спрашивал, как мне пишется, считая свою работу важнее моей; я все яснее понимала, насколько была слепа и как много времени

потеряла зря. Возможно, этого я и искала: напрасной траты времени на отношения, обреченные на провал. Моя свобода всегда отдаляла меня от реальности.

В баре появилась девица в джинсах и облегающем свитере, вся студенческая троица мигом оторвалась от своих драконов и викингов и стала пожирать ее глазами. Она выглядела восхитительно и сознавала это, она была на десять лет моложе меня, я завидовала ее уверенности и непринужденности. Глупость, конечно: ни за что на свете я не согласилась бы вернуться на десять лет назад. Повзрослеть – задача не из легких, пусть я и жалела о тех временах, когда могла, соскочив с кровати, натянуть на себя первое, что попадется под руку, и при этом отменно выглядеть. Она села за столик неподалеку, и я не удержалась и взглянула на Джорджа-Харрисона, чтобы проверить, глаза ли он на нее. Ему не было до нее никакого дела, и я удивилась, что мне это приятно.

– А вы? Как вы начинаете работу над новым предметом мебели?

Джордж-Харрисон хитро улыбнулся:

– При помощи моих инструментов. Не обязательно было задавать мне этот вопрос, хотя я ценю вашу вежливость.

Это называется быть застигнутой на месте преступления. От него не ускользнула моя виноватая гримаса.

– Я пошутил. Все начинается с рисунка.

– Пожалуйста, нарисуйте мне барашка.

– Я редко делаю барашков. Но, если хотите, я могу нарисовать вам его ящик и не забуду про дырочки, чтобы он мог дышать.

– «Маленький принц» – первая книжка, запавшая мне в душу, – призналась я.

– Подозреваю, что вы не одна такая.

– Знаю, неоригинальность – мой страшный недостаток. А какая ваша первая любимая книжка?

– «Чарли и шоколадная фабрика». Вы обязательно спросите почему, поэтому я сразу скажу, что питаю слабость к герою этой книжки Вилли Вонка. Подростком я влюбился в «Если» Киплинга.

Еще бы ему не влюбиться подростком в это стихотворение! Кто не мечтал о том, как его прочтет вам отец? Я обещала Джорджу-Харрисону помочь в его поисках, но сама помышляла о другом...

– Вы уж меня извините, – сказал он. – Вы наконец-то решили как следует со мной познакомиться, а я совсем не облегчаю вам задачу.

– У меня были совсем другие намерения, – соврала я.

– Жаль! – вздохнул он. – С момента встречи мы только и делаем, что

обсуждаем прошлое, но у вас отсутствующий вид, и я совершил бы ошибку, если бы стал настаивать. Как насчет того, чтобы пройтись? Этот сэндвич камнем лежит в желудке.

Я посоветовала бы ему не заглатывать еду, как удав, но сдержалась, хотя это было на меня совсем непохоже. Рядом с ним я вела себя по-другому. Я послушно взяла свою сумочку и поднялась с места.

Сначала мы шли молча. В сувенирной лавочке я поискала подарок для Мишеля, но не нашла ничего, что ему понравилось бы. Потом меня потянуло в магазин с футболками, на ностальгическую встречу с собой двадцатилетней. Джордж-Харрисон угадал мое желание и открыл передо мной дверь. Внутри он оглядел стойки, порылся на полках и протянул мне две футболки. Не желая ему противоречить, я примерила их поверх блузки. Он отрицательно покачал головой и продолжил поиск. Мы смахивали на супружескую пару, делающую покупки; вторая часть сравнения была верной, первая – нет. Немного погодя, на улице, он чуть было не взял меня за руку. Думаю, это мне скорее понравилось бы: я уже забыла, когда последний раз гуляла за руку с мужчиной. Само по себе это не очень важно, просто после такого умозаключения приходится сказать себе, что в твоей жизни что-то идет не так. Вдруг, на перекрестке, он бросил:

– Мне сейчас очень хорошо. Идиотизм, наверное, но мне захотелось вам об этом сказать.

– Нет, идиотизмом было бы это скрыть. Мне тоже очень хорошо.

Я решила: один шанс из десяти, что сейчас он обернется, посмотрит мне в глаза и попробует поцеловать.

Нет, это был не мой день. И вообще, хватит играть в угадайку с судьбой.

Я все-таки купила одну из выбранных им футболок, чтобы надеть ее потом в Лондоне, перед телевизором, перед тем как сесть в кресло с бокалом вина в руке и чокнуться со своей проклятой свободой.

Подумав про Лондон, я сразу вспомнила отца. Пришло время кое о чем его расспросить. Он наверняка знает больше, чем нам рассказал. Я отошла в сторонку и уселась на скамейку. У него восемь часов вечера, я не разбужу его своим звонком.

После пяти сигналов я заволновалась. Потом он поднял трубку, я услышала громкие голоса.

– Рэй Донован слушает, с кем имею удовольствие говорить? – спросил он, откашлявшись.

– Ты смотришь телевизор? Я слышу какой-то дурацкий шум.

– У меня гости, дорогая, – ответил папа. – Ко мне пришли Мэгги с

Фредом и еще пара друзей, у нас довольно шумно, они принесли отличное вино, причем не одну бутылку, ну, ты меня понимаешь...

– Что за друзья?

– Очень симпатичные, он тоже ресторатор, она работает в рекламном агентстве. Вряд ли ты с ними знакома. Хочешь поговорить с сестрой?

После моего отлета в Балтимор Мэгги не особенно интересовалась моими делами. Мои поиски тоже ее как будто не занимали. Можно было подумать, что ей не по карману разок позвонить за границу! Нет, мне совершенно не хотелось разговаривать с сестрой. Почему-то мне казалось, что папа и Мэгги сознательно не посвящают меня в подробности своей жизни. Например, об этой паре друзей я никогда не слышала. Может, это приятели Фреда? Я просто ревновала, завидовала общительности сестры и переживала, что самой мне общаться почти не с кем. Завидовала – и стыдилась своей зависти: не сестра же была виновата в том, что я выбрала такую жизнь. Вся ответственность лежит на мне одной. Когда-нибудь я попрошу у нее прощения за то, что иногда бываю мелочной и несправедливой. До финансовой помощи, которую ей оказывал папа, мне не было дела. Деньги никогда не имели для меня значения. Клянусь святой Эдиной и святой Пэтси, другого такого бескорыстного человека, как я, надо поискать!

– Ты слушаешь, Элби?

– Я хочу говорить с тобой одним, больше ни с кем, – предупредила я папу. – Можешь куда-нибудь отойти?

– Подожди, я уйду в свою комнату.

Папа с кряхтением сел на кровать: ему было больно сгибать колени.

– Все, я готов. У тебя проблемы?

– Нет, все хорошо.

– Что там у вас за погода?

– Я звоню издалека, давай забудем про погоду. Папа, я хочу, чтобы ты сказал мне правду. Что мама делала в Балтиморе?

Стало тихо, я слышала только отцовское дыхание.

– Выходит, ты помчалась туда не в командировку от своего журнала?

Я не умею врать даже по телефону. Я все ему выложила: и про анонимное письмо, и про обвинения; правда, про фотографию, где моя мать обнимает мать Джорджа-Харрисона, я умолчала. Папа еще немного потянул время, потом тяжело вздохнул и решил наконец выговориться.

– Когда я сказал, что твоя мама вернулась на родину, я немного исказил истину. Ее родина – Соединенные Штаты. Твоя мама родилась в Балтиморе, росла там, а потом ее отправили в Англию, в пансион. Она сильно страдала

от одиночества, пока однажды мы с ней не познакомились в пабе. Дальнейшее тебе известно. Несколько лет мы встречались, а дальше ей захотелось вернуться к родным, она уехала в Штаты и возвратилась оттуда только спустя десять лет.

– У мамы не было родных, вы всегда нам твердили, что она росла в сиротском приюте.

– Когда тебя в четырнадцать лет отправляют в пансион, за тридевять земель, да еще против твоей воли, это то же самое, что сиротский приют.

– Почему вы нам этого не рассказывали?

– Об этом надо было спросить у нее. Увы, теперь слишком поздно. Прошу тебя, Элби, не вороши мамино прошлое, ты не должна ни минуты сомневаться в ее любви к тебе. Помни, тебя она любила даже сильнее, чем твоих брата с сестрой. Пусть покоится с миром и ее молодость вместе с ней, а в твоей памяти пусть останется любящей матерью.

– Я тебе сказала, что она совершила ограбление, а ты даже не поперхнулся. Делаю вывод: она тебе в этом призналась.

– Запрещаю тебе считать ее воровкой. Это полная чушь! – взорвался папа.

– Папа, у меня есть доказательство. Я провела утро в отделении полиции, там мне позволили ознакомиться со старым уголовным делом. Тридцать пять лет назад мама совершила скандальное ограбление дома богатой семьи. Очень тебя прошу, больше не ври. В моей жизни больше нет ни Санта-Клауса, ни прекрасного принца. Ты единственный, кому я могу верить.

– Это был не просто дом высокопоставленных людей, это был еще и ее дом. Раз тебе повезло залезть в архив полиции, то, думаю, скоро ты узнаешь и остальное. Известная тебе ее девичья фамилия – это фамилия ее деда, Сэма Голдштейна. Она вышла за меня замуж под этой фамилией.

– Почему она поменяла документы?

– Потому что подвела черту под завершившимся периодом своей жизни и упорно отказывалась открыть вам правду.

– Почему?

– Хотела покончить с проклятием. Хотела, чтобы ее дети оставались Донованами, а не стали Стэнфилдами.

Настала моя очередь лишиться дара речи. Я была потрясена.

– Значит, мама была дочерью Ханны и Роберта Стэнфилдов? – пролепетала я.

– В некотором смысле – да.

– О каком проклятии ты говоришь?

– Об изменах, лжи, нелюбви и драмах, преследовавших ее родню.
– Что стало с этими дедом и бабушкой, которых я не знала?
– Они не были твоими дедом и бабушкой, они отреклись от дочери! – крикнул отец. – Их нет в живых, и я очень тебя прошу, Элби, не разыскивай их могилу, чтобы твоя мать не переворачивалась в своей. Ты хорошо меня поняла?!

Никогда не слышала, чтобы папа так злился. Я была поражена. Я вдруг рухнула с высоты своих тридцати пяти лет, снова превратившись в соплившую девчонку. Он бросил трубку, и я расплакалась.

Ко мне подошел Джордж-Харрисон. Он видел, как я всхлипываю, и осторожно обнял меня за плечи, чтобы успокоить:

– Что стряслось, что вас так расстроило?

Он положил ладонь мне на затылок, и я уткнулась носом ему в грудь. Пыталась перестать плакать, но никак не получалось. Когда я наконец овладела собой, то, боясь, что опять разревусь, торопливо все ему выложила.

Один телефонный звонок – и весь мир рухнул. Мама всю жизнь лгала мне о своем и о моем прошлом. Мои дед и бабушка заслуживали, на ее взгляд, презрения, но лучше бы она позволила мне самой решать, как к ним относиться... Оказывается, я была не только англичанкой, но и наполовину американкой. Главное, отец только что открыл мне в гневе, что я не только старшая дочь Донованов, но и последняя из Стэнфилдов!

Джордж-Харрисон вытер тыльной стороной ладони мои слезы, внимательно на меня глядя.

– Понимаю, вам надо многое осмыслить, но у меня впечатление, что вам труднее всего переварить тот факт, что отец бросил трубку. Перезвоните ему.

– Ни за что!

– Ему так же плохо, как вам, но первый шаг должны сделать вы. Ему было очень трудно все это вам рассказать.

Я помотала головой, но он не отставал:

– Вам повезло, у вас чудесный отец. Не прикидывайтесь избалованной девчонкой, хотя это вам очень идет. Не хотелось бы мне быть вашим одноклассником!

– Как понимать это ваше замечание?

– Никак. А впрочем... Думаю, мальчишки, которым вы нравились, теряли голову и с трудом ее находили.

– Подумаешь!

Тут завибрировал мой мобильный. Джордж-Харрисон подбодрил меня улыбкой и деликатно отошел к своему пикапу. Я решила ответить на звонок.

– Что ты наговорила папе? Теперь он сам не свой! – услышала я крик Мэгги. – Я беспокоилась, почему он так долго не выходит из своей комнаты, заглянула – а он лежит на кровати в расстроенных чувствах. Даже с другого конца света ты умудрилась испортить нам вечер!

У меня не было никакого желания препираться с сестрой. Настал момент проверить свою решительность. Я постаралась успокоиться и все ей выложила. После каждой моей фразы Мэгги сопела и бормотала: «Вот дерьмо!» Дерьма набралось кучек десять. Когда я добралась до того факта, что мы трое – Мишель, она и я – потомки знаменитого Фредерика Стэнфилда и почтенного американского семейства, она подытожила:

– Вот дерьмо-то! Полнейшее дерьмо!

Я ждала продолжения.

– Вот как мы поступим, – затараторила Мэгги. – Я занимаюсь папой, собственно, это мне знакомо, но я постараюсь вас помирить. Дай ему остыть, а завтра утром позвони и попроси прощения.

– За что мне извиняться? Они нам ввалили напропалую. Если бы не это чертово письмо, я никогда бы сюда не приехала, и мы всю жизнь пребывали бы в неведении.

– Не забывай, они всегда нас очень любили. Ты попросишь прощения у нашего лучшего на свете отца, из-за которого нам завидовали все подружки, потому что другого такого доброго человека нет на свете. Я, например, не знаю за ним никаких недостатков, кроме любви к вкусной еде и своей старой колымаге. Иметь такого отца – огромное везение. А гордость свою оставь при себе!

Я старшая сестра – и что с того? Меня уже не впервые за этот день щелкнули по носу, но я научилась молчать.

– Пока я буду успокаивать папу, ты, старушка, отыщешь сокровище, чем бы оно ни было. Не верю, чтобы мама проявила такое простодушие и отказалась от своей доли. Я тоже мечтаю поселиться в Лондоне, и необязательно у Фреда, ты же меня понимаешь? Очень на тебя рассчитываю. Принимайся за дело. И не забывай держать меня в курсе.

– Где твое «пожалуйста»? «Пожалуйста, Элби, не забывай мне звонить и держать меня в курсе», – ехидно напомнила я.

– Как у тебя дела с твоим «битлом»? – последовал вопрос.

– Никак.

– Смотри, вдруг он трется у тебя под боком, чтобы отнять у тебя клад?

У нас нет доказательств, что не он все это устроил с корыстной целью.

– Мэгги, что ты несешь?

– Если я в чем-то и разбираюсь, так это в мужчинах. До завтра!

Короткие гудки.

Теперь я знала, что принадлежу к семейке, о которой мне почти ничего не было и никогда не будет известно. Из уважения к матери я не стану разыскивать место упокоения деда и бабушки. Что толку, если я потревожу их прах? Предам мать, и только. Но если она отказалась от девичьей фамилии и назвалась Голдштейн в честь своего деда Сэма, то из этого следовало, что тот был достойным человеком, и мне уже не терпелось о нем хоть что-то разузнать. Ну и о Стэнфилдах тоже, если честно.

Джордж-Харрисон ждал меня в пикапе. Я направилась к нему. Он встретил меня вопросительным жестом – ну как, мол, помирилась с папой? Что бы ни говорила Мэгги, я отметала даже мысль о том, что Джордж-Харрисон – коварный аноним.

– Все в порядке? – спросил он, наклоняясь и распахивая мне дверцу.

– Во всяком случае, завтра будет лучше.

– Отлично. Куда едем теперь?

Я чувствовала себя виноватой: мое расследование продвигалось семимильными шагами, тогда как его буксовало. Я стала извиняться.

– Да бросьте вы! Я так давно жду, что лишняя неделя, месяц, даже год ничего не значат. Возможно, я навсегда останусь в неведении.

– Не отчаивайтесь, мы его найдем, обещаю.

– Там видно будет. Пока я знаю только одного человека, у которого можно получить хоть какие-то сведения. Завтра утром мы снова примемся за профессора Шейлока.

Старый пикап, стоящий у тротуара в Балтиморе, – наверное, одно из наименее романтичных мест на свете, тем не менее, наверняка под наплывом противоречивых чувств, именно там я вдруг поцеловала Джорджа-Харрисона.

Поцелуй вышел долгий и пылкий, настолько, чтобы оба мы забыли, где находимся. В этом поцелуе было столько незабываемой нежности, словно он был у нас далеко не первым, столько понимания и непосредственности, словно мы были давным-давно знакомы.

– Не знаю, что на меня нашло, – пробормотала я, багровая от смущения.

Джордж-Харрисон завел мотор. Мы тронулись с места и долго ехали молча, переплетая пальцы.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Конец дня, как ни странно, не принес ничего нового, а стал скорее отступлением на прежние позиции. Джордж-Харрисон вел себя так, как будто между нами ничего не произошло. За столом я была так молчалива, что ему пришлось отдуваться за обоих. Из-за отсутствия иных тем он стал рассказывать о своей матери. Она вызывала у него безмерное восхищение: всю жизнь была свободным человеком, никогда не изменявшим своим убеждениям.

– Ей было свойственно вступаться за всех обиженных, вплоть до неодоушевленных, даже в самых безнадежных ситуациях. – В его тоне звучала гордость. – Признаться, порой она перегибала палку. Когда я открыл собственную мастерскую, она заставила меня отложить деньги на посадку новых деревьев взамен тех, которые я погублю. Это, конечно, перебор, прореживать лес необходимо для его сохранения, но против этого довода у нее всегда был свой: варварская вырубка амазонских джунглей.

Охрана природы на всей планете, защита детства, борьба с социальным неравенством, тиранией и ханжеством, крестовый поход за свободу и толерантность... Ей до всего было дело, но ее коньком была коррупция. Она люто ненавидела всех тех, кто в стремлении к власти и деньгам теряет человеческий облик. Сколько раз я наблюдал, как она кипит от возмущения, читая газеты! Помню ее последнюю вспышку гнева перед тем, как она стала заговариваться. «Каждый день дети умирают под бомбами, от голода, от изнурения и непосильного труда в жутких условиях, и при этом люди выходят на демонстрации против влюбленных, потому что те, видите ли, принадлежат к одному полу. Ну и лицемеры!» Не точно, но она сказала примерно так. Другой ее излюбленной темой была предвзятость правосудия. «Попробуй не заплатить штраф, и у тебя отнимут машину, а тех, кто запросто запускает руку в государственную казну, без зазрения совести выписывает себе умопомрачительные премиальные, мошенничает, набивая карманы, всего лишь снисходительно похлопывают по плечу, и всем все равно!» Иногда я думаю, не из-за этих ли вспышек гнева она в конце концов лишилась рассудка.

Не сказать, что мне наскучили его разговоры, но никогда еще вечер не тянулся так долго. Я надеялась, что он обойдется без десерта, но где там, у него разыгрался волчий аппетит. Я уже завидовала официантке, сновавшей между столами: вот бы поменяться с ней местами! Потом догадалась отпроситься в туалет, чтобы отдохнуть от его общества. Вернувшись, обнаружила, что он уже расплатился и ждет меня, чтобы уйти.

Мы прогулялись до отеля. Выйдя из лифта, он сказал:

– Я прекрасно провел вечер, в отличие от вас. Мне стыдно, кажется, я слишком разболтался. До завтра.

И он оставил меня в коридоре одну. Никакой бушующий вулкан не мог бы со мной сравниться! Я была готова провалиться сквозь пол и рухнуть на нижний этаж. С меня стало бы подбежать к его двери и забарабанив в нее кулаками, а когда он высунется, спросить, не заметил ли он, случайно, что мой язык побывал у него во рту. Но меня останавливало то, что он все ясно дал понять. С завтрашнего дня я последую его примеру и поведу себя так, словно ничего не произошло.

Спала я плохо, все время прокручивала в голове разговор с отцом. Под утро мне приснился кошмар. Я в роскошном доме Стэнфилдов. Стены внизу обиты деревянными панелями, вверху расшитая золотыми цветами шелковая обивка, полы мраморные, люстры хрустальные. Вижу свое отражение в зеркале: я служанка. На мне полосатая кофточка, на талии ремешок, на рыжих волосах кружевной платок, в руках тяжелый поднос, я неуклюже вползаю с ним в столовую. За огромным столом из красного дерева, на его противоположных концах, восседают Ханна и Роберт Стэнфилд. Между ними высятся серебряные канделябры, громоздятся дорогая посуда, мерцают приборы. Моя мать, еще ребенок, сидит, выпрямив спину. Напротив сидит улыбчивый старик. Я приближаюсь к хозяйке, та говорит, что я наклонила поднос и что если я испачкаю персидский ковер, то она вычтет из моего жалованья расходы на его чистку. Потом властным жестом велит мне обслужить остальных. Дедушка подмигивает мне, я подхожу к матери, и она ставит мне подножку. Я растягиваюсь на полу, все за столом хохочут.

Я проснулась вся в поту, распахнула окно номера и стала любоваться рассветом в старых балтиморских доках.

– Хорошо спали? – спросил меня Джордж-Харрисон за завтраком.

– Как сурок, – буркнула я, утыкаясь в меню.

После завтрака мы сели в пикап и поехали в университет.

Шейлок заставил нас ждать его больше часа. Секретарша предупредила, что он проверяет работы и примет нас, когда закончит.

Когда мы вошли в его кабинет, он пребывал в добром расположении духа.

– Чем могу быть вам полезен? – обратился он ко мне.

Я решила, что в этот раз сама буду задавать вопросы.

– Кто такой Сэм Голдштейн?

– Крупный торговец живописью, отец Ханны Стэнфилд. Что-то мне подсказывает, что это вам уже известно.

– Тогда расскажите то, чего мы еще не знаем.

– Я принимаю вас уже второй раз. Если вы не заметили, у меня есть другие занятия, кроме как отгадывать загадки иностранцев. Так что начните с того, что вас на самом деле сюда привело и почему вы так заинтересовались этой семьей.

Джордж-Харрисон положил руку мне на колено. Я поняла, что он подсказывает мне хорошенько подумать, прежде чем ответить. Вдруг профессор и есть наш аноним? Тогда мы сами прыгнули бы волку в пасть.

– Я вас слушаю! – поторопил меня тот.

– Я внучка Ханны Стэнфилд, дочь Салли-Энн.

Шейлок, удивленно тараща на меня глаза, оттолкнул кресло и без гримас, легко, как молодой, встал с кресла. Видимо, его ишиас испарился. Подойдя к окну, он оглядел кампус и потербил бороду.

– Если сказанное вами – правда, то это все меняет... – пробормотал он.

– Что меняет? – подал голос Джордж-Харрисон.

– Я говорю о полном отсутствии у меня интереса к вам до этой минуты. Если вы из Стэнфилдов, тогда другое дело, тогда мы можем найти общий язык.

– Вас интересуют деньги? – выпалила я.

– Либо вы глупы, либо грубы. Я бы предпочел второе, иначе мы рискуем без пользы потерять много времени. Вы оба не похожи на очень зажиточных людей. Если вы надеетесь на крупное семейное наследство, то будете разочарованы, потому что от него ничего не осталось.

– Вы либо глупы, либо грубы, – парировала я, – только я не в силах решить, что предпочитаю.

– А вы дерзкая, раз говорите со мной в таком тоне!

– Я всего лишь беру с вас пример, – заметила я.

– Что ж, попробуем начать сначала. Предлагаю вам небольшую сделку.

Шейлок сознался, что соврал нам, сказав, что после того, как Ханна его выпроводила, он больше ни разу не видел Роберта. Лично он назвал бы это не обманом, а недосказанностью, уточнил он, так как в первый раз не имел никаких причин все нам выкладывать.

– Ханна нежно опекала сына, а для ее мужа существовала только дочь, так бывает. Поэтому когда Салли-Энн стала его презирать, ему трудно было это пережить. Ее отправка в английский пансион только усугубила положение: Роберт почувствовал себя страшно одиноким и винил во всем себя. Он бы всем пожертвовал, чтобы вернуть ее доверие, восстановить их прежние отношения. Уверен, если бы не препятствия со стороны жены, он пошел бы до конца. Но у них всем заправляла она. У нее была железная хватка.

– Почему мама возненавидела своего отца? Он поднимал на нее руку?

– Чтобы Роберт чем-нибудь обидел свою доченьку? Да никогда в жизни! Нет, она подслушала не предназначавшийся для ее ушей разговор. Во всяком случае, двенадцатилетним такого не рассказывают...

– Вы называете его по имени. Вы были близкими друзьями?

– Сначала не были, потом стали. Спустя несколько месяцев после встречи у него в кабинете он сам ко мне пришел. Сидел вот в этом кресле, где сейчас сидите вы. Раз я так интересовался династией Стэнфилдов, он предложил открыть для меня ее архивы, но с одним условием: чтобы я написал главу о его собственной истории. У Роберта была потребность поговорить начистоту с непредвзятым человеком, заслуживавшим полного доверия.

– О чем именно поговорить и с какой целью?

– Ради восстановления истины. Чтобы это в нужное время дошло до его дочери, которая простит его и вернется. Я увидел в этом возможность осуществить свой проект и ответил согласием. Но тоже выдвинул свои условия. Услуга за услугу: я ни в чем не погрешу против истины и изложу факты без малейшего искажения. Роберт принял эти правила. Мы стали встречаться каждую среду у него в кабинете. Он приносил необходимые для моей работы документы – понемножку, чтобы его жена ничего не заметила. Так продолжалось много месяцев, за это время мы подружились. Он настойчиво просил меня ускорить работу, но я читал лекции студентам и занимался исследованиями, которые обязан проводить историк моего ранга, поэтому начал писать с опозданием. Тем не менее рукопись была уже почти готова, когда Ханна положила конец нашему проекту. Не знаю, чем она пригрозила Роберту, но он попросил меня все прекратить. Наша

дружба обязывала меня исполнить его волю.

– Почему вы не продолжили работу после его смерти?

– Учитывая обстоятельства его ухода из жизни, я должен признать, что это была прекрасная смерть для мужчины. Но как ни опечалила меня его кончина, я ничего не мог опубликовать. В нашем соглашении имелся пункт, по которому он должен был предварительно прочитать текст. Я не мог этим пренебречь: конечно, без этого мой труд вряд ли стал бы менее ценен, но я слишком ценю свое слово.

– Что за разговор подслушала моя мать? – снова спросила я.

Шейлок внимательно на меня посмотрел и, поколебавшись, сказал серьезным тоном:

– Пришла наша очередь заключить соглашение. Я предоставляю вам возможность узнать все на условии, что вы согласитесь на публикацию моей работы. Раз на свете есть потомок рода Стэнфилдов, ваша гарантия освободит меня от прежнего обещания.

Шейлок вытянул из жилетного кармана цепочку. К ней вместо часов был приделан ключик. Им он отпер ящик шкафа и достал толстую папку, которую положил перед нами.

– Здесь, на этих страницах, есть все, что вам нужно. Самое интересное вы найдете под рубриками «1944» и «1947». Когда изучите, милости прошу снова ко мне. Я поведаю вам остальное.

Он проводил нас до двери и пожелал успеха.

* * *

Остаток дня я просидела в университетской библиотеке, усердно изучая главу под названием «1944». Одолев очередную страницу, я передавала ее Джорджу-Харрисону.

Так я узнала, как Роберт Стэнфилд попал из Балтимора в сторожку в чаще французского леса, о его дружбе с Сэмом Голдштейном, об участии в боевых действиях Сопротивления, о перенесенных им пытках, бегстве, о том, как храбро он защищал ту, на которой женился после тяжелого перехода через Пиренеи...

К концу дня я по-прежнему недоумевала, что заставило маму поссориться с ее замечательным отцом, женившимся на ее матери, дочери Сэма Голдштейна, в посольстве США в Мадриде ради ее спасения. С человеком, сдержавшим слово и забравшим Ханну с собой в Америку.

Меня ждала еще одна глава, из которой мне предстояло узнать, что

происходило с моими дедом и бабкой после того, как они ступили на американскую землю.

Июль 1944 – март 1946 г., Нью-Йорк

Война еще далеко не закончилась, когда Ханна и Роберт увидели с палубы корабля воздетую руку статуи Свободы, пронзившую утренний туман. Оба не впервые любовались этим зрелищем, но в тот момент все то, что оно символизировало, вызвало у них прилив чувств и скрепило их союз еще надежнее, чем подпись американского консула в Мадриде.

После проверки иммиграционной службой они сели в такси. Роберт велел водителю везти их в «Карлайл», не отель, а настоящий дворец, из верхних окон которого открывался захватывающий вид на Центральный парк.

Пока для них готовили номер, они устроились в баре отеля. Роберт заказал завтрак на двоих и, оставив жену одну, пошел звонить родителям. Сделать это из Мадрида не получилось, пришлось отправить телеграмму, чтобы сообщить, что он жив. Новость, что теперь у них есть невестка, он до поры до времени решил им не сообщать. Тем не менее необходимо было предупредить их, что он вернулся не один; пусть позаботятся, чтобы ему было чем оплатить ночлег и на что существовать, пока он доберется до Балтимора.

Узнав о скором приезде Роберта, дворецкий был вынужден сказать ему правду. Его папаша проиграл все, что еще оставалось от состояния Стэнфилдов, и сбежал в Майами; семейное гнездо заложили кредиторы. Из прежнего персонала там остались только сам дворецкий и одна горничная.

Роберт испытал чувство небывалого унижения. У Ханны еще оставалось немножко денег – ровно столько, чтобы обеспечить им элементарное выживание. «Карлайл» был им уже не по карману, пришлось довольствоваться комнатухой на углу 37-й улицы и 8-й авеню в ирландском квартале «Адская кухня», больше напоминавшем тогда трущобы. Выйти из дома после наступления темноты невозможно: на улицах слишком опасно. Ханна отказалась там задерживаться. Первую неделю в Нью-Йорке она только и делала, что искала по объявлениям скромное, но более пригодное для жизни место. Община европейских евреев, сбежавших из Германии в 30-е годы, облюбовала Верхний Вест-

Сайд. Хозяин особняка, переделанного под квартиры, предложил им по сходной цене, без залога, студию на первом этаже. Переезд туда на время успокоил Ханну. Здесь она могла, по крайней мере, гулять, не опасаясь нападения. Когда позволяла погода, она доходила до парка. Богатые дома с ливрейными привратниками в дверях, располагавшиеся на западной стороне Центрального парка, напоминали ей о прежних временах, когда она приезжала сюда с родителями. Больше всего ее притягивал комплекс «Дакота-билдинг». Задирая голову и разглядывая окна, она воображала беззаботную жизнь здешних обитателей.

Роберт демобилизовался и, забыв про гордость, подрабатывал чем придется. Он рано уходил из дому и отправлялся в бюро по найму. Все места, на которые он соглашался, были временными. Он поработал и грузчиком, и приказчиком в магазине мужских сорочек. Потом ему повезло: он нанялся на более продолжительное время водителем в фирму, развозившую напитки. Хозяин был человеком приветливым, хоть помешанным на дисциплине, но он уважал своих работников. Поздней осенью сослуживец втянул Роберта в незаконные поставки. Теперь он мог сам распоряжаться грузовиком. Работа сводилась к тому, чтобы переезжать через Гудзон и забирать из порта в штате Нью-Джерси ящики с контрабандным спиртным и сигаретами.

Дело было нехитрое, но рискованное, главное было не попасться. Зато и денег она приносила больше: двести долларов за рейс. За выходные Роберт успевал обернуться четыре раза, и эти деньги позволили семье зажить лучше.

Теперь по средам и субботам он водил Ханну ужинать в ресторан, а потом на танцы в джаз-клуб в Вест-Виллидж.

Как-то вечером, вернувшись домой, он застал ее перед газовой плитой всю в слезах. Она молча сидела перед кастрюлей овощного супа, который сварила. Ничего не сказав, Роберт уселся за стол. Она подала ему еду, ушла и легла в кровать.

Поев, Роберт пришел в спальню и устроился рядом с ней.

— Знаю, ты очень стараешься, и я ни в чем тебя не упрекаю, наоборот, я очень тебе благодарна. Но это не та жизнь, какую я себе представляла, — сказала она.

— Мы обязательно отсюда выберемся, надо только немного потерпеть. Еще немного — и мы прорвемся.

— Что значит «немного»? Я все время одна, все будни, и выходные тоже. Знаю, по выходным ты занимаешься чем-то противозаконным. Я не дура, мне достаточно было увидеть в окно, с кем ты уезжаешь ночью. На

зарплату простого водителя не походишь в рестораны, не купишь ни холодильника, который нам привезли в прошлом месяце, ни платья, которое ты мне подарил...

– Я купил его тебе, потому что ты украсишь собой любую вещь.

– Я не хочу его носить, не хочу грязных денег, не хочу так жить...

Ханна слишком много времени проводила в богатых кварталах. Там гуляли нарядные люди, которым нельзя было не позавидовать, по улицам сновали шикарные автомобили. Успешные бизнесмены сидели в ресторанах и делали покупки в магазинах, куда она не смела заглянуть, – люди вроде тех, с кем она постоянно сталкивалась в детстве. Война и гибель отца отлучили ее от этой среды, и теперь она, подобно Алисе в Стране чудес, искала спрятанную дверцу, чтобы туда возвратиться.

– Ты не понимаешь, с такой работой мы никогда ничего не добьемся. Не хочу, чтобы ты угодил в тюрьму. Если уж пострадать, то хотя бы не зря...

– Ты серьезно? – удивился Роберт.

– Учти, если ты свяжешься с преступным сбродом, я от тебя уйду. Вот если бы мы могли вернуться во Францию...

– Что бы это изменило?

– Когда-нибудь я тебе объясню.

Ханна не подозревала, что этот разговор станет решающим для их будущего и принудит Роберта лгать. Абсурд заключался в том, что все, что он делал потом, он делал из любви к ней.

В конце декабря 1944 года наступила зима, город засыпало снегом.

31 декабря Роберт обещал Ханне вернуться домой до ужина. Она потратила сэкономленные деньги на праздничную трапезу: сходила в знаменитую в Верхнем Вест-Сайде бакалею Шварца и купила копченую белую рыбу, пастроми, красную икру, сдобные булочки. Вернувшись домой, она красиво накрыла на стол и впервые надела подаренное мужем платье.

Тем вечером Роберт совершал последний в году рейс. В порту было темно. Опасность появления полиции в предновогодний вечер была минимальной. В его грузовик быстро погрузили коробки с сигаретами и ящики со спиртным. Двое докеров, помогавших Роберту, пожелали ему счастливого Нового года и ушли. Роберт закрыл борт, залез в кабину и тронулся в путь. Проезжая между двумя портовыми кранами, он увидел в зеркале заднего вида красный проблесковый маячок. Завывая сиреной, его преследовала полицейская машина. Можно было остановиться,

прикинуться, что он не знает, какой груз везет, что он – простой шофер, подрабатывающий сверхурочно. Ну переночевал бы в участке, предстал бы перед судьей, но, не имея судимостей, с отличным послужным списком, почти ничем бы не рисковал... Все решила память о том единственном случае, когда он угодил в полицию – во Франции. Забыть об этом не давали шрамы. Поэтому Роберт поднажал, вывернул руль и направил грузовик в реку. Он успел выпрыгнуть из кабины и покатиться по асфальту. Без улик нет преступления. Он видел, как грузовик с контрабандой погрузился в беспокойную воду реки Гудзон.

Преследователей могла постигнуть та же судьба, но полицейский в последний момент сумел затормозить. Передний бампер автомобиля с красной вертушкой завис над водой.

Роберт не стал ждать, пока полицейский за рулем придет в себя: он бросился наутек и исчез в лабиринте контейнеров.

* * *

1945 г.

Уже наступил 1945 год, когда он, стуча зубами, с разбитыми в кровь локтями и коленями, ввалился в квартиру.

Ханна, не говоря ни слова, стала обрабатывать ему ссадины. Он ожидал града упреков и грандиозного скандала, когда два часа шагал под снегом, ежась от холода и скользя на льду. Но Ханна, как ни странно, хранила спокойствие.

Промыв и перевязав его ссадины, она села напротив него, взяла за руку. Ее взгляд светился удивительной нежностью.

– Мне следует на тебя злиться. В девять вечера я рвала и метала, в десять бесилась, но к одиннадцати успокоилась. Я стала волноваться, потом паниковать. В полночь, когда наступил Новый год, я поклялась, что, если ты вернешься, я не стану ни в чем тебя упрекать. В два часа ночи я решила, что тебя нет в живых. Но ты вернулся. Что бы ты ни рассказал, нет ничего хуже того, что я себе представляла. Теперь слушай внимательно, Роберт. У нас с тобой есть выбор между двумя завтра. Первое: я собираю чемодан, ухожу, и ты больше никогда меня не увидишь. Второе: ты, ничего не утаивая, выкладываешь мне все, что с тобой произошло, даешь слово, что никого не убил и сделал это – что бы это ни было – в последний раз.

Роберт рассказал жене все и поклялся, что больше не станет нарушать

закон. Ханна простила его.

Второго января он приплелся на работу, надеясь уговорить хозяина не выдавать его полиции в обмен на обещание возместить убытки. Не успел он рта раскрыть, как хмурый хозяин сказал:

– Какие-то проходимцы угнали твой грузовик, чтобы перевезти на нем контрабанду. Им не повезло, и, удирая от копов, они утопили грузовик в реке. Вчера его выудили из воды. Я там побывал, грузовик не подлежит ремонту, груз утонул. Купить другой мне не на что, я мухлевал со страховкой. У меня больше нет для тебя работы, парень, а платить тебе за безделье я не могу. Поверь, мне очень жаль.

Хозяин рассчитался с ним за день простоя и выставил за дверь.

Роберт легко отделался, однако ему предстояло компенсировать стоимость утопленного в Гудзоне груза. Те, с кем ему надо было расплатиться, не отличались великодушием. У него не осталось ни работы, ни грузовика как средства заработка и выплаты долга, при этом он не собирался нарушать данное жене обещание. Верный ему, он, вернувшись домой, обрисовал положение Ханне. Та решила взять судьбу семьи в свои руки. Теперь она сама позаботится об их будущем. Даже если он найдет честный заработок, одной его зарплаты им не хватит. Роберт не хотел, чтобы она тоже работала, но она послала куда подальше его самолюбие и предрассудки. У ее отца были до войны в Нью-Йорке богатые клиенты, он знакомил ее с ними, когда привозил сюда с собой, и многие из них восторгались ее познаниями, когда она была еще ребенком. Она, дочь Сэма Голдштейна, выросла в этой среде и найдет в ней свое место.

Всю следующую неделю она ходила по нью-йоркским галереям. Бывшие отцовские клиенты, соглашавшиеся ее принять, угощали ее чаем с печеньем и сочувствовали трагической судьбе Сэма: «Такой замечательный человек, какой ужас! Но какое счастье, что вы, Ханна, выжили, ведь столько невинных приняли смерть...» Далее следовали жалобы на свою невеселую участь и затруднения в делах из-за войны, наконец, ей сообщали, что совершенно ничем не могут ей помочь.

Джон Гловер, галерист из Англии, хорошо знал Сэма. В 1935 году он открыл филиал в Нью-Йорке и сам перебрался туда в 1939-м. После окончания войны он надеялся вернуться в Лондон. Нацисты отступали на всех фронтах, терпя поражение за поражением, окончательная капитуляция Гитлера была не за горами. Гловер сказал Ханне, что она может на него рассчитывать и что если она хорошо себя проявит, то он доверит ей свои

дела в США, когда вернется в Англию. Зарплата, которую он мог ей предложить, была скромной, зато, работая у него, она получала возможность овладеть ремеслом.

Ханна навсегда сохранила признательность Джону Гловеру. Мало кому доводится столкнуться на жизненном пути с людьми таких исключительных душевных качеств и такой завидной скромности, как Гловер. У этого коротышки в круглых очках, с усами и козлиной бородкой, было доброе сердце.

Он дважды в месяц приходил поужинать с ними в их скромное жилище на 67-й улице, и Ханна не стыдилась своей скромной столовой. Роберт подружился с англичанином, который, чтобы помочь им, иногда поручал ему доставить кому-нибудь из американских клиентов картину, вазу или скульптуру.

Восьмого мая 1945 года нацистская Германия подписала капитуляцию, и хотя Вторая мировая война завершилась только второго сентября, когда капитулировала и Япония, в Европе наступил мир.

Работа Ханны в галерее Гловера заметно улучшила их положение. Благодаря ей Роберт смог рассчитаться с долгом. Ханна трудилась самоотверженно и часто ездила встречаться с клиентами, покупавшими или продававшими произведения искусства даже скромного достоинства, под внимательным, но всегда благосклонным взглядом своего нанимателя. Она не жалела своего времени, и в конце концов ее усердие принесло плоды: она стала получать проценты от прибылей галереи. Однако каждый день, возвращаясь с работы, Ханна шла к Колумбус-Серкл по 59-й улице, мечтая о совсем другой жизни и любуясь фасадами зданий, выходивших окнами на парк.

Роберт прекрасно понимал, какие мысли бродят в голове Ханны. Он помалкивал, но часто с тоской вспоминал былое богатство, которое его отец просадил за карточным столом, страдал оттого, что не может стать таким главой семьи, каким ему хотелось быть. В конце концов он надумал, как законно увеличить свой доход и обеспечить потребности семьи. Он хорошо познакомился с клиентами и поставщиками за те месяцы, что проработал водителем грузовика. Окончание войны вернуло людям праздничное настроение. В городе спиртное лилось рекой, потребность в нем все росла. Роберт решил организовать собственную торговлю спиртными напитками, специализируясь на дорогих марках: дешевые не отвечали его амбициям. Бурбон, виски, бренди, шампанское, дорогие вина – вот что он будет продавать. Но, чтобы начать, требовалось где-то найти деньги. Он обошел множество банков и всюду получил отказ. Репутация

Стэнфилдов не выходила за границы Мэриленда. В Нью-Йорке Роберт был всего лишь молодым человеком без прошлого и без связей. Только один человек мог ему поверить и помочь.

* * *

Роберт с головой ушел в воплощение своего проекта. Он нашел на 91-й стрит подходящее помещение с выходом на улицу, с задним двориком, где можно было ставить фургон, и со старым сараем под склад. Что касается Ханны, то она теперь всю себя отдавала галерее. В ней уже нельзя было узнать ту молодую женщину, которая сошла с корабля с несколькими купюрами, спрятанными в чулок. Ее место заняла решительная особа, преданная своей работе и грезящая тем миром, с которым теперь имела дело. Она разъезжала по всей стране: из Бостона в Вашингтон, из Далласа в Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Но всякий раз, возвращаясь в свою квартирку, она наполнялась яростным желанием как можно быстрее оттуда вырваться.

Поздней осенью 1945 года торговля Роберта стала приносить прибыль. Нельзя было не признать, что он трудится не жалея сил. Теперь они с Ханной виделись только по воскресеньям, посвящая свободный день любви и сну.

* * *

1946 г.

Второго марта Роберту позвонил бывший дворецкий его родителей и сообщил ужасное известие. Родители Роберта погибли в автомобильной аварии под Майами, и у старого слуги нечем было оплатить их погребение во Флориде.

Ханна настояла, чтобы они взяли на себя оплату похорон. При всех своих претензиях к родителям Роберт был обязан проводить их в последний путь. После возвращения сына из Европы они ни разу с ним не говорили и умерли, не зная, что он женился; Ханна винила себя в том, что не заставила мужа первым сделать шаг к примирению. Без малого два года она была так занята борьбой за выживание, что забыла о главных человеческих обязанностях, а теперь было уже поздно. Она постаралась,

чтобы тела переправили в Балтимор, где от бывшего великолепия Стэнфилдов остался только семейный склеп.

Супруги поехали в Балтимор. В маленькой часовне у кладбища собралось всего несколько человек. Больше всех горевал, похоже, дворецкий, сидевший в первом ряду. Горничная, Ханна и Роберт заняли места во втором ряду. В глубине часовни сидел пузатый мужчина в костюме-тройке и длинном пальто. Служба была короткой, в завершение священник выразил соболезнования всем присутствующим, потерявшим близких. Учитывая, что перед ним сидели всего пять человек, его слова можно было принять за шутку.

Церемония завершилась, гробы перенесли в склеп. Ханна не удержалась от слез: она вспоминала отца и больше чем когда-либо ощущала потребность побывать на его могиле. Во время их бегства в Испанию Роберт постоянно убеждал ее, что родственники партизан непременно похоронят Сэма на ближайшем деревенском кладбище.

Когда они направлялись к машине, к ним приблизился тот самый пузатый мужчина. Произнеся традиционные слова соболезнования, он сообщил еще одну плохую новость, казалось удручившую Роберта сильнее, чем потеря родителей. Замок Стэнфилдов продали с молотка для оплаты оставшихся после них долгов. Роберту следовало в течение трех месяцев решить, принимает ли он наследство, представляющее собой неподъемный груз долгов. Ханна осведомилась о величине долга, и банкир, одетый как служащий похоронного бюро, с мрачным удовлетворением назвал сумму: полмиллиона долларов.

Первую половину обратной дороги Ханна сидела погрузившись в раздумья. Когда они миновали Филадельфию, она взяла Роберта за руку и сообщила, что, возможно, нашла способ, как снова завладеть домом, где прошло его детство.

– Интересно, как, по-твоему, мы в такой короткий срок найдем такую крупную сумму? – спросил он. – Разве что вернуть долг, наделав новых долгов? Ты работаешь как лошадь, я тоже. Как ни отвратительна мне мысль о том, что дом попадет в чужие руки, приходится смотреть правде в глаза: я вынужден отказаться от своей мечты.

– Не спеши, я не предлагаю влезать в долги. Просто мне надо будет съездить во Францию. Надеюсь, нам улыбнется удача.

Роберт догадывался, что задумала Ханна, но предпочел ни о чем не расспрашивать.

Супруги вернулись домой уже в сумерках. Они наскоро поужинали, потом Ханна растянулась в постели рядом с мужем. Тот не переставал

думать о ее предложении, но, боясь, что проблемы начнут расти как снежный ком, не мог решиться его принять.

– Обойдемся, – сказал он, выключая свет. – Мы сами добьемся успеха, и наши дети станут гордиться родителями, обеспечившими им будущее своим трудом.

Но Ханна, сев в постели, призналась ему в том, что уже несколько месяцев тяготило ее:

– Не думаю, что смогу родить тебе ребенка. С тех пор, как мы с тобой спим вместе, со мной ни разу не произошло того, чего ждет – или опасается – каждая женщина.

* * *

Спустя две недели – раньше, чем Ханна могла надеяться, – сообщение о приезде в Нью-Йорк крупного клиента из Калифорнии позволило ей приступить к осуществлению ее плана. Гловеру требовалось срочно отбыть в Лондон для заключения еще одного выгодного контракта. «Почему бы мне не поехать туда вместо вас?» – предложила ему Ханна. Клиент из Калифорнии был чрезвычайно капризен, и галерист решил, что лучше сам поработает с ним.

Ханна полетела за океан. Впервые она обедала за облаками. При взлете она немного струхнула, но воздушное путешествие стало для нее восхитительным приключением.

За три дня она сделала в Лондоне все, что требовалось, и сочла возможным попросить у галериста несколько дней отпуска. Она поделилась с Гловером своим желанием побывать во Франции и найти могилу отца, раз уж она оказалась в Европе. Благодаря ей Гловер завершил за месяц две исключительно выгодные сделки и теперь достал бы для нее луну с неба, если бы она его об этом попросила. Он вызвался оплатить ей дорогу, ночлег и питание. Более того, он поменял ее старый билет на новый, чтобы она могла вылететь обратно из Парижа.

Ханна села в поезд, переправилась на пароме через Ла-Манш, села в поезд до Парижа, там сняла номер в отеле рядом с Лионским вокзалом, а потом тоже поездом добралась до Монтобана. Там она взяла автомобиль и заехала в мэрии двух деревень, расположенных неподалеку от лесной сторожки.

Прошло всего два года, и воспоминания еще были свежи. Ей называли адрес кузнеца, брат которого погиб в лесу у сторожки.

Войдя в кузницу, она сразу его узнала. Увидев Ханну, кузнец прослезился, бросил инструмент, кинулся к ней и стиснул в мощных объятиях.

– Господи боже мой, вы живы! – запричитал он. – Где мы только вас не искали...

– Да, я жива, – тихо проговорила она, сдерживая рыдание.

– Как мне жаль вашего отца!

– А мне – вашего брата. Ему, как и остальным, я обязана жизнью.

Ханна снова рассказала о том, что произошло тем июньским днем сорок четвертого года неподалеку от деревни.

Жорж посадил ее на свой мотоцикл и повез на кладбище. Только после того, как она поплакала на могиле отца, кузнец нарушил молчание:

– Нам сообщили обо всем на следующий день. В полдень пришел жандарм и велел нам ехать за телами. Рауль, Хавьер, малыш Марсель и мой брат Альберто – все лежат здесь, – сказал кузнец, указывая на могилы.

– И мой отец, – добавила Ханна.

– Меня подозревали, – продолжил рассказ кузнец. – Я один остался в живых – может, это неспроста? Злые языки обвиняли меня во всех грехах. Если бы среди убитых не оказался мой брат, я не успел бы доказать, что невиновен. А что стало с американцем?

– Мы добрались до Испании, и я вышла за него замуж, – ответила Ханна. – Там был еще паренек по имени Титон. Вы его видели?

– Нет, ни разу. Может, это он всех выдал?

– А может, никакого предателя не было? – возразила Ханна. – Коллаборационисты давно повадились прочесывать лес.

– Может, и так, – не стал спорить кузнец.

– Что теперь со сторожкой?

– Стоит заброшенная. Оттуда вынесли оружие, с тех пор туда никто не ходит. Даже мне страшно туда возвращаться. А вот на тропе, ведущей туда, бываю. Там земля еще черна от их крови, то место – как второе кладбище.

Ханна попросила Жоржа об услуге, которую ему непросто было ей оказать, пообещав, что не останется в долгу. Ей хотелось побывать в охотничьей сторожке, в комнате, где расстался с жизнью ее отец, чтобы сполна отдать долг его памяти.

– Может, и мне это пойдет на пользу, – откликнулся он. – Кто знает, вдруг вдвоем нам будет не так больно?

Они сели на мотоцикл и доехали до опушки, где начиналась тропа. Дальше она поднималась вверх. Двумя годами раньше они с Робертом спускались здесь под покровом ночи. Несколько раз она останавливалась:

подкашивались ноги, все тело дрожало, ей становилось трудно дышать. Переведя дух, она шла дальше.

Наконец на склоне появилась охотничья сторожка. Ни дыма над трубой, ни звука: все было тихо, слишком тихо.

Жорж вошел первым. Там, где упал под пулями его брат, он опустился на колени и перекрестился. Ханна медленно вошла в свою комнату. От шкафа остались расщепленные дощечки, от кровати – железная сетка на ржавых ножках. Как ни странно, табурет, на котором она столько сидела, остался цел. Она опустилась на него, как тогда, сложила руки на коленях и стала смотреть в окно на лес.

– Ну как, ничего? Выдюжите? – спросил Жорж, просунув голову в дверь.

– Я хочу спуститься в подвал, – прошептала Ханна.

– Вы уверены?

Она молча кивнула. Жорж поднял крышку люка, щелкнул зажигалкой и первым спустился вниз: хотел убедиться, что ступеньки не сгнили и выдержат их. В подвале, выдолбленном в скальном грунте, было сухо, ступеньки ничуть не пострадали. Ханна последовала за кузнецом.

– Так вот где вы прятались, пока...

– Да, – перебила она его, – я забилась в глубь тоннеля. Идите за мной, – позвала она, забирая у него зажигалку.

Теперь впереди шла она. Перед брусом она остановилась:

– Можете вот это отодвинуть? Немного, всего на несколько сантиметров.

Жорж удивился, но она была так красива в свете огонька пламени, что он не смог ей возразить.

– Если честно, я всегда вами любовался, когда носил сюда еду и чистое белье. Только надежда снова вас увидеть заставляла меня раз за разом сюда карабкаться.

– Я знала это, – ответила Ханна. – Я тоже на вас заглядывалась. Но теперь я замужем.

Жорж пожал плечами и отодвинул брус. Открылась щель в стене тоннеля. Ханна попросила его немного посторониться и отдала ему зажигалку:

– Посветите мне, пожалуйста.

Она засунула в щель руку и нащупала продолговатый железный тубус. Вынув его из тайника, она знаком показала Жоржу, что можно подниматься наверх.

Хоть Жорж и был молчуном, но, спускаясь вниз по тропе, не

удержался от вопроса:

– Вот, значит, зачем вам понадобилось сюда вернуться?

– Чтобы побывать на могиле отца. Ну и за этим. – Она скосила глаза на тубус, который крепко прижимала к себе.

Они вернулись к мотоциклу.

– Куда вас везти?

– На вокзал, пожалуйста.

Кузнец выжимал из мотоцикла всю скорость, на которую тот был способен. Ханна одной рукой держала тубус, другой обнимала Жоржа за талию. Ветер обжигал ей лицо, и она чувствовала себя наконец свободной – свободной как никогда.

Жорж проводил ее на перрон и дождался с ней поезда. Когда она поднялась на ступеньку вагона, он схватил ее за руку:

– Что в этой штуковине?

– Личные вещи моего отца.

– Раз так, то очень славно, что они все это время пролежали нетронутыми и что вы их забрали.

– Спасибо, Жорж, спасибо за все.

– Вы ведь больше сюда не вернетесь?

– Нет, никогда.

– Так я и думал. Я заметил, что у вас нет вещей, сумки и то нет. Что ж, Ханна, счастливого пути!

Жорж проводил глазами набирающий скорость состав. Ханна, высунув голову из окна купе, послала ему воздушный поцелуй.

* * *

Вернувшись в Париж, она заперлась в своем гостиничном номере, открыла тубус и развернула на кровати картины. Сэм был предусмотрителен: герметичная упаковка хорошо их защитила, они ничуть не пострадали. Она внимательно осмотрела их одну за другой, насчитав только девять. Одной картины не хватало. «Девушка у окна» кисти Хоппера пропала.

* * *

На следующий день Ханна оплатила счет и улетела в Нью-Йорк на

борту самолета «Констелейшн» компании «Эр Франс».

Октябрь 2016 г., Балтимор

На этом текст обрывался. Джордж-Харрисон дочитал последнюю страницу и предложил выпить кофе. Мне было совершенно не до кофе, хотелось только одного: поскорее узнать, что было дальше, и понять, почему Шейлок бросил писать. Было около шести часов вечера, Шейлока еще можно было застать в его кабинете.

– За мной! – приказала я Джорджу-Харрисону.

Он ошалело заморгал.

– Недаром вы его внучка, – сказал он шутливым тоном.

Мы выбежали из библиотеки и устроили кросс по аллеям кампуса. Если бы мы были в спортивных костюмах, нас приняли бы за бегунов, старающихся обогнать друг друга. Собственно, это и было соревнование. Я заметила, что можно срезать путь, и метнулась в сторону, не предупредив Джорджа-Харрисона. Он закричал мне вдогонку, что я жульничаю. Мы добежали до двери Шейлока, едва дыша, и ворвались к нему, даже не постучав. Профессор при виде нас подскочил в кресле: с нас градом лил пот.

– Полагаю, не моя рукопись привела вас в такое состояние? – недоуменно осведомился он.

– Не она, а то, чего в ней нет. Как вы могли оборвать ее в самом интересном месте? – выпалила я.

– Тут важно не «как», а «почему». Я уже вам это объяснял. Ханна запретила Роберту продолжать работу. Но наша дружба на этом не прервалась.

Шейлок покосился на часы и вздохнул:

– Я голоден. Поздний ужин – путь к изжоге.

– Выбирайте ресторан, мы вас приглашаем, – предложил Джордж-Харрисон.

– Ну, раз так... В «Чарлстоне» хорошо кормят. Если вам до того любопытно, что вы не можете дождаться завтрашнего дня, то я принимаю приглашение.

При виде цен в меню мне стало нехорошо. Чтобы потребовать от своего главного редактора оплаты здешнего чека, мне пришлось бы приложить к отчету целое бедро Эдгара По. Но нашей целью было усадить Шейлока за стол и принудить его отвлечься от омара, которого он бессовестно заказал.

– Куда девалась пропавшая из тубуса картина? Что сделала Ханна, вернувшись в Нью-Йорк? – спросила я, дождавшись, пока отойдет официант.

– Задавайте вопросы по одному, – ответил профессор, повязывая на шею салфетку.

Он мигом разделался с половиной омара. От зрелища того, как он вскрывает панцирь, а потом облизывает пальцы, у меня пропал аппетит. Джордж-Харрисон повел себя приличнее: к тому, как он поедал бифштекс, у меня претензий не возникло.

– Вернувшись в Нью-Йорк, – заговорил профессор, – Ханна никому не рассказала о картинах: ни мужу, которому даже не призналась, что побывала во Франции, ни своему галеристу. Для этого имелись веские основания. Но для осуществления ее замысла нужно было найти силы расстаться с одной из оставшихся картин. Она выбрала «Счастливые возможности качелей» Фрагонара, полотно высотой восемьдесят и шириной шестьдесят сантиметров, которое называла просто «Качели». Из всех отцовских картин эта нравилась ей меньше всего, она казалась ей легкомысленной и слишком старомодной. Гловеру она об этом ничего не сказала, потому что в противном случае картину первым делом пришлось бы предложить ему, а он пожелал бы приобрести ее по договорной, а не по аукционной цене. С коллекционера она получила бы вдвое больше, а ее цель состояла в том, чтобы стать обладательницей полумиллиона долларов. По этическим соображениям она исключила из списка потенциальных покупателей клиентов галереи: предлагать картину этим людям было бы неloyально по отношению как к ним, так и к ее работодателю. Но среди клиентов отца были богатые ньюйоркцы, знакомством с которыми она была обязана только ему. Она договорилась о встрече с семьей Перл и в одно из воскресений, когда Роберт проводил учет товара, продемонстрировала им Фрагонара. Она оставила им картину на несколько дней, а на следующей неделе открыла счет в банке, подделав подпись Роберта, так как в то время замужняя женщина не могла завести счет без согласия супруга. На этот

счет были перечислены шестьсот тысяч, умело выторгованные ею за Фрагонара; тубус с остальными восемью картинами она пометила в банковский сейф.

– Что потом? – спросила я, боясь дышать.

– Вскоре после этого она наняла автомобиль с водителем и поехала в Балтимор. Там она выкупила родовой дом Стэнфилдов, расплатившись с банком, в собственность которого он перешел. В один прекрасный день она собиралась преподнести дом Роберту, но не сразу, ведь ему захотелось бы немедленно туда перебраться. Ханна мечтала о квартире с видом на Центральный парк, в ее планы не входило похоронить себя в провинции: ей виделась новая жизнь.

В начале 1948 года Гловер решил переехать в Англию. Ему требовался партнер, который приобрел бы американский филиал. Как честный человек он сообщил об этом Ханне, а та вызвалась выкупить долю в нью-йоркской галерее сама. О таком Гловер мог только мечтать: он полностью ей доверял; правда, ему пришлось бы ссудить ей определенную сумму, которую она постепенно, за несколько лет, вернула бы ему, продавая картины. Он пообещал поразмыслить над ее предложением. Боясь, как бы выгодная сделка не ускользнула из ее рук, Ханна предложила сразу внести пятьдесят тысяч наличными, а остальное возместить в течение двух ближайших лет. Гловер удивился, что у нее нашлось столько денег, но воздержался от комментариев.

В день подписания контракта он пригласил ее на ужин, чтобы отпраздновать заключение сделки. За едой он спросил, не у нее ли семья Перл приобрела Фрагонара, возникшего как из-под земли. Не дожидаясь ее ответа, он шутливо напомнил ей главное правило их профессии: рынок произведений искусства – тесный мирок, где все друг друга знают.

Гловер собрался и уехал в Лондон. Прошло несколько месяцев. Как-то раз, не без умысла выбрав день, Ханна пригласила Роберта в галерею. Витрина был затянута брезентом. «Не знал, что у вас ремонт, ты мне никогда ничего не рассказываешь», – упрекнул он жену. Но Ханна была так счастлива, так весела, что он не решился продолжать. Ханна сунула в руки мужу край шнура, свисавшего с края брезента, и попросила дернуть изо всех сил. Занавес упал, и взору Роберта открылись имена новых хозяев галереи. Теперь она называлась «Стэнфилд и Гловер».

– Как Роберт к этому отнесся? – спросил Джордж-Харрисон.

– Он толком не понимал, чем занимается его жена, но, увидев свою фамилию, начертанную золотыми буквами на стекле, он представил себе, чего это стоило Ханне, и испытал потрясение. То воскресенье стало одним

из чудеснейших моментов его жизни. Прошло ровно четыре года с тех пор, как они спустились по сходням судна, доставившего их из Танжера в Нью-Йорк.

– Он мог предложить жене, чтобы в названии галереи фигурировала ее девичья фамилия, – заявила я. – Если бы не наследство Сэма, она не смогла бы приобрести долю.

– Этого Роберт не знал. И вообще, великодушные – это умение ценить то, что вам преподносят. Тем не менее он об этом обмолвился, но в ответ услышал, что она хочет самостоятельности, желает сама добиться успеха. Голдштейн – это ее прошлое, Стэнфилд – будущее.

– Что было дальше?

– Сначала я загляну в десертное меню, мне очень рекомендовали здешнее шоколадное суфле. К нему подойдет хорошее сладкое вино. Надеюсь, я не очень размахнулся? Когда столько говоришь, пересыхает во рту.

Джордж-Харрисон подозвал сомелье, я – официанта. Добившись своего, Шейлок продолжил рассказ:

– В Нью-Йорке галерея «Стэнфилд и Гловер» работала более успешно, чем в Лондоне. Английская экономика с трудом восстанавливалась после войны. В конце 1948 года Ханна и Роберт поселились на верхнем этаже дома на углу 77-й улицы и Пятой авеню. Ханна долго мечтала о виде на Центральный парк и теперь не просто добилась своего, но и свила гнездышко на самой престижной стороне парка. Верхний Ист-Сайд ценится выше Верхнего Вест-Сайда: кто их разберет, этих снобов! Ханна уже считала себя счастливейшей из женщин, но жизнь быстро спустила ее с небес землю. Дела Роберта тоже стремительно шли в гору. У него уже работали филиалы в Вашингтоне и Бостоне, он готовился открыть еще один в Лос-Анджелесе. Ханна редко видела мужа и коротала почти все вечера одна в огромной квартире. Вид, о котором она так мечтала, с наступлением вечера превращался в черную кляксу. Их браку угрожала опасность, а ведь она искренне любила Роберта. Она поняла, что спасти их семью может только коренная перемена в жизни – рождение ребенка.

– Я думала, она бесплодна...

– Она тоже так думала, но деньги могут решить и эту проблему. В июле 1949 года, в пятую годовщины их прибытия в Нью-Йорк, Ханна вручила мужу документ о праве собственности на дом в Балтиморе и предложила туда переехать. Он бы мог рассердиться, что она выкупила дом тайно, но Ханна отдала ему ключи от дома Стэнфилдов, осуществив его мечту, о которой он старался забыть, и он увидел в этом поступке только

свидетельство истинной любви. Пока дом приводили в порядок, оба старались устроить свои дела так, чтобы ими можно было управлять из Балтимора. До Нью-Йорка оттуда было всего два с половиной часа на машине. Ханна наняла в галерею достаточно людей, чтобы расстояние не стало помехой. Она оставила за собой только основные контракты, а они с некоторых пор и так подписывались не в городе, на крупных аукционах. В 1950 году, когда в замке появилась ваша мать, Салли-Энн, Гловер заболел раком поджелудочной железы: его дни были сочтены. Он позвонил Ханне и попросил ее поскорее к нему приехать, ничего не сообщив о своем состоянии. Как только она прилетала в Лондон, он сказал ей, что решил уйти на покой, и предложил полностью выкупить бизнес. Цену он запросил более чем умеренную, так что Ханна сначала даже хотела отказаться: одна только коллекция живописи Гловера стоила вдвое больше. Но он напомнил ей второе главное правило профессии: произведение искусства стоит столько, сколько за него готов заплатить покупатель. Он понимал, что филиал в Европе станет для Ханны источником лишних хлопот, тем более что теперь она стала матерью и перебралась в Балтимор. Само помещение галереи особого значения не имело, к тому же он его арендовал. Поэтому он предложил ей спуститься в его хранилище и назначить цену на каждую картину, которая там находилась. Они партнеры, напомнил он ей, она и так наполовину владелица всех этих произведений искусства.

Шейлок уже доел свое шоколадное суфле, и я испугалась, что он закончит рассказ, не дойдя до той части, которой я с нетерпением ждала с начала ужина.

– Все это очень впечатляет, – прервала я рассказчика, – но что все-таки произошло между моей матерью и ее родителями? Что стало причиной их разрыва?

– Терпение, скоро вы все поймете. Гловер позволил Ханне произвести опись своей коллекции. Без этого можно было бы обойтись: с ее методичностью она и так изучила все досконально и все произведения внесла в свои бухгалтерские книги. В их партнерстве все было прозрачно: покупая какую-то вещь, Гловер немедленно ее об этом информировал, так же поступала и она. Поэтому то, что Ханна увидела, вызвало у нее шок.

– Хоппер?! – воскликнул Джордж-Харрисон, опередив меня.

– Та самая «Девушка у окна»! Вообразите смятение Ханны, обнаружившей в хранилище партнера любимую картину своего отца! Если Гловер приобрел ее законным путем, то зачем прятал от нее? Здесь не могло быть ни совпадения, ни случайности: единственным секретом между ними оказалось именно это полотно! Она бегом поднялась к нему в кабинет

и ворвалась туда как фурия. Гловер уже видел ее в дурном настроении, но такой взбешенной – никогда. Он тоже вышел из себя, когда она потребовала объяснить, как к нему попала эта картина. Его оскорбило подозрение в нечестности, но выгнать ее вон у него не хватило духу. Призвав на помощь легендарное британское хладнокровие, он задал ей встречный вопрос: почему ее так удивляет появление в его галерее этого полотна, если его принес ее супруг? По взгляду Ханны Гловер понял, что ей трудно осмыслить его вопрос. Дабы она не считала его нечистым на руку, он все ей рассказал. Пару лет назад Роберт попросил его об услуге. Ему требовались деньги, чтобы открыть торговлю спиртным. Гловер считал своим долгом ему помочь, но Роберт настоял на том, чтобы передать ему залог возврата долга – ценный предмет. Им оказалась «Девушка у окна». Когда Роберт вернул долг, галерист хотел отдать ему картину, но по каким-то причинам – тут Гловер воспользовался случаем, чтобы напомнить Ханне о третьем главном правиле профессии, умении помалкивать, – Роберт попросил оставить ее на хранение. На вопрос Гловера, намерен ли он ее продать – покупатель нашелся бы немедленно, – Роберт ответил, что независимо от цены они с женой никогда не согласятся с ней расстаться. «Они с женой!» – подчеркнул Гловер, давая понять, что ни минуты не сомневался, что она в курсе дела. Ханна рассыпалась в извинениях, объясняя, что при виде картины слишком разволновалась, потому и обезумела, но теперь берет свои слова назад. На этом спор прекратился. Гловер, не в силах дальше молчать о своем недуге, сознался, что смертельно болен и что Ханне нет нужды покупать его коллекцию, потому что он назначил ее своей наследницей, и всё, что она заплатила бы, все равно вернулось бы ей после его кончины. Ему осталось недолго, денег и так хватит... Это известие так потрясло Ханну, что она оставила на потом все вопросы, возникшие в связи с находкой «Девушки у окна». В течение нескольких месяцев она много раз навещала Гловера, а когда его положили в больницу, почти от него не отходила. Через шесть дней он скончался. Ханна занималась его похоронами. Она лишилась второго отца и очень старалась достойно проводить его в последний путь. После переправки коллекции Гловера в США галерея в Нью-Йорке получила новое название: такова была его последняя воля, изложенная в письме.

Важны только произведения искусства, они бессмертны, те же, кто ими владеет, имеют несравнимо меньшее значение, и все они рано или поздно уходят. Не в этом ли состоит сладостный урок смирения, преподанный искусством людям? Я

так вас любил, так восхищался вами именно потому, что не видел в вас ни малейшей гордыни, ни малейшего желания ими владеть. Как и я, вы питали к ним только любовь и уважение, поэтому настало время, чтобы плоды вашего труда полностью принадлежали вам. Не считайте себя должницей, вы были источником света, веселья, вы постоянно меня радовали своим характером и настроением, своим звонким смехом, своей увлеченностью. Жизнь была ко мне милостива, я повидал много людей, но никто не мог сравниться с вами стойкостью. Я хотел бы, чтобы отныне наша галерея называлась только вашим именем, ибо горжусь вами, своей ученицей, больше, чем тем, что был ее хозяином. Желаю вам, моя дорогая Ханна, прекрасной жизни, которую вы заслужили.

Преданный вам

Джон Гловер

Поверьте, только англичанин мог написать столь благородное и скромное послание. Не надо чрезмерно восхищаться моей памятью, я историк, и мое ремесло – запоминать тексты. Но время идет, а я еще не ответил на все ваши вопросы. Ханна похоронила Гловера и позаботилась обо всех оставшихся после него делах. Однако появление картины Хоппера, как вы догадываетесь, не могло пройти без последствий. Ханна не ставила под сомнение честность супруга: у него было много возможностей продать картину, и то, что он категорически запретил Гловеру ее продавать, доказывало, что у него не было этого намерения. Но у Ханны возникли гораздо более тяжелые подозрения. Она помнила, как в вечер их бегства Роберту остро понадобилось вернуться в сторожку за вещами и за пресловутой картой тайников с оружием. На самом деле он ходил за Хоппером; ей врезалась в память котомка, с которой он ни на минуту не расставался по пути в Испанию и потом на корабле. Из этого следовал неопровержимый вывод: Сэм рассказал Роберту о тайнике, а значит, Роберт с самого начала ее обманывал. Но и это было еще не все. Когда Жорж намекнул ей на кладбище, что Роберт мог выдать бойцов Сопротивления немецким пособникам, она спросила, что случилось с Титоном, товарищем Роберта по несчастью, уехавшим с ним на двухместном велосипеде: тогда ее посетило страшное подозрение... Вспомните первые часы их бегства и подробность, насторожившую ее, когда они очутились на опушке леса.

Роберт якобы задушил человека, который вез его к немцам, а потом выскочил из машины на проселок и сбежал. Так откуда тогда у него взялся тот же самый велосипед-тандем?

– Об этом я не подумала, – призналась я.

– Я тоже, – сказал Джордж-Харрисон.

– А она подумала, – продолжал Шейлок. – Ответ на этот вопрос стал для Ханна источником чудовищной дилеммы, потому что она уже не сомневалась, что и здесь муж ее обманывал. Для этого у него могла быть одна-единственная причина: он сбежал не так, как рассказывал, если это и вправду был побег...

– Она не спрашивала его об этом? Не требовала ответить, как все было на самом деле?

– Сначала нет, и на то имелись причины. Но ее жизнь перевернулась, и пути назад уже не было. С того дня Ханна стала другим человеком.

– Почему она ничего ему не сказала?

– Потому что связывающие нас узы порой таковы, что некоторым истинам мы предпочитаем умолчание и даже ложь. Сидя у изголовья умирающего Гловера, Ханна то и дело испытывала приступы тошноты. Она объясняла это своим безутешным горем, но потом сообразила, что природа смилостивилась и откликнулась на единственную ее мольбу, остававшуюся доселе неутоленной.

– Но ведь к этому времени Ханна уже родила мою мать, вы сами только что это сказали.

– Нет, я сказал, что она появилась в замке. Салли-Энн – приемная дочь. Ханна была уверена, что бесплодна, а теперь забеременела. Увы, счастье и несчастье часто идут рука об руку: отцом сына, которого она носила, был человек, виновный в смерти ее отца. Ханна уже не строила иллюзий: Роберт выдал место, где прятались партизаны, в обмен на свободу. Сэм и партизаны заплатили за его предательство своими жизнями. А теперь представьте себе этот конфликт между чувством и долгом! Плюс ко всему Ханна ни на минуту не забывала преподанные ей Гловером правила: рынок произведений искусства – тесный мирок, где все друг с другом знакомы и где главное – держать рот на замке. Если бы правда однажды вышла наружу, их брак ни за что не устоял бы, а репутация оказалась бы навсегда замаранной. И тогда им пришлось бы проститься и с процветанием, и с галереей. Кто захочет иметь с ней дело после такого скандала? Ханна упаковала Хоппера, уложила в картонную папку для этюдов, запечатала ее воском и поместила в сейф мужа, сказав, что там лежит особенно дорогая ей картина, потом заставила поклясться жизнью

детей, что он никогда не вскрыет коробку. Это была жестокая и изощренная месть. Каждый раз, открывая сейф и видя коробку, Роберт мучился вопросом, обнаружила ли Ханна доказательство его вины. Казалось бы, долго соблюдать договоренность было немыслимо, тем не менее это продолжалось одиннадцать лет. Ханна уже не была прежней любящей и преданной супругой. Роберт мог лелеять только дочь, и Салли-Энн, не ладившая с матерью, в ответ дарила отцу беззаветную любовь. До тех пор, пока...

– Пока ей не исполнилось двенадцать?

– Действительно, примерно в этом возрасте она подслушала, как родители страшно ссорятся в отцовском кабинете. Ханна узнала, что муж ей изменяет. Он завел первую, но не последнюю любовницу в своей жизни. В его оправдание можно сказать, что Роберт был красивым мужчиной, а жена, не способная его простить, много лет им пренебрегала. Для человека естественно нуждаться в любви, чувствовать себя любимым. Упреки сыпались с обеих сторон, ситуация накалялась. В конце концов Ханна крикнула, что «Девушка у окна», которую он украл из французской охотничьей сторожки, вот уже одиннадцать лет заперта в его сейфе. Какая изощренная, убийственная аналогия! После этого она рассказала ему все, что знала. В тот вечер Салли-Энн слышала не только о супружеской неверности отца, но и о том, что он не был героем, каким она его воображала, что, спасая свою шкуру, он совершил то, чему не может быть прощения. Она отреагировала так, как всякая девочка в ее возрасте. Порой даже нет нужды в подобном скандале, чтобы раздуть тлеющее в юной душе пламя. Произошел взрыв ненависти. Теперь она ненавидела мать, столько лет поддерживавшую ложь во избежание худшего, отца, мигом превратившегося в негодяя, и брата, всеобщего любимца, в отличие от нее, приемыша. Ханна испугалась, как бы дочь, жаждавшая мести, не проболталась кому-нибудь и не выдала тайну, которую так долго хранили ее родители. Дабы этого не случилось, она отправила Салли-Энн учиться в Англию, где та пробыла до совершеннолетия.

Шейлок залпом выпил вино и аккуратно поставил бокал на скатерть.

– Что ж, угощение было великолепно. Предоставляю вам за него расплатиться. Вернемся сюда, как только пожелаете: я заметил в меню филе из окуня с трюфелями, которое охотно отведал бы. Припомнив всю эту историю, я снова захотел дописать свою книгу. Надеюсь, вы сдержите слово и согласитесь на ее публикацию. Был очень рад знакомству с последней из Стэнфилдов.

Профессор встал, потряс нам обоим руку и был таков.

У себя в гостиничном номере, растянувшись на кровати, я вспоминала рассказанное профессором за ужином.

Как ни странно, я ощутила больше близости с матерью, чем когда-либо прежде, при ее жизни. Теперь я понимала, что ей пришлось пережить в вынужденном изгнании, понимала, что она чувствовала, будучи дважды брошенной: сначала родителями, потом людьми, которые ее удочерили: об этом она рассказала нам почти правду. Но в ту ночь, лежа без сна, я поняла, почему они с отцом ничего нам не говорили: им хотелось нас защитить. Как я жалела, что она ничего нам не открыла! Как убивалась, что не дала ей больше любви, ведь она так в ней нуждалась! Если я расскажу о ее прошлом Мэгги и Мишелю, не предам ли я ее?

В голове теснилось столько вопросов, что я не могла уснуть. Так ли добросовестен профессор Шейлок, не преследует ли он прежде всего цель добиться разрешения на публикацию? Знал ли он, кто я такая, до встречи с нами? Если аноним не он, то кто же? И чего он добивается?

Завтра я должна сдержать обещание и помочь Джорджу-Харрисону отыскать следы его отца.

Октябрь 2016 г., Балтимор

Было холодное тусклое утро, город выглядел серым. Терпеть не могу позднюю осень, когда измученные ветром улицы выглядят постаревшими. На тротуарах стояли грязные дождевые лужи. Джордж-Харрисон ждал меня у пикапа. На нем была старая джинсовая рубашка, кожаная куртка и бейсболка; он и сам смахивал сейчас на бейсболиста. Но главное, он был в отвратительном настроении. Он долго меня разглядывал, потом со вздохом уселся за руль.

Я села с ним рядом и, не дожидаясь, пока он тронется с места, спросила, куда мы поедem.

– Вы езжайте куда хотите, а я возвращаюсь домой. Деньги не растут на деревьях. Кстати, о деревьях: меня ждет работа.

– Мы уже у цели, а вы готовы все бросить?

– Что за цель? Что бросить? Я бросил свою мастерскую в надежде хоть что-то узнать про отца, но все время, что мы здесь, я только и слышу, что о неприятностях вашей матушки и о приключениях вашей семейки. Это очень вдохновляет, вас в особенности, но у меня нет ни средств, ни желания дальше торчать в этом городе, где мне, судя по всему, больше нечего делать и нечего узнавать.

– Не верю, что вы говорите серьезно! Да, в моих поисках мы продвинулись дальше, чем в ваших, но даю вам слово, вчера я засыпала с мыслью исправить этот перекоc и заняться вашей частью истории.

– В каком это смысле «заняться»? – прошипел он, начиная злиться.

Я понятия не имела, что ответить, а врать я не умею, поэтому мне осталось лепетать что-то невразумительное.

– В общем, мы, как я погляжу, пришли к согласию, – продолжал Джордж-Харрисон, решив положить конец моим мучениям. – Вы ничего не знаете, я тоже. Так и запишем. Я был рад познакомиться с вами. Не считайте меня ни полным идиотом, ни грубияном, я не забыл, что произошло в этом пикапе, пускай это продолжалось всего несколько мгновений. Мне бы тоже хотелось вас поцеловать, то есть самому проявить инициативу, но вы живете в Лондоне, а я – в городишке в тысячах

километров от вашей прекрасной столицы. Скажите, к чему бы привел такой поцелуй? Только не говорите, что вы этого тоже не знаете. Лучше я вернусь к своей жизни, к своей работе. Со своим отцом я для себя давно разобрался. Так что к черту это анонимное письмо и того, кто его накропал. Если уж на то пошло, мне уже неинтересно, кто такой этот аноним, больно много чести! Даже если наш профессор, жрущий, как свинья, несмотря на свои широкие познания, все это придумал, чтобы состряпать свою книжонку, пусть и он проваливается ко всем чертям! Прежде чем мы расстанемся, могу дать вам один совет: напишите свою статью – и тоже поскорее возвращайтесь домой. Это лучшее, что мы оба можем сделать.

Я впала в страшную панику. В такое состояние, когда внутри все переворачивается и хочется провалиться на месте. Тогда же я обнаружила в себе умение врать. Потому что прикинулась, что целиком с ним согласна, что мне ничего не стоит вылезти из его пикапа, что мне до лампочки, если мы с ним больше никогда не увидимся. Я кивнула головой, соорудила подходящее выражение лица и не сказала ни слова – не хотела выпускать демонов лжи и проверять, сколько времени я сумею ломать комедию. Вышла из его долбаного пикапа, гордая и решительная. До того гордая, что даже не хлопнула дверцей. Эдина и Пэтси были бы мной довольны, а может, подняли бы меня на смех за дурацкое самолюбие.

Пикап стал удаляться; когда он повернул за угол, я перестала сдерживать слезы. Не только потому, что этот олух выбросил меня, отшвырнул пинком, но и потому, что вдруг почувствовала себя такой одинокой, какой никогда еще не чувствовала во время бесчисленных поездок. Это было одиночество, от которого спасали только мысли про моего чудесного папу, про замечательных брата с сестрой; мне даже Веры стало не хватать в этом проклятом городе, где меня подстерегали одни несчастья...

Я повернулась и побрела в сторону отеля – а куда еще было деваться? У меня за спиной два раза прогудел клаксон. Я оглянулась и увидела по-прежнему угрюмого Джорджа-Харрисона: он наклонился и опустил стекло.

– Тащите свои вещи, я жду.

– «Пожалуйста! Сходите за вещами, пожалуйста!» – поправила я его.

– И поскорее, пожалуйста!

Я так торопилась, что все перевернула вверх дном в своей дорожной сумке: джемперы, брюки, белье, вторую пару обуви, «макбук» с зарядкой, туалетную сумочку и косметичку, которую всегда беру в поездки. Потом я поспешно расплатилась за номер. Джордж-Харрисон, карауливший меня у

отеля, схватил мои пожитки и забросил в кузов.

– Куда едем? – снова спросила я его.

– Туда, где для меня все началось, туда, где мне следовало проявить больше упорства.

– То есть?

– В пансионат, где живет моя матушка. У нее еще бывают моменты просветления – редкие и недолгие, но вдруг вам улыбнется удача? Понимаю, вы не обязаны ехать со мной, особенно после того, что я вам только что наговорил...

– Если вы ломали всю эту комедию только для того, чтобы представить меня вашей матушке, – сказала я со вздохом, – то можно было не стараться, предложили бы, только и всего. Буду только рада познакомиться наконец с женщиной, которую обожала моя мать!

Джордж-Харрисон разглядывал меня, силясь понять, не смеюсь ли я над ним, а я только насмешливо на него поглядывала.

– Сядьте поудобнее, – проворчал он, – у нас впереди десять часов пути. Хотя с удобством здесь не очень-то: пикап – это вам не лимузин.

* * *

Мы проехали через Мэриленд и Нью-Джерси и въехали в штат Нью-Йорк. Когда вдаль показались небоскребы Манхэттена, я не могла не вспомнить о квартире в Верхнем Ист-Сайде с окнами на Центральный парк, о своих бабушке и дедушке, которых я не знала и никогда не узнаю.

Городской водоворот сменился лесами Коннектикута. Белые дубы уже облетели, но пейзаж по-прежнему был прекрасен. У Вестпорта Джордж-Харрисон свернул с трассы. Мы пообедали в ресторанчике на реке Сотак, вверх по руслу которой при каждом приливе бежит океанская волна. На берегу отдыхали казарки, взлетевшие, когда мы заканчивали обед, и построившиеся в небе клином с острием, направленным на юг.

– Они летят из моих мест, – сказал Джордж-Харрисон. – Это канадские гуси. Когда я был маленьким, мама рассказывала мне, что они рисуют своими перьями белые снега, а потом, зачерпнув в теплых водах Южного полушария синей краски, летят рисовать цвета весны. Это похоже на правду, ведь каждый год их отлет знаменует приход зимы, а возвращение – прекрасного теплого времени года...

Я смотрела, как птицы становятся все меньше, превращаются в крохотные точки, потом исчезают. Мне хотелось улететь вместе с ними,

опуститься на теплый песок южного пляжа и больше ни о чем не думать.

На остановке – мы заправлялись в Массачусетсе – Джордж-Харрисон, залив полный бак, предложил мне сесть за руль:

– Умеете водить?

– Уметь-то умею, только у нас левостороннее движение.

– На автостраде это не так важно. Мне надо отдохнуть, будет безопаснее, если мы станем время от времени менять друг друга. Впереди еще долгий путь, мы проехали только половину.

Когда мы въезжали в Вермонт, он уснул.

Я смотрела на дорогу, но время от времени косилась на спящего. У него был такой безмятежный вид! Я недоумевала, как у него это получается. Мне часто не хватает именно спокойствия, нужно всегда быть в движении. Я столько времени провожу в тишине, что иногда приходится болтать ни о чем, лишь бы ее нарушить. Но в его обществе все по-другому: казалось, он окутал меня своим спокойствием, помог мне, ничего особенного не сделав, научил меня обращаться с тишиной и получать от нее удовольствие.

Когда мы проезжали город Гловер, у меня сжалось сердце. Английский галерист пожелал из скромности, чтобы его имя исчезло вместе с ним; хотелось бы мне, чтобы он здесь побывал: какой была бы его реакция?

Мне нравилось вести пикап: ты просто держишь руль, но мощное рычание мотора дарит ощущение, будто ты действительно управляешь машиной. Полная противоположность папиному «остину»: в нем ты почти касаешься задом асфальта, тогда как здесь паришь на достойной высоте. Поглядывая в зеркальце заднего вида, я глупо улыбалась сама себе: а что, не такая уж я замухрышка! Меня уже влекла жизнь на Дальнем Севере. Озера, леса, бескрайние просторы, зверье – удивительно здоровый образ! Да, я слишком много смотрю телевизор, как сказала бы Мэгги.

В небе угасал свет дня, близился вечер, по мере нашего продвижения на север кроны деревьев делались все чернее. Я опустила стекло и наслаждалась пьянящей свежестью воздуха. Понять бы еще, как тут включаются фары... Джордж-Харрисон, угадав мое намерение, повернул колесико на приборной доске.

– Не очень устали? – спросил он, открывая глаза.

– Нет, я могу хоть всю ночь рулить, мне очень нравится!

– К счастью, это лишнее. До границы уже недалеко, мы пересечем ее в Стенстеде. В это время на контрольном пункте не должно быть очереди. Потом еще километров сорок – и все, мы на месте.

Таможенники проверили наши документы, декларировать нам было нечего, моя сумка в кузове заинтересовала их не больше, чем чемоданчик Джорджа-Харрисона. Два штампа, поднятый шлагбаум – и мы уже в Квебеке.

Джордж-Харрисон показал мне, по какой дороге ехать.

– Заедем в техпомощь, – предложил он, глядя на часы на приборной доске.

– Разве что-то барахлит? – удивилась я.

– Нет! – Он засмеялся. – Здесь называют «техпомощью» круглосуточную лавку. У меня дома шаром покати.

– Я думала, мы едем к вашей матери?

– К ней мы отправимся завтра. Беспокоить ее в такой поздний час неудобно, а от гостиниц я уже устал. У меня дома полно места.

– Мне слышалось, что у вас малюсенькая комнатуха?

– Зато мастерская у меня знаете какая просторная? Когда меня в чем-то упрекают, я умею делать выводы. После отъезда Мелани я кое-что перестроил. Да вы не бойтесь, может, я и медведь, но у меня не лесная берлога.

– Я и не боюсь! – возмутилась я.

– Разве что чуточку, – уступил Джордж-Харрисон.

Мы остановились перед магазинчиком – бетонным кубиком на обочине, освещенном фонарем. Похоже, Джордж-Харрисон был здесь частым гостем: хозяин сначала крепко пожал ему руку, а потом помог погрузить в пикап коробку со снедью. Я страшно проголодалась, поэтому, выбирая еду, явно перестаралась. Пока я рыскала среди полок, хозяин поглядывал на меня с улыбкой. Представляю, за кого он меня принял!

Была уже непроглядная ночь, когда мы съехали с шоссе на грунтовку. Берлога не берлога, но лесная чаща.

Но тут пикап выехал на опушку. Луна осветила мастерскую, совсем не такую, какой я себе ее представляла. Надо отдать должное его «бывшей»: мастерская оказалась не просторной, а попросту огромной. Передо мной вырос гигантский ангар с широкими окнами в железных рамах, под высокой крутой крышей. Джордж-Харрисон достал из бардачка дистанционный пульт и нажал кнопку. Вся мастерская засветилась, ворота гаража поехали вверх.

– Современно, да? – Он жестом предложил мне закатить пикап в гараж.

Я уже думала, что сюрпризы кончились, но где там! Внутри ангара пряталось, оказывается, жилище Джорджа-Харрисона – симпатичное

голубое шале на сваях, окруженное террасой, за перилами которой я увидел стол и два стула.

– Раньше моя комната была на антресолях, – сказал он. – После ее ухода я разобрал антресоли и построил этот дом.

– Говоря о «кое-какой перестройке», вы явно скромничали!

– Согласен, я слишком размахнулся. Просто одно лето следовало за другим, а она все не возвращалась, вот я и не мог остановиться...

– Это была ваша месть?

– Типа того. Глупо, ведь она никогда этого не увидит.

– Если бы стройка развернулась снаружи, у нее было бы больше возможностей. Нужно было послать ей фотографию. На вашем месте я бы обязательно это сделала.

– Вы серьезно?

– Хотите, могу сделать селфи на крыльце.

Джордж-Харрисон расхохотался.

– И все-таки как-то странно, – продолжала я.

– Что странно?

– Обычно дома строят не внутри ангаров, а снаружи.

– Преимущество налицо: зимой, когда я выхожу из дому, мне не надо разгребать снег.

– Как же вы выгуливаете собаку?

– У меня нет собаки.

– Допустим. Здорово вы забаррикадировались!

– Вам нравится?

– Что вы немного чокнутый?

– Нет, мой дом!

– И то и другое совсем неплохо.

Он взял мою сумку и занес в шале. Потом накрыл стол на террасе. Звезд оттуда было не видно, зато тепло. В мастерской пахло древесной стружкой, я чувствовала себя на ничейной земле, на нейтральной полосе – приятное, оказывается, ощущение!

Мы оба устали с дороги и быстро отправились спать. Джордж-Харрисон устроил меня в гостевой комнате. Обстановка там была строгая, но приятная, получше, чем в моей лондонской студии. Ну и дура эта Мелани! Как можно было назвать медведем человека с таким тонким вкусом?

Назавтра я самовольно уселась за руль, не оставив Джорджу-Харрисону выбора. Я напомнила ему, что в Балтиморе он не пускал меня за руль, а он заметил, что вообще-то это его пикап. Но возражать не стал и, похоже, развеселился.

Мы ехали часа два, потом он указал мне на кованую ограду. Аллея, засыпанная гравием, привела нас к изящному строению на холме. В окрестном парке было безлюдно: слишком холодно, чтобы выводить обитателей пансионата на прогулку.

– Далековато от Гайд-парка, – сказал он.

– Вы уже бывали в Лондоне?

– Нет, знаю его только по фильмам. Ну и в Балтиморе просмотрел в интернете кое-какие фотографии.

– Неужели? Зачем?

– Из любопытства.

Я поставила пикап под кованым навесом, и мы вошли внутрь.

* * *

Я узнала женщину, сидевшую в большой гостиной. Она раздраженно наблюдала за тем, как соседка раскладывает пасьянс, словно давно ждала, когда та предложит к ней присоединиться. Ее кожа покрылась морщинками, но глаза сверкали в точности как на фотографии из кафе «Сейлорс». Встреча с Мэй сильно меня разволновала: я оказалась к ней не готова. Мэй любила мою мать, моя мать любила ее. Она столько о ней знала! Умерший старик как сгоревшая библиотека, как выразился один африканский поэт. Мне хотелось прочитать все книги, которые она хранила, пусть и сама о них позабыла.

– Ты приехал со своей подругой! Рада, что вы помирились! – воскликнула она, приподнимаясь с места. – Я знала, что ваша размолвка – это ненадолго. Не припомню уже, что послужило ее причиной, наверняка какой-то пустяк.

Судя по виду Джорджа-Харрисона, он готов был провалиться сквозь землю от смущения. Я немного подождала, прежде чем прийти ему на выручку, и протянула руку Мэй. Но она заключила меня в объятия и прижалась щекой к моей щеке.

– Надо же, а раньше ты меня целовала! Я же не виновата в том, что мой сынок вел себя с тобой по-свински.

Ее объятия были крепкими, кожа нежной. От нее пахло амброй, и я тут

же узнала этот восточный аромат: такие же духи были у моей мамы.

– Это «Джики»? – спросила я ее.

– Раз знаешь, зачем спрашиваешь?

И она отвернулась от меня. Теперь ее внимание было приковано к сыну. Я решила оставить их вдвоем и сказала, что пройду по парку.

– Если решила тайком покурить, то гляди в оба, а то отнимут сигареты. Думаешь, ради твоего здоровья? Нет, сами потом выкурят! Ну, как дела в школе? – обратилась она к сыну. – Сделал уроки?

Я вышла пройтись, но холод был собачий, к тому же я не курю. Пришлось вернуться и сесть за стол рядом с читающим стариком. Видимо, чтение его сильно забавляло: он то и дело принимался смеяться. Потом я заметила, что он не переворачивает страницы, и вся похолодела. Даже снаружи мне было не так холодно, как здесь. Я отвернулась и стала наблюдать за Мэй и Джорджем-Харрисоном. Судя по всему, они о чем-то спорили. Вряд ли это был осмысленный спор. На самом деле я не просто наблюдала за Джорджем-Харрисоном: я им любовалась. В его жестах было столько любви и терпения, он так внимательно слушал мать, что я даже подумала, что согласилась бы потерять память, если бы знала, что меня будут так любить.

Мой сосед-читатель захохотал во все горло, потом его хохот перешел в приступ кашля. Он побагровел, как перезревший плод, весь напрягся, захрипел и сполз на пол.

К нему бросилась дежурившая неподалеку санитарка, но, судя по всему, помочь ему было уже нельзя. Жильцы пансионата наблюдали за происходящим с таким видом, будто для них имеет значение только неординарность события и им нет дела до того, что один из них задыхается. Джордж-Харрисон оттолкнул санитарку и наклонился над бьющимся в конвульсиях беднягой, засунул ему в рот два пальца, вытащил язык. Старик задышал, его щеки из багровых стали розовыми, но глаз он не открывал и не отвечал Джорджу-Харрисону.

– Месье Готье, – говорил тот по-французски, – вы меня слышите? Если слышите, сожмите мою руку.

Месье Готье сжал пальцы.

– Я вызову «скорую», – сказала санитарка.

– Нет времени, – ответил Джордж-Харрисон. – Она придет только через полчаса, потом еще полчаса, пока доставит его в больницу. Лучше я сам его туда отвезу. Возьмите одеяла, я уложу его в свой пикап.

Молодая женщина, разносившая пирожные в тот момент, когда у Готье начался приступ, предложила свою помощь. У нее «универсал», там

больной не замерзнет. Подбежали еще двое из персонала. Готье уложили в «универсал». Джордж-Харрисон вызвался ехать с ним. Я тоже охотно поехала бы с Готье, я чувствовала себя ответственной за него, потому что ему стало нехорошо у меня на глазах, но в «универсале» уже не было места, и Джордж-Харрисон попросил меня его подождать.

Я дрожала под навесом от холода, обхватив себя за плечи, и смотрела, как сигнальные огни «универсала» исчезают за воротами пансионата.

* * *

Когда я вернулась в читальный зал, жизнь там снова шла своим чередом: все вернулись к своим делам, как будто ничего не произошло. Или у них такая короткая память?

Старушка за соседним с Мэй столиком опять раскладывала пасьянс, остальные устали в экран телевизора или бессмысленно смотрели перед собой. Мэй встретила меня странным взглядом, поманила пальцем и указала на стул напротив:

– Знаешь, для меня важно с тобой познакомиться. Ты похожа на нее, даже очень. Прямо как призрак из прошлого! Она ведь умерла?

– Да, умерла.

– Зря, я должна была уйти раньше ее. Но уйти красиво – это вполне в ее духе.

– Не думаю, что она сделала это сознательно, – возразила я, встав на защиту матери. – И ее уход был не таким уж прекрасным.

– Да, ты права, не в этот раз. Не то что тогда, когда она испортила нам обеим жизнь. Вместе мы могли бы выпутаться, но она ничего не хотела слышать, все из-за этого... – Она выразительно хлопала себя по животу. – Надеюсь, ты не собираешься его у меня похитить? Учти, я не позволю.

– Похитить его у вас?

– Не разыгрывай передо мной идиотку, я говорю о сыне, он у меня один.

– Из чего вы могли бы выпутаться?

– Из передраги, в которую угодили по милости твоей мамочки. Ты же ради этого сюда явилась: хочешь узнать, куда она его дела.

– Я даже не догадываюсь, о чем вы говорите.

– Врунья! Но ты так на нее похожа, что я тебя прощаю, потому что продолжаю ее любить даже мертвую. Я скажу тебе кое-что, только, чур,

пусть все это останется между нами. Ему ни слова, я запрещаю!

Я не знала, сколько продлится это просветление. Джордж-Харрисон предупреждал, что это бывает редко и продолжается недолго. Он надеялся, что повезет ему, но вышло так, что судьба улыбнулась нам в его отсутствие. И я дала обещание, которое не собиралась выполнять. Мэй взяла обе мои руки, глубоко вздохнула, расплылась в улыбке.

У меня на глазах ее лицо засияло, словно она помолодела. Казалось, ожила та фотография из кафе «Сейлорс».

– Я пошла на страшный риск, чтобы добыть приглашения, – начала она. – Но это ерунда по сравнению с тем, что произошло на самом балу. В тот вечер все решилось. Бал – фермата в сюите лжи, затянувшейся на тридцать шесть лет... Но не дольше.

Октябрь 2016 г., Восточные кантоны, Канада

У Мэй была странная манера рассказывать: казалось, она слушает подсказки внутреннего голоса. Благодаря ей я перенеслась в Балтимор в конце октября 1980 года. Был вечер...

– Водитель притормозил под козырьком, и мы вышли из машины. Стук дверцы – и дефиле машин продолжилось. У двери толпились те, кому выпала честь быть приглашенными на бал-маскарад. Две одинаково одетые женщины брали пригласительные билеты и находили имена в списке. На мне была перехваченная ремешком на талии длинная юбка, блузка с манишкой, приталенное пальто, высокая шляпа. Салли-Энн нарядилась в костюм домино: широкое платье, на голове черный капюшон. Мы выбрали такие наряды, чтобы не привлекать особого внимания и спрятать под подолами то, что намеревались похитить.

Твоя мать подала контролерше наши пригласительные. Я страшно рисковала, чтобы их получить, только уже не помню, когда это было, с некоторых пор у меня трудности с датами...

Мы вошли в холл – огромный, освещенный гигантскими канделябрами. Перед нами высилась широкая лестница, перегороженная красной лентой. Задрав голову, можно было полюбоваться стеклянным потолком и галереей с кованой балюстрадой вдоль всего второго этажа. Вместе с остальными гостями мы перешли в парадную гостиную первого этажа. Под окнами ломились яствами буфетные столы. Все было устроено великолепно. Оркестр из шести музыкантов играл менуэты, рондо и серенады, расположившись на эстраде, установленной рядом с камином из тесаного камня. Такого пышного зрелища мне видеть еще не доводилось, и я обомлела. Арлекин лобызал руку графине, солдат Конфедерации чокался с индийским магом, его враг-северянин беседовал с Клеопатрой. Джордж Вашингтон, уже изрядно захмелевший, не собирался останавливаться на достигнутом. Гугенот лил и лил в бокал шампанское, уже хлынувшее через край. Принц из «Тысячи и одной ночи» ласкал груди Изабеллы, чей Леандр куда-то запропастился. Факир налегал на фуа-гра, потешный колдун с крючковатым носом впивался зубами в бутерброд с черной икрой.

Коломбина и Полишинель образовали премилую пару, Цезарь почесывал лоб, натертый лавровым венком. Авраам Линкольн обнимал гейшу. Маски позволяли делать то, что запрещено в обычной жизни.

На эстраду поднялась молодая красавица певица. Гости замерли, замороженные ее сильным голосом. Салли-Энн, воспользовавшись этим, толкнула потайную дверь между книжными шкафами. За ней обнаружилась винтовая лестница. Мы взбежали на второй этаж, и Салли-Энн потащила меня по галерее. Под нами бурлило море гостей, мы прижимались к стенам, чтобы нас не заметили. Миновали комнату, куда меня привели, когда я изображала посетительницу мисс Некончу. Как тебе прозвище? Но это другая история, расскажу, если ты снова меня наведишь. Салли-Энн вошла в отцовский кабинет. Меня она попросила посторожить дверь. Как сейчас слышу ее голос: «Не подходи к балюстраде, а то кто-нибудь задерет голову, чтобы полюбоваться люстрой, и заглянет тебе под юбку. Если кто-то поднимется наверх, шмыгни сюда. Не волнуйся, я все продумала и быстро управлюсь». Но мне все равно было тревожно, хотелось ее остановить. Я стала ее умолять, сказала, что еще не поздно отказаться от нашей затеи, что мы обойдемся без этих денег, что есть другие способы преодолеть наши трудности... Но она решила идти до конца: все из-за своей проклятой газеты, которую любила больше, чем меня. А главное, ей непременно нужно было взять реванш. Запомни мой совет: не давай злости руководить твоими действиями, иначе рано или поздно тебе придется за это заплатить. Я повела себя как дурочка, ввязалась в гиблое дело: осталась караулить перед едва прикрытой дверью.

Пока я стояла на своем посту, твоя матушка подошла к мини-бару, поставила отцовский ящик с сигарами на столик и схватила ключи от сейфа. Этот миг определил наши дальнейшие судьбы, и не только наши. Я не перестаю об этом думать, потому что если бы дальше все сложилось иначе, то и вся наша жизнь пошла бы по-другому, и тебя сегодня здесь не было бы.

Знаю, у меня изрядно едет крыша, но тот бал-маскарад мне никогда не забыть.

На чем я остановилась? Ах да. Я услышала шаги и наклонилась над балюстрадой. Какой-то мужчина перешагнул через красную ленточку и стал подниматься по главной лестнице. Еще мгновение, и он поднимется на второй этаж. Я царапнула дверь кабинета, чтобы предупредить Салли-Энн. Она выключила свет, схватила меня за руку и потащила внутрь. Я оцепенела и застряла в проеме. Надо было поступить иначе, но, понимаешь, я хотела ее защитить, поэтому, вместо того, чтобы спрятаться

вместе с ней, я вырвала руку, бесшумно затворила дверь и направилась навстречу незнакомцу в маске и в костюме венецианца. Я надеялась, что это просто бесцеремонный гость, может, он просто ищет укромное место, откуда можно позвонить? У меня мелькнула мысль, что я могу изобразить такое же намерение. Но не успела: он строго спросил, что я здесь делаю.

Его голос был мне очень хорошо знаком, даже слишком. Тем не менее я взяла себя в руки. Во мне тоже разгорелась жажда мести. Этот бал, пышный и комичный, был устроен в его честь. Я решила поздравить его по-своему, сделать подарок, который превратит его в пожизненного пленника.

Я молча прикоснулась пальцем к его губам и улыбнулась. Он сгорал от желания узнать, кто эта обольстительница, рыскающая по дому. Он напомнил мне, что праздник устроен на первом этаже, а на второй гостям хода нет, но добавил, что, если мне хочется его осмотреть, он с радостью станет моим провожатым. Ответить ему, не выдав себя, было невозможно, время для этого еще не пришло. Поэтому только шепнула «тсс», взяла его за руку и повела в малую гостиную рядом с кабинетом мисс Некончу. Что касается меня, то такое прозвище лично мне никогда бы не подошло.

Там я толкнула его в кресло, чем сильно позабавила, так что он не стал сопротивляться. Он был, конечно, не дурак и знал, что под маской скрывается явно не его будущая жена. Я расстегнула ему ширинку, запустила руку в штаны и убедилась, что он меня хочет. Я знала его предпочтения и доставила ему это удовольствие, но на этом не остановилась. Он был мне нужен целиком, пусть в последний раз, зато весь. В моей жизни хватало мужчин, одних оставляла я, другие оставляли меня, но с ним был особенный случай. Я задрала юбку и села на него. Не осуждай меня, не теряй напрасно время, мне нет никакого дела до чужого мнения. На свете нет ничего слаще акта любви с человеком, которого любишь и ненавидишь одновременно. Я не торопилась, сознательно сдерживалась, чтобы Салли-Энн успела закончить в комнате за стеной. Я подозревала, что она все слышит, и для пущей верности вовсю стонала. Она изменила мне с Китом, я очутилась здесь по ее милости, поэтому моя месть предназначалась и ей, и особенно ее родителям – за то, что выбрали ему ровню и отвергли меня, девушку без гроша в кармане. Я мстила ему и всему свету, совращая его в день помолвки.

В момент оргазма он хотел сорвать с меня маску, но я не позволила, решив, что месть будет более утонченной, если он поймет, кто я такая, по-другому. И спросила, оценил ли он мой подарок. Видела бы ты его глаза, когда он узнал мой голос! «Полный ступор» – вот название этого взгляда.

Ступор и страх, что я спущусь вниз, отпихну в сторону певицу и исполню перед почтенной публикой арию про его шалости. Я нежно его поцеловала, потрепала по щеке и заверила, что ему нечего бояться. Возможно, его жена не сразу сообразит, с кем связалась, зато он, говоря ей о своей любви, обязательно будет вспоминать, что изменил ей в день помолвки.

Я предложила ему вернуться к будущей жене, заметив, что лучше нам не спускаться по лестнице вместе. Я пообещала ему уйти незаметно и дала слово, что он больше меня не увидит: ни в тот вечер, ни потом. Он сконфуженно застегнулся и зашагал прочь. Я немного выждала и вернулась в кабинет, к Салли-Энн.

Она не сказала ни слова. Завязав пояс плаща, под которым было спрятано похищенное, она заперла дверцу сейфа, положила ключи на место, в ящик с сигарами, и убрала его обратно в мини-бар.

Я спросила, взяла ли она то, что хотела, она вместо ответа задала мне такой же вопрос. Мы обе знали, что происходит в комнатах по соседству, где мы, каждая по-своему, обворовывали Стэнфилдов.

Прежде чем уйти, она схватила и сунула мне под пальто бутылку редкого виски, чтобы распить его в честь нашей победы. Она уже была пьяна оттого, что удался ее замысел. Наша «Индепендент» была спасена. Украденное из сейфа обеспечит запуск газеты и ее долгую жизнь, даже если издание будет убыточным.

Праздник был в разгаре. Мы выскользнули из дома незамеченными. Водитель ждал нас и отвез обратно в лофт.

Мэй умолкла и уставилась в пустоту. На ее лице снова проступили все прожитые годы. Больше, чем я узнала, мне уже не было суждено узнать. Вряд она теперь понимала, кто я такая. Она только тяжело вздохнула и повторила, что я страшно похожа на свою мать. После чего встала, отняла у соседки карты, уселась напротив меня и осведомилась, умею ли я играть в покер.

Я проиграла ей сто долларов. Когда вернулся Джордж-Харрисон, она незаметно спрятала деньги в карман и заулыбалась так, словно не виделась с сыном несколько недель.

Джордж-Харрисон сообщил нам, что месье Готье умер, не доехав до больницы.

– Я тебе говорила, что он не доживет до следующего года, Фома ты неверующий! – воскликнула Мэй почти радостно.

Мы провели с ней весь день, но она была уже не с нами. В три часа

дня небо прояснилось, и сын повел мать гулять в парк. Я воспользовалась тем, что осталась одна, чтобы восстановить в памяти все услышанное. Я узнала кое-что новое о своей матери, но опять ничего об отце Джорджа-Харрисона. Я не знала, как ему признаться, что не использовала минуты просветления, чтобы сдержать свое обещание.

Когда они вернулись с прогулки, я мельком переглянулась с ним и поняла, что судьба и в этот раз ему не улыбнулась, как он ни надеялся.

Немного погодя, после чая, он сказал матери, что нам пора ехать. Мэй обняла его. Настал мой черед с ней попрощаться.

– Я так рада, что вы снова вместе, вы прекрасная пара, – сказала она, опять назвав меня Мелани.

Когда мы подошли к пикапу, я притворилась, что забыла в читальном зале свой мобильный, попросила Джорджа-Харрисона подождать и бегом бросилась обратно в пансионат.

Мэй сидела в прежнем кресле, впившись глазами в кресло, которое занимал утром месье Готье. Подойдя к ней, я решилась на отчаянный шаг.

– Не знаю, слышите ли вы меня, – заговорила я. – Если да, то теперь моя очередь дать вам совет. Не уносите вашу тайну в могилу: ему очень тяжело оттого, что он не знает, кто его отец, а мне тяжело видеть его мучения. Вы не понимаете, какие страдания ему причиняете? По-вашему, все эти недомолвки натворили недостаточно бед?

Мэй повернулась ко мне с хитрым видом:

– Благодарю тебя за твою любезность. Не хочется тебя расстраивать, моя милая, но пока еще я не в могиле. Думаешь, он станет счастливее, если узнает, что его отец умер из-за меня? Видишь ли, не всякую истину следует раскрывать, так что, если у тебя есть другой вопрос, спрашивай скорее, он тебя ждет, а я не хочу, чтобы ты заставляла моего сына ждать.

– Где письма моей матери? Вы их сохранили?

Она похлопала меня по руке: так приводят в чувство не в меру дерзкого ребенка.

– Письма писала одна я, твоя мамочка не желала мне отвечать. То есть один раз ответила: назначила мне встречу. Поддерживать переписку она не желала, предпочла перевернуть страницу. Но один раз все же уступила моей просьбе. Тебе было четырнадцать лет, родители повезли вас в Испанию...

Я отлично помнила те каникулы. Родители возили нас за границу всего три раза: в Стокгольм – там Мэгги не переставала ныть, что мерзнет, в Париж, где Мишель разорил их, требуя пирожных, и в Мадрид, где я,

восхищенная красотой города, дала себе слово, что объеду весь мир, когда вырасту.

Мэй допила чай и продолжала:

– За полгода до того я написала ей, что заболела. У меня вырезали опухоль из груди, все могло кончиться куда хуже. Я подумала, что если со мной произойдет несчастье, то о моем сыне некому будет позаботиться. Никак иначе ее было не переубедить, вот я и понадеялась, что, увидев его... Если честно, это был, наверное, предлог, чтобы еще разок увидеть ее, а заодно и ее семью. Она согласилась, но поставила условие: говорить мы с ней не станем. В воскресенье вы пошли гулять в парк Ретиро. Твоя мать, отец, брат, сестра и ты сидели справа на ступеньках Хрустального дворца, перед большим фонтаном – чудо, а не семья! Мы с Джорджем-Харрисоном сели слева. Мне было больно, а не радостно, но я не жалела, что ради этих мгновений, украденных у прошлого, отправилась в такую даль. К тому же это путешествие – одно из самых чудесных детских воспоминаний моего сына. Мы с твоей мамой обменялись заговорщическими улыбками, полными смысла. Вы быстро ушли. Она оставила на ступеньке тетрадку – свой дневник, который начала вести еще в английском пансионе. В том дневнике было все: годы в Балтиморе, наше знакомство – мы тогда только поступили работать в газету, – обустройство в лофте, друзья, особенно Кит. Читая ее дневник, я опять проживала безумные дни, предшествовавшие созданию «Индепендент», наши бурные ночные посиделки в «Сейлорс», наши надежды и разочарования. Она описала даже тот бал и последующие события. Но в день своего отъезда она перестала делать записи в дневнике и больше не описывала свою жизнь.

– Почему она вернулась в Лондон, почему подвела такую жирную черту под своей прежней жизнью?

– У меня больше нет времени и желания об этом говорить. Все эти воспоминания принадлежат давно завершившейся эпохе. Какой от них прок? И ты оставь прошлое в покое, нечего без пользы терзаться. У тебя были чудесные родители, храни память о своей матери; Салли-Энн – другая женщина, ее ты не знала.

– Где ее дневник?

Но мой вопрос запоздал. У Мэй снова был отсутствующий, почти безумный вид. Она саркастически отдала честь глазевшей на нас соседке и со смехом повернулась ко мне:

– Дай-ка я расскажу тебе, почему мой сын стал столяром. Я увлеклась антикваром. Он ответил мне взаимностью. Я была одинока, он состоял в неудачном браке, жена наставляла ему рога. Два человека со сломанными

судьбами могут дать друг другу то, чего им не хватает, и жить обоим станет легче. В детстве Джордж-Харрисон подолгу пропадал у него в магазине. Я ни на кого не могла рассчитывать, а Пьер был ему как крестный, всему его учил. Не то чтобы мне это не нравилось, но я видела в этом перст судьбы. Видишь ли, я уже знавала одного столяра, славного парня, может, самого лучшего из всех, кто мне встретился. Между прочим, он навестил меня вскоре после рождения сына, хотел, чтобы я все бросила и уехала с ним. Я повела себя глупо и очень жалею об этом. Впрочем, все равно было уже поздно... Ничего ему не говори, Джордж-Харрисон воображает, что сам избрал себе ремесло, он терпеть не может признавать, что мать имеет на него влияние. А как же, мужчина! Все, теперь беги, я достаточно тебе рассказала. Если ты не поняла, значит, ты еще глупее, чем выглядишь.

– Так это вы нам написали?

– Иди отсюда! Мне пора принимать ванну, а ты, насколько я знаю, не санитарка. Мне бы не заменили санитарку без предупреждения. Хотя здесь ужасный беспорядок, если так продолжится, я буду жаловаться.

В этот раз Мэй стала по-настоящему заговариваться. Как я на нее ни сердилась, все равно чмокнула в щеку, чтобы еще раз почувствовать запах ее духов. Втянула запах что было силы – и ушла к Джорджу-Харрисону, заждавшемуся в пикапе. Как намекнуть ему, что он никогда не узнает своего отца, как сообщить доверенную мне Мэй тайну?

– Ну как, нашла?

– Что?

– Мобильник! Десять минут прошло, я уже начал беспокоиться.

– Поезжай, нам надо поговорить.

Октябрь 2016 г., Магог

Мы уехали из дома престарелых уже в темноте. Стало еще холоднее, чем утром, когда мы приехали. Я могла бы промолчать, но уж слишком мне опротивели все эти семейные тайны. Предстоял непростой разговор, и я решила продвигаться вперед осторожно, на цыпочках. Все только начиналось: сначала поговорить с Джорджем-Харрисоном, потом раскрыть глаза Мэгги и Мишелю. Как поведать им то, что я узнала об их матери, не предавая ее? Но всему свое время. Пока что моя проблема в этой машине, за рулем.

Джордж-Харрисон удивил меня своей реакцией на сообщение о том, что его отца нет в живых. То есть отсутствием реакции: он остался невозмутим. Я стала его убеждать, что ужасно огорчена, я чувствовала себя виноватой: не надо было раскрывать ему этот секрет. Он кусал губы, демонстрируя поразительную силу воли.

– Мне надо бы загрустить, но, странное дело, я испытываю облегчение. Тяжелее всего была мысль о том, что он решил со мной не знаться, наплевать на то, что я существую: подумаешь, сын, велика важность! А так у него есть оправдание, теперь трудно будет его упрекать.

Мэй не уточняла, когда ушел из жизни отец Джорджа-Харрисона, но эту тонкость я решила оставить при себе.

– Она выглядела нормальной, когда сказала, что убила его? – вдруг спросил он.

– Этих слов она не произносила. Она сказала, что виновата в его смерти, это разные вещи.

– Интересно, как ты объяснишь разницу, – осведомился он ядовитым тоном.

– Ничего общего! Об обстоятельствах его смерти нам ничего не известно. Вдруг это был несчастный случай и она винит себя в том, что не была рядом с ним?

– Сколько оптимизма! Сколько желания ее выгородить!

– Дело не в этом. Я поняла, что она его любила.

– Разве это что-то меняет? С каких пор убийство из ревности

заслуживает больше прощения?

– Разве плохо знать, что ты был желанным ребенком?

– Я ценю твои старания. Это так трогательно! Но ты торопишься: еще она любила Жана, Тома, Генри...

– Пьера... – смущенно подсказала я.

– Пьера?..

– Да, Пьера, так звали одного антиквара...

– Благодарю, я знаю, кто это такой.

– А ты знал, что...

– Естественно! Только не надо этой жалостливой гримасы. Мне давно это известно. Слишком часто я заставлял их... вместе. То она оставляла меня в магазине, то забирала меня оттуда, то он навещался к нам домой... Стоило ему оказаться рядом, он торопился взять ее за руку, а прощаясь, целовал... почти в губы. От маленького мальчика не ускользают такие детали. Но мне было наплевать, потому что из всех, с кем она встречалась, он был единственным, кто никогда меня не жалел. Наоборот, когда он разговаривал со мной о ней, то всегда повторял, как мне повезло, что она посвящает себя мне одному. Он не чувствовал за собой никакой вины – вот что мне в нем нравилось. Он уделял мне время, занимался со мной, но ему хватало такта не корчить из себя приемного папашу. Ободрял меня одним своим присутствием. А почему ты его упомянула?

– Потому что я уверена, что он знает гораздо больше, чем тебе рассказал.

Джордж-Харрисон включил радио, давая мне понять, что с него довольно. Мы ехали еще полчаса. В Магоге он выключил радио и повернулся ко мне:

– Во всем этом мне непонятно одно. Аноним наверняка знал, что моего отца нет в живых, он ведь все о нас знает. Зачем тогда он мне написал?

Ответ, который пришел мне в голову, вызвал у меня потрясение. Если кто-то никак не решится открыть вам правду, то самое лучшее – сделать так, чтобы вы сами ее нашли. Но и это соображение я оставила при себе, потому что не осмеливалась поделиться им с Джорджем-Харрисоном: я и без того была сыта разговорами.

Он заехал на пикапе к себе в мастерскую. Снова любуясь домом внутри ангара, я впервые за весь день улыбнулась.

Холод проник даже в мастерскую, и Джордж-Харрисон зажег газовую плиту. Пока мы ели на террасе, он кое-как крепился, но я чувствовала, до

чего ему грустно. Он осознал, что меня в Лондоне ждет куча родни, а он совершенно одинок. А я осознала то, о чем запрещала себе думать.

Меня страшила не перспектива остаться одной перед балтиморским отелем, а разлука с ним. Тайн и лицемерия и без того оказалось слишком много, так зачем прибавлять еще?

Я дождалась, пока он уснет, проскользнула в его комнату, шмыгнула под одеяло, прижалась к нему.

Он повернулся и обнял меня. Мы не набросились друг на друга, это было бы неуместно и невозможно сразу после новости о том, что его отец мертв и что он никогда его не узнает. Мы просто утонули в океане нежности, даже не занимаясь любовью.

* * *

Следующий день мы провели в его мастерской. У него была срочная работа, и я заворуженно наблюдала, как он делает ножки комода. Токарный станок – потрясающий агрегат, так и тянет сравнить его с музыкальным инструментом, слушая, как свистит древесина, когда от нее отделяются стружки, закручиваясь в причудливые спирали. Чудесно наблюдать за работой человека, влюбленного в свое ремесло. Потом он приделал ножки к комоду, приговаривая, что это целое искусство – так обработать штыри, чтобы они мягко вошли в свои гнезда. Он немного переборщил с терминологией, но я включилась в игру и делала вид, что увлечена всеми этими подробностями. Он придирчиво разглядывал свое детище под разными углами. Удовлетворенный, он попросил меня помочь ему погрузить комод в кузов пикапа, а потом сгрузить перед антикварной лавкой.

Пьер Трамбле читал газету. Увидев пикап, он вскочил, потом заметил меня и устроил нам чрезвычайно радушный прием. Он был без ума от радости, и по взглядам, которые он иногда на меня бросал, я поняла, что для него знакомство со мной очень важно. Потом все его внимание переключилось на комод: с удивленным видом он попросил перенести его на склад.

– Ты не хочешь выставить его в витрину? – спросил Джордж-Харрисон.

Но Трамбле ответил, что пока место комода в уголке, он осмотрит его завтра. Джордж-Харрисон пригласил его поужинать вместе с нами у матушки Денизы, где я оценила знаменитый угловой диванчик XVIII века.

Конечно, я не специалист, но, по-моему, подделка была выполнена мастерски, так что, как это ни глупо, я даже испытала гордость за Джорджа-Харрисона.

Пьер Трамбле посоветовал мне отведать байабес с островов Мадлен, к нему, по его разумению, прекрасно подходит белое вино с квебекского виноградника Ле-Бром: это название он произнес, гордо выпятив грудь, разливая вино по бокалам.

Чокнувшись с нами, он наклонился к Джорджу-Харрисону, спеша устранить возникшее недопонимание.

– Не хочу тебя огорчать, – заговорил он, – но я заказывал тебе старинные сани, а вовсе не комод.

– Верно, – невозмутимо ответил Джордж-Харрисон. – Но я тысячу раз спрашивал, не знаешь ли ты что-нибудь о моем отце, однако ты ничего не мог или не хотел сказать, поэтому мне пришлось самому заняться поисками, а на это ушла уйма времени. Как говорится, нельзя разорваться на части. Либо ты в дороге, либо в мастерской. С твоими санями придется подождать. Считай, что тебе повезло: я давно возился с этим комодом и вот потратил полдня на то, чтобы хоть чем-то тебя порадовать.

– Я все понял, – процедил Пьер. – Ты пригласил меня не для того, чтобы познакомиться со своей подругой. Это ловушка!

– Какая ловушка, раз ты ничего не знаешь?

– Ну хватит! – не вытерпел Пьер. – Нечего стыдить меня прилюдно! Я ничего тебе не говорил, потому что не имел права. Я дал слово, понимаешь? Оно у меня одно.

– Что ты обещал?

– Что, пока она с нами, я буду молчать.

– То-то и оно, что она больше не с нами, дорогой Пьер. Женщина, которую ты знал, сама забыла о своем существовании.

– Запрещаю тебе так говорить о родной матери!

– Увы, это правда, ты сам хорошо это знаешь, ты же ее навещаешь. Думаешь, я не узнал мебель у нее в комнате: ночной столик, круглый столик на одной ножке у двери, кресло у окна. Сколько раз ты туда ездил, чтобы сделать ее жизнь приятнее?

– Этим следовало заняться тебе.

– Уверен, ей больше нравится твое внимание. А теперь очень тебя прошу ответить на наши вопросы. Жаль, что ты не сделал этого раньше, когда я рассказал тебе об анонимном письме.

– Ответить на ваши вопросы? При чем тут твоя подруга?

– Элинор-Ригби – дочь Салли-Энн, – ответил Джордж-Харрисон.

Судя по выражению лица антиквара, имя моей матери было ему хорошо известно. Джордж-Харрисон пересказал Пьеру то, что мы выяснили с момента их последнего разговора перед его отъездом из Магога. Теперь Пьер Трамбле был просто обязан рассказать нам остальное.

– После ограбления ваши матери вернулись в лофт. Спрятали там добычу и присоединились к компании друзей в кафе в балтиморском порту. Насколько мне известно, это был незабываемый праздник. Присутствующие думали, что отмечают выход первого номера «Индепендент», но ваши матери праздновали еще и свое преступление. Какая ирония судьбы, когда знаешь, что она им приготовила на следующий день после выхода газеты! Полиция провела тщательное расследование, но на сейфе обнаружила только отпечатки пальцев Ханны и Роберта. Следов взлома не нашли, соответственно выдвинули только две версии: либо это дело рук кого-то из прислуги, либо никакого похищения вовсе не было. Стэнфилды не испытывали финансовых трудностей, версию мошенничества со страховкой полиция отвергла. Больше всего на свете Ханна Стэнфилд страшилась скандала: в ее сфере все зиждилось на репутации. Крупные коллекционеры доверяли ей бесценные произведения искусства, представьте, что бы они подумали, узнав, что из ее собственного дома украли картину? Поэтому она ничего не сказала о ней полиции. Что это вы так на меня смотрите?

Мы с Джорджем-Харрисоном лишились дара речи от удивления. Теперь смысл письма анонима окончательно прояснился. Я боялась перебивать Трамбле, но Джордж-Харрисон задал ему вопрос о картине.

– Насколько я знаю, она послужила причиной ссоры ваших матерей. Дело было не в ее ценности, пусть она и огромна, а в том, что для Ханны Стэнфилд картина имела колоссальное символическое значение. Как я понял, раньше она принадлежала ее отцу, и она была привязана к ней сильнее, чем ко всей своей коллекции живописи, вместе взятой. По мнению Мэй, поэтому Салли-Энн ее и похитила. Вывод Мэй: Салли-Энн пошла на ограбление не ради спасения «Индепендент», а ради мести. Салли-Энн клялась, что понятия не имела, что в сейфе хранится картина, что наткнулась на нее, отперев сейф, и прихватила заодно с облигациями. Но Мэй ей не поверила. Для нее была невыносима мысль, что ею манипулировали. И так думала не она одна. Здесь ирония судьбы становится совершенно очевидной: если бы не подпись – инициалы Салли-Энн – под ее статьей в первом, и единственном, номере «Индепендент», в которой она открыто сводила счеты со своей семьей, то Эдвард не догадался бы, кто все это написал. Но вред был причинен, и какой! Эдвард

понял, кто автор, и заподозрил, что его обвели вокруг пальца. Поначалу-то он решил, что поведение Мэй было просто, как бы это сказать помягче...

– Скажи как есть! – потребовал Джордж-Харрисон.

– Не ваше дело. Скажу иначе: эта статья навела его на мысль, что Мэй явилась в тот вечер на бал не с целью испортить ему помолвку, а с другими намерениями. Ведь он столкнулся с ней не внизу, в зале, а на втором этаже, неподалеку от того места, где произошло ограбление. Поэтому, поняв по той роковой статье, на что способна его сестра, чтобы отомстить семье, он сложил два и два и получил четыре. Пока он и Мэй... выясняли отношения, Салли-Энн похитила у матери картину, которая была той дорожке всего на свете. Все ясно, или мне начать сначала?

– Яснее не бывает, – вздохнула я.

Я сознательно избавила Джорджа-Харрисона от некоторых подробностей и испытала облегчение, когда Трамбле тоже решил его пощадить.

– Что стало с картиной? – спросила я его.

– Вот здесь неясность. Мэй ничего об этом не знала. Уверяю вас, к ней картина не попадала.

– Как вышло, что она ничего об этом не знала, если жила в лофте вместе с моей матерью?

– Вскоре после ограбления их жизни под одной крышей пришел конец. Эдвард Стэнфилд, уверенный в виновности сестры, решил вывести ее на чистую воду и отнять у нее картину. Он без памяти любил мать. С тем, что у нее похитили целое состояние в виде облигаций казначейства, Ханна кое-как смирилась, но никак не с утратой картины. Эдвард устроил за вашими матерями слежку: несколько дней подряд караулил их, следил, где они бывают. Они готовили следующий номер своей газеты, а он не сводил глаз с их окон, сидя в позаимствованной у матери машине. Он увязался за Мэй, когда она отправилась в банк, чтобы продать одну облигацию для расчета с поставщиками. Войдя туда следом за ней, он присутствовал при операции, оставаясь незамеченным. Теперь он располагал неопровержимым доказательством. Когда Мэй вышла из банка, она невольно предъявила ему и окружающим еще одно доказательство, правда, совсем другого рода: на улице ее вывернуло наизнанку. Он мог бы приписать ее тошноту страху, но, когда она вышла из такси, у дверей лофта ее снова стошнило. Лучше я не стану живописать эту сцену. Мэй исчезла в лофте, Эдвард вышел из машины и постучал к ним в дверь. Очная ставка переросла в скандал: Эдвард грозил на них донести, если они немедленно не отдадут украденное. Сотрудник банка, принявший облигацию, легко опознал бы

Мэй, и для обеих все закончилось бы тюрьмой. Мэй, не дав Салли-Энн времени на оправдание, побежала за облигациями. Тут Эдвард потребовал возврата второй части добычи, и Мэй узнала наконец, что украдены были не только облигации. Вспыхнула ссора, Салли-Энн оскорбляла Эдварда, Мэй страшно обозлилась на Салли-Энн, короче, дело кончилось настоящей свалкой. Поскольку Салли-Энн отказывалась возвращать картину, Эдвард спросил, что будет с ребенком, когда его мать сядет за решетку. О беременности Мэй Салли-Энн не знала. Можете себе представить, какое впечатление на нее произвела эта новость, тем более в такой обстановке! Все на минуту притихли, привыкая к новой ситуации: Эдвард – к тому, что Мэй не отрицает, что беременна, Мэй – к тому, что он разоблачил ее перед ее подругой, Салли-Энн – к своей догадке, кто отец ребенка. Она подчинилась и вынесла футляр с картиной.

– Эдвард был в шоке, узнав, что станет отцом? – спросил Джордж-Харрисон. Губы у него дрожали.

– Он это предположил, и с полным на то основанием, – подтвердил антиквар со вздохом.

– Почему ты говоришь мне это только сейчас? Зачем было столько ждать?

– Потому что потом кое-что произошло, – ответил Трамбле, опуская глаза. – Но ты хорошенько подумай, прежде чем я продолжу. Потом будет уже поздно, даже если ты простишь мне долгое молчание и поймешь наконец, почему мать всю жизнь оберегала тебя от этой правды.

– Говори, Пьер, я уже знаю, что она его убила.

– Ничего ты не знаешь, дружок. Повторяю свой вопрос и настоятельно советую подумать.

Я схватила руку Джорджа-Харрисона и так сильно сжала, что у него побелели пальцы. Я чувствовала всем своим существом, что Пьеру лучше не продолжать. Но кто на месте Джорджа-Харрисона не захотел бы узнать продолжение?

Он несколько раз кивнул, и Пьер нехотя возобновил свой рассказ:

– Эдвард повернулся, чтобы уйти. Он вполне мог бы прикусить язык. Извините меня за грубость, но он оказался подонком: мало ему было, что он получил все, чего хотел. С порога он прокричал еще одну угрозу, пострашнее прежних: что если Мэй не сделает аборт, то он сдаст их обеих полиции. И с отвращением добавил: хватит того, что его сестрица, приемыш, не имеющий права носить фамилию Стэнфилд, натворив всяких мерзостей, превратилась в пустое место. Он не позволит, чтобы еще один незаконнорожденный замарал их имя и разрушил его брак. Он, по его

словам, поступает слишком милосердно: пусть уж лучше этот ребенок вовсе не появится на свет, чем будет передан социальным службам, когда его мать посадят в тюрьму. У Салли-Энн были недостатки, но покорность среди них не числилась. Она с воплем набросилась на брата и стала молотить его кулаками. Отбиваясь, он потерял равновесие, упал и пересчитал затылком все сто двадцать ступенек. Эта крутая лестница была словно русская рулетка. Эдвард сильно ударился затылком, пробив череп, и ему пришел конец.

Трамбле поднял глаза на Джорджа-Харрисона, тревожась за него. Его лицо выражало бесконечную печаль и сочувствие. Джордж-Харрисон молчал. Тогда Трамбле, накрыв своей ладонью его руку, попросил у него прощения.

– Ты зол на меня? – спросил он.

Джордж-Харрисон поднял голову:

– У меня нет отца, так даже лучше. Зато у меня невероятная мать, и у меня есть ты, Пьер. Вот как вас много! Даже слишком, чтобы жаловаться на жизнь. Это было бы черной неблагодарностью.

Трамбле сам расплатился по счету. Мы пешком вернулись в его магазин, рядом с которым оставили пикап. Пришло время прощаться, и тут Трамбле поманил нас за собой. У себя в кабинете он открыл ящик стола и достал старую тетрадь на спиральных, похожую на школьную.

– Клянусь, я так этого и не прочел. Ее отдала мне твоя мать, – сказал он, глядя на Джорджа-Харрисона. – Но на самом деле она принадлежала вашей матери, – добавил он, поворачиваясь ко мне. – Больше не хочу никаких секретов. Отдаю ее вам.

* * *

Ночь выдалась темная хоть глаз выколи. Джордж-Харрисон сидел за рулем, фары освещали дорогу, мы ехали назад, к нему в мастерскую. У меня на коленях лежал дневник моей матери, и я прижимала его к себе, еще не смея открыть.

Октябрь 2016 г., Магог

Ночь я провела, прижавшись к Джорджу-Харрисону. Он спал. Думаю, на самом деле притворялся. Просто закрыл глаза, предоставив мне довольствоваться тем, что он тут, рядом со мной.

Я всю ночь читала дневник матери. Она описывала в нем свою суровую жизнь в английском пансионе, бессонные ночи, когда ее душило чувство одиночества и отчаяния. Были в дневнике и полные радости страницы о знакомстве с моим отцом в пабе, где с экрана телевизора «Битлз» пели All You Need Is Love, об их первых трех годах вместе, когда она обрела подобие счастья. Я поняла причины ее возвращения в Балтимор: она мечтала, надеялась снова влиться в семью. Я узнала о ее жизни внештатной журналистки, о ее приключениях, тяге к свободе, которую она превратила в цель своего существования. Как мы были похожи в этом возрасте! Я колесила по миру, ища в глазах незнакомых людей то, что не посмела разглядеть в глазах своих родителей, потому что боялась слишком хорошо их понять... Читая, я словно заново узнавала то, что мне открылось во время путешествия: с каким рвением она взялась за проект собственной газеты, какие баталии выдержала, в какое безумие из-за всего этого погрузилась.

На рассвете, добравшись до последних страниц материнского дневника, я разбудила мужчину, которого уже полюбила, чтобы прочитать их вместе с ним, потому что они касались его. Мама написала это не для себя одной, но и для Мэй.

27 октября 1980 г.

Это мои последние слова, доверенные тебе, дорогой Дневник.

Когда мы нашли в себе силы спуститься к брату, лежащему внизу, у лестницы, мы обе подумали, что он умер. Но Мэй заметила, что он еще дышит. Тогда мы решили, что непоправимого не случилось. Мы отнесли его в его машину и отвезли в больницу. Когда носилки с ним бегом увезли санитары,

мы сбежали, как воровки, которыми и были. Ночью я позвонила в больницу и спросила, как он. Безнадежен, ответили врачи. У него был проломлен затылок, чудо, что он еще дышал, но, когда от него отсоединят все трубки, его жизнь угаснет. Мы, воровки-идеалистки, превратились в преступниц, пусть и невольно.

Еще до наступления утра Мэй села за руль и утопила машину моего брата в темных водах доков. Мы следили, как она уходит под воду. О том, что он приезжал к нам, никто не знал; в отсутствие улик никто не установил бы, что мы натворили.

В полдень мне позвонила мать и потребовала, чтобы я немедленно к ней явилась. В последний раз я села на свой старый «Триумф».

Мать ждала меня в больничном холле. Она почти не отходила от сына. Я хотела увидеть его тело, но она не разрешила. Я хотела во всем ей признаться, и будь что будет, вернуть ей картину, раз она была ей так дорога, даже если мое раскаяние получится жалким и напрасным. Но она не дала мне раскрыть рта. Говорить собиралась она.

– Убирайся, – сказала она, – покинь страну, пока не поздно, и больше никогда сюда не возвращайся. Прошлой ночью я потеряла сына, не хватало мне дочери в тюрьме! Я все знаю, потому что ты моя дочь. Мне хватило рассказа санитаров о двух женщинах, положивших Эдварда на носилки в отделении неотложной помощи и сбежавших. Я опасалась худшего и, увидев тебя, все поняла. Позвонив тебе, я не сказала, где меня искать, и вот ты здесь. Избавься от моей машины, если еще этого не сделала, и тоже исчезни.

И она ушла, унося с собой свое горе, оставив меня одну.

Из больницы я поехала в лофт. Мэй там не было. Тогда я отправилась в банк, чтобы обналичить чек, который мне вручила мать, чтобы снова от меня отречься. В банке я пришла к мужу Ронды и отдала ему на хранение «Девушку у окна»: попросила поместить картину в сейф, который там арендовала. Он, не задавая вопросов, дал мне заполнить бумаги. Не хочу забирать ее с собой, никогда не смогла бы смотреть на эту девушку, при всей ее красоте, не думая о ее судьбе и судьбе моего брата. После этого сразу купила билет на самолет, а остаток своих денег положила в конверт. Я оставляю их на ночном столике, чтобы Мэй было на что пересечь границу и прожить

первые дни в Канаде.

** * **

Это последние слова, которые я пишу тебе, моя любовь.

Я вернулась в лофт, и в этот раз ты меня ждала. Я сообщила тебе о своем решении. Мы долго говорили, потом молча плакали. Ты собрала два чемодана, свой и мой.

Ты уснула, и я ушла. Сказать тебе «до свиданья» было бы ложью, «прощай» – слишком жестоко. Я оставила на ночном столике все облигации, чтобы ты смогла заново отстроить свою жизнь, которую испортила я. Ты носишь дитя, любовь моя, и оно продолжит историю, которую я обрываю. Тебе решать, рассказать ли ее когда-нибудь.

За меня не беспокойся. В Лондоне есть человек, который меня ждет, я могу на него положиться. Во всяком случае, я на это надеюсь. Это из-за него я так часто терзала твой слух, бесконечно крутя диски «Битлз», а ведь ты любила только «Роллинг стоунз».

Это мои последние слова тебе, потому что я никого не хочу обманывать. Если он захочет меня простить, то я стану любить его изо всех сил и посвящу всю жизнь тому, чтобы сделать его счастливым.

И вы будьте счастливы вместе, подари своему ребенку радость жизни, знаю, тебе это под силу. С тобой связаны мои лучшие годы, и, что бы с нами ни случилось, ты останешься в моем сердце до конца моих дней.

Салли-Энн

Так кончалась последняя страница ее дневника. Занимался новый день. Джордж-Харрисон принес мне свитер и джинсы, и мы пошли гулять в лес.

Октябрь 2016 г., Магог

Я позвонила Мишелю, чтобы узнать, как у него дела. По нему я скучала сильнее всего. Как бы между прочим спросила, говорила ли ему мама о банке, в котором спрятала картину. Он ответил, что это нелогично. Зачем держать картину в сейфе? Ведь картины пишут для того, чтобы вешать их на стены. Я не нашла объяснения, которое его устроило бы. Он спросил, скоро ли я вернусь, и я обещала, что приеду, как только смогу. После этого он спросил, нашла ли я то, что искала, и я, глядя на Джорджа-Харрисона, ответила, что нашла как раз то, чего не искала. Он подтвердил, что так бывает, он читал в своих книгах, что многие научные открытия совершаются случайно. В библиотеке было двое читателей, и при таком наплыве посетителей он не мог долго разговаривать по телефону. Он обещал поцеловать за меня Мэгги и папу и взял с меня слово, что я им позвоню.

Джордж-Харрисон ждал меня у пикапа. Мы заперли мастерскую и поехали. К ночи мы были в Балтиморе.

На следующий день мы выполнили свое обещание – побывали у профессора Шейлока. Мы рассказали ему все, что узнали, – ну почти все, кое-что его не касалось. Надеюсь поймать его в западню, мы спросили, не знает ли он, в каком банке хранится картина. Наш вопрос не слишком его взволновал. Взяв свою рукопись, он стал ее листать, неодобрительно качая головой.

– Здесь же написано, надо просто быть внимательнее! Стэнфилды были акционерами Корпоративного банка Балтимора, он существует до сих пор, вам только и нужно, что найти его адрес в справочнике. Так вы действительно даете мне разрешение на публикацию всей этой истории?

– При условии, что вы ответите на один вопрос, – уточнила я.

– Я вас слушаю, – сказал он раздраженно.

– Это вы написали анонимные письма?

Шейлок указал пальцем на дверь:

– Что за нелепость! Убирайтесь!

* * *

Сотрудник банка, куда мы тут же направились, принял нас холодно. Прежде чем он что-то нам скажет о каком-то сейфе, мы должны были предъявить доказательства, что сейф принадлежит нам. Напрасно я втолковывала ему, что сейф арендовала моя мать, которая умерла: он остался непоколебим. Если я – ее законная наследница, почему бы не предъявить ему доказательства? Я показала ему паспорт, и разговор приобрел кафкианский уклон. Моя фамилия Донован, а мама арендовала сейф под девичьей фамилией, которую сменила, когда поселилась в Англии. Даже если папа пришлет мне копию их свидетельства о браке, это ни в чем не убедит верного стража чужих кладов.

Желая от нас избавиться, он подсказал, что единственный, кто уполномочен отступать от правил банка, – его президент. Тот бывает на работе дважды в неделю, в следующий раз его ждут послезавтра. Сотрудник добавил, правда, что беспокоить мистера Кларка нет никакого смысла, потому что он мормон, а мормоны никогда не отступают от правил.

– Вы сказали «мистер Кларк»?

– Вы что, глухие? – рассердился цербер.

Я стала просить его передать президенту банка, что в город пожаловала дочь Салли-Энн Стэнфилд и что миссис Кларк, если они до сих пор женаты, была хорошо с ней знакома, потому что участвовала вместе с ней в создании некой газеты, а еще напомнить ему, что моя мать однажды оставила ему картину, на которой изображена девушка у окна. Я не сомневалась, что президент банка нас примет. Я написала на клочке бумаги номер моего мобильного телефона и адрес нашего отеля, изъявила даже готовность отдать ему свой паспорт. Цербер схватил бумажку, которой я махала у него перед носом, паспорт отверг и пообещал передать мою просьбу при условии, что я немедленно уйду.

– Разве что нам очень сильно повезет! – сказал Джордж-Харрисон, выходя из негостеприимного банка. – К тому же раз их главный – мормон, то...

– Ну-ка повтори!

– Это так, к слову, ничего не имею против мормонов.

Я чмокнула Джорджа-Харрисона в щеку и привела его в недоумение: чего это я так повеселела? Причина у меня была: я вспомнила разговор

папы с Мэгги, когда она, учинив в его квартире обыск, на ходу придумывала объяснения.

– Мормон не может усомниться в работе другого мормона, – пробормотала я.

– Что-то я не припомню, чтобы ты пила...

– Мормоны ужасно увлекаются генеалогией, в конце девятнадцатого века они основали у себя в Юте генеалогическое общество. Начали с Соединенных Штатов, потом занялись Европой: заключили договоры почти со всеми странами, делящимися с ними своими архивами. Эта работа никогда не прекращается, в хранилищах у них в горах лежат миллионы микрофильмов...

– Откуда такие познания?

– Это профессиональное. А еще к ним обращался мой отец. Если документ, который он мне показывал, по необходимости завершается моей мамой и мной, то я получу в ответ на свой запрос свое полное генеалогическое древо.

На то, чтобы получить желаемое, ушло не очень много времени. Мормоны не чужды современным веяниям; вводишь свои личные данные и данные своих родителей на странице их сайта в интернете – и получаешь свое генеалогическое древо со всеми предками. Я уже собралась снова побеспокоить сотрудника банка, выставившего меня за дверь, как вдруг мне позвонила секретарь мистера Кларка.

Ровно в полдень следующего дня президент банка ждал меня в своем кабинете.

* * *

Даже не знаю, кто и что в этом кабинете было древнее: сам президент, его секретарша или обстановка.

Мы утонули в потрескавшихся кожаных креслах. На Кларке был костюм-тройка и галстук-бабочка, на черепе не осталось ни волоска, но блестящие на носу прямоугольные очки и белоснежные усы делали его похожим на симпатягу Джеппетто из «Приключений Пиноккио». Бесстрастно меня выслушав, он склонился над протянутыми мной документами. Мое генеалогическое древо вызвало у него пристальный интерес, он трижды повторил «понятно». Я затаила дыхание.

– Все сложно, – изрек он.

– Что сложно? – донеслось из кресла Джорджа-Харрисона.

– Генеалогическое древо – не вполне официальный документ, тем не менее этот не вызывает сомнения. Сейф, о котором идет речь, был открыт тридцать шесть лет назад и ни разу с тех пор не открывался. Еще несколько месяцев – и банк объявил бы его содержимое выморочным и конфисковал. Представьте себе мое удивление, когда появляется человек, заявляющий о своем праве собственности!

– У вас перед глазами доказательство того, что я действительно дочь Салли-Энн Стэнфилд.

– Это само собой. Уж очень вы на нее похожи.

– Прошло столько лет, а вы все еще помните мою мать?

– Знали бы вы, сколько лет жена упрекала меня за то, что я не предоставил ей ссуду! Сколько раз повторяла, что если бы я не согласился с мнением совета управляющих, то ничего бы не случилось! Сколько лет ваша мать, сама того не зная, портила мне кровь! Поверьте, будет лучше, если я об этом умолчу.

– Выходит, вам известно, что тогда произошло?

– Да, после несчастного случая с ее братом она решила покинуть мать и уехала жить за границу. Я узнал об этом с сожалением, как и все, кто знал со Стэнфилдами.

– Вы были знакомы с Ханной?

Кларк утвердительно кивнул:

– Потрясающая была женщина! Врачи никак не могли ее убедить. Настоящая святая!

– В чем убедить?

– Отключить приборы, поддерживавшие существование ее сына. Она истратила все свое состояние на самый лучший уход за ним. Продала одну за другой все картины, потом пришла очередь дома. Она поселилась одна в маленькой квартире и целыми днями пропадала в клинике, куда поместила сына. Надеялась на чудо, но его не произошло. Даже самое современное оборудование, которое она без конца обновляла, не могло его оживить. Она всем ради него пожертвовала, и когда он угас, не стало и ее.

– Сколько лет прожил Эдвард?

– Десять лет или чуть дольше.

Кларк поправил очки, вытер лоб, откашлялся:

– Что ж, вернемся к нашим делам. Полагаю, вам известно, что ваши брат и сестра, фигурирующие в этом документе, тоже являются наследниками мисс Стэнфилд, вашей матери?

– Само собой разумеется.

– Согласно договору об аренде сейфа, вскрыть его может либо она, либо кто-то из ее детей.

Кларк передал мое генеалогическое древо и тот самый контракт своей секретарше, дверь кабинета которой оставалась открытой, пока мы разговаривали; наверное, ему был нужен свидетель, способный подтвердить, что он ничего не нарушил и выполнил все обязательства своего банка.

Вскоре секретарша вернулась и кивнула головой в знак того, что все в порядке.

– Идемте, – сказал Кларк со вздохом.

Мы сели в лифт – теперь такой можно увидеть только в черно-белом кино. Решетчатая кабина, отделанная наборными деревянными панелями, рукоятка вместо кнопок – все это произвело сильное впечатление на Джорджа-Харрисона; пока мы ползли вниз со скоростью улитки, он, кажется, придумывал, как изготовить такую же.

Сейфовый зал поражал своими размерами. Кларк попросил нас подождать в вестибюле. Оставшаяся с нами секретарша впервые продемонстрировала, что умеет улыбаться.

Вскоре он вернулся с картонной коробкой в обертке.

– Откроете ее сами, я всего лишь хранитель.

Мы подступили к коробке как к бесценной древней реликвии. В каком-то смысле она такой и была.

Джордж-Харрисон развязал тесемки, я подняла крышку.

«Девушка у окна» явилась нам во всей своей красе. Свет так точно, так естественно падал ей на лицо, что можно было подумать, будто картина живет собственной жизнью и что на ней наступает новый день.

Я стала думать о другой девушке, которая когда-то смотрела в окно на своего отца, курившего в компании молодого американца. Я спасалась вместе с ней бегством, карабкалась в горы, благодарила людей, помогавших беглецам, и чудесного англичанина, торговца картинами; я представляла себе окна ее развалюхи на 37-й стрит, окна ее апартаментов в Верхнем Ист-Сайде, свою мать, удочеренную людьми, чья жизнь текла за этими окнами, ее брата, все жизни, которые связала картина Хоппера, сокровище Сэма Голдштейна.

Кларк и его секретарша неслышно подкрались к нам, чтобы тоже ею полюбоваться. Мне показалось, что картина и у них вызвала священный трепет.

– Хотите забрать ее прямо сегодня? – осведомился Кларк.

– Нет, – отозвалась я, – здесь как-то надежнее.

– Тогда упростим ситуацию. Я внесу ваше имя в договор, обновлю его и передам экземпляр документа вам. Если вы не возражаете немного подождать в холле первого этажа, мой секретарь вам его принесет.

Мы сели в тот же лифт и поднялись на первый этаж. Там мы расстались с Кларком: он простился с нами, и роскошная кабина лифта увезла его наверх.

Ждать пришлось не больше десяти минут. На конверте, врученном нам секретаршей, значились мое имя и фамилия. Она посоветовала мне беречь этот документ как зеницу ока. Она не помнила другого случая, чтобы мистер Кларк отошел от правил, и сомневалась, что это когда-нибудь повторится. Снова одарив нас улыбкой, она пожелала нам всего хорошего.

* * *

Мы решили пообедать в кафе «Сейлорс». Это было не паломничество. Просто захотелось еще раз побывать там, где мы познакомились. Расположившись поудобнее, Джордж-Харрисон спросил, как я намерена поступить с картиной.

– Отдам ее тебе, по справедливости ею должен владеть ты. В тебе одном течет кровь Сэма и Ханны Голдштейн. Моя мать была всего лишь приемной дочерью.

– Я в восторге!

– Тебе так хочется ее заполучить?

– Она прекрасна, но при чем тут я? Приемная, не приемная – что это меняет? Ребенок есть ребенок, твоя мать была единственной законной наследницей, хозяйкой картины.

– Тогда что привело тебя в восторг?

– То, что между тобой и мной нет кровного родства. Учти, я не отпущу тебя в Англию – во всяком случае, одну, без меня.

Я тоже не собиралась улетать одна, хотя, возможно, добралась бы до самого самолета, прежде чем он решился бы мне помешать.

– Так я и знала, – ответила я, немного блефуя.

– Ничего ты не знала. Кстати, есть одна вещь, которую мы, видимо, не узнаем никогда: кто автор анонимных писем.

Сев в пикап, я достала из кармана конверт, полученный от секретарши Кларка. При виде почерка, которым были выведены на конверте мои имя и фамилия, я просияла. Почерк был красивый, каллиграфический, без разрывов, с нажимом, как учат писать в школе.

И тут меня осенило. Я все поняла и засмеялась. Это был смех сквозь слезы.

Я повернулась к Джорджу-Харрисону и сунула ему конверт, воспользовавшись остановкой на светофоре.

– Ханна не покончила с собой, Шейлок сказал неправду. Ее машину столкнули в воду в порту наши матери.

– Не понимаю...

– Секретарь Кларка – это она, Ханна!

Кабинет Кларка, час спустя

– Вы довольны? – спросил Кларк Ханну, провожая ее до дверей банка.

– Да, довольна. Картина моего отца вернется к людям, я сдержала обещание, которое ему дала, – не продавать ее, сделать так, чтобы она навсегда осталась в нашей семье. К тому же мне удалось повидаться сразу с двумя моими внуками. Согласитесь, ради этого стоило отправить пару писем, пусть даже из Канады. Я бесконечно признательна вам за все, что вы для меня сделали.

– Почему вы им себя не назвали?

– Они проделали такой путь, что теперь, уверена, сумеют меня найти, если захотят.

Ханна попрощалась с Кларком и быстро зашагала к автобусной остановке. Он залюбовался ее походкой – такой же исполненной гордости, как вся ее жизнь.

Эпилог

1 января 2017 года Рэй Донован сел на диету, чтобы на нем сошелся смокинг.

2 января Элино́р-Ригби и Джордж-Харрисон поженились в Кройдоне. Церемония удалась на славу. Мэгги рассталась с Фредом и возобновила учебу на юридическом факультете, твердо решив стать адвокатом. Годом позже она передумает и начнет учиться на ветеринара.

Вечером в день свадьбы Вера и Мишель объявили, что переезжают в Брайтон, так как ждут счастливого события и морской воздух кажется им логичнее городского.

Сидя в заднем ряду, Ханна участвовала в церемонии инкогнито – или почти. Она воспользовалась приездом в Англию, чтобы побывать на могиле дочери. Она повидала все свое потомство и улетела совершенно счастливая.

20 апреля 2017 года профессор Шейлок издал книгу «Последняя из Стэнфилдов». Она имела большой успех... у коллег, которым он ее презентовал.

Элино́р-Ригби и Джордж-Харрисон живут в Магоге. Теперь их дом стоит не внутри столярной мастерской, а снаружи.

Мэй познакомилась со своим внуком. Мальчика зовут Сэм.

Наверное, это единственный на свете ребенок, в комнате которого висит картина Хоппера.

Вечером, ложась спать, он порой говорит «спокойной ночи» девушке, глядящей в окно.

Спасибо

Полине, Луи, Жоржу и Клеа.
Реймону, Даниэль и Лоррейн.

Сюзанне Ли.
Эмманюэль Ардуэн.
Сесиль Буайе-Рюнж, Антуану Каро.

Каролин Бабюль, Элизабет Вильнёв, Арье Сберро, Сильвии Бардо,
Лидии Леруа, Жоэлю Ренода, Селин Шифле, всей команде издательства
«Робер Лаффон».

Полине Норман, Мари-Эв Прово, Жану Бушару.
Леонарду Энтони, Себастьяну Кано, Даниэле Мелконян, Марку
Кеслеру, Мари Виру, Жюльену Сальте де Сабле д'Этьер.
Лоре Мэмлок, Сиси Рамзи, Кери Гленкорсу.
Брижит Фориссье, Саре Алтенло.
Лоренцо.

И «Битлз»... за «Элинор Ригби».
(© Lennon – McCartney)

notes

Примечания

Женский вариант имени – Michelle, мужской – Michel. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Чернокожий американский эстрадный артист, киноактер и певец.

Знаменитая британская комик-группа, блиставшая на телевидении в 60–70-х гг. и оказавшая огромное влияние на комедийный жанр.

4

«Неприкасаемыми» в сериале называли команду неподкупных следователей.

Инициалы S.A.S. можно прочитывать по-разному: либо «ее светлость» (*фр.* Son Altesse Sérénissime), либо Салли-Энн Стэнфилд (Sally-Anne Stanfield).